ИСТОРІЯ

ВОСТОЧНЫХЪ МОНГОЛОВЪ

ВЪ ПЕРІОДЪ ДИНАСТІИ МИНЪ.

1368—1634

(ПО КИТАЙСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ)

Д. ПОКОТИЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вниманіе лицъ, занимавшихся изученіемъ исторіи монголовъ, обращено было, главнымъ образомъ, на наиболѣе блестящія ея страницы. Интересующія въ частности синологовъ судьбы восточныхъ монголовъ обслѣдованы также только въ главныхъ своихъ частяхъ. Къ такимъ обработаннымъ эпохамъ слѣдуетъ причислить всю исторію завоеваній Чингиса и царствованія его преемниковъ въ Китаѣ до момента паденія юань'ской династіи. Обратили на себя вниманіе спеціалистовъ и болѣе позднія событія, а именно, борьба ойратовъ съ маньчжурами за самостоятельность; при этомъ изучены были событія предшествовавшія этому движенію и непосредственно слѣдовавшія за нимъ. Наконецъ, по разработаннымъ уже источникамъ, мы можемъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о современномъ распредѣленіи и разселеніи монгольскихъ аймаковъ и объ административномъ ихъ устройствѣ при нынѣшней династіи. Зато съ конца XIV и до начала XVII вв., то есть на протяженіи 250 слишкомъ лѣтъ, въ исторіи восточныхъ монголовъ залегаетъ почти полный непроницаемый мракъ.

Въ самомъ дѣлѣ, — интересуясь этимъ періодомъ, мы обращаемся прежде всего, конечно, къ имѣющимся у насъ двумъ монгольскимъ историческимъ памятникамъ, лѣтописямъ Сананъ-

сэцэн'а[1]) и Алтанъ-тобчи[2]), и что-же находимъ мы въ нихъ? — Перечисленіе именъ быстро смѣнявшихся монгольскихъ владѣльцевъ, къ которымъ пріурочено нѣсколько разсказовъ въ формѣ легендъ, историческій смыслъ коихъ, по непосредственному изученію ихъ изъ монгольскихъ источниковъ, угадать довольно трудно, а частью и совсѣмъ невозможно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что указанными выше двумя памятниками далеко не исчерпывается запасъ монгольской исторической литературы за указанный періодъ, но сколько бы ни открывали новыхъ лѣтописей и сказаній, всѣ они, несомнѣнно, будутъ отличаться тѣмъ-же эпизодическимъ, легендарнымъ характеромъ.

Связать всѣ подобныя легенды и составить, такимъ образомъ, хотя сколько-нибудь полную картину историческихъ событій за время мин'ской династіи можно только путемъ тщательнаго изученія всѣхъ имѣющихся, по этому предмету, свѣдѣній въ китайскихъ источникахъ; — они одни могутъ дать намъ прочную историческую основу и рядъ достовѣрныхъ фактовъ, краснорѣчивою иллюстраціею коихъ могутъ служить монгольскіе разсказы.

На свѣдѣнія, сообщаемыя о монголахъ въ китайской исторической литературѣ, уже было обращено вниманіе нѣкоторыхъ изслѣдователей. Не говоря уже о работахъ О. Іакинѳа и Тимковскаго, назову здѣсь современный замѣчательный ученый трудъ д-ра Бретшнейдера «Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources» (London, Trübner and Co., 1888) и изысканія В. М. Успенскаго объ исторіи Кукэ-нора[3]); сюда-же слѣдуетъ

---

1) Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi d. Ordus, aus dem Mongolischen übersetzt und mit Originaltexten, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken hrsgg. von I. J. Schmidt. St.-Petersburg, 1829.

2) Алтанъ-Тобчи. Монгольская лѣтопись, переведенная ламою Галсанъ-Гомбоевымъ, напечатанная въ VI-й части Трудовъ Восточнаго Отдѣленія И. Археологическаго Общества. Спб. 1858.

3) Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай съ прибавленіемъ краткой исторіи Ойратовъ и Монголовъ, по изгнаніи послѣднихъ изъ Китая, въ связи съ исторіею Кукэ-нора (преимущественно по китайскимъ источникамъ) Спб. 1880 г.

отнести свѣдѣнія о монголахъ, почерпнутыя изъ китайскихъ источниковъ историками de Mailla[1]) и De la Marre[2]). Наконецъ, сводъ всего, что было напечатано въ европейской литературѣ до 1876 года по исторіи монголовъ, мы находимъ у трудолюбиваго и въ высшей степени добросовѣстнаго компилятора Howorth'а въ его «History of the Mongols from the 9th to the 19th century» (London, Longmans Green and Co., 1876). Всѣ труды эти преслѣдуютъ, однако, свои спеціальныя цѣли; а потому все, что говорится въ нихъ о монголахъ и ихъ исторіи за періодъ династіи Минъ, по необходимости, носитъ на себѣ характеръ отрывочности и неполноты.

Задачею моею является пополнить существующій въ этомъ отношеніи пробѣлъ, причемъ я постарался воспользоваться всѣми данными, доставляемыми китайской литературой.

Главнѣйшимъ и основнымъ источникамъ моимъ была лѣтопись династіи Минъ — Минъ-Ши (明 史), представляющая собою историческую энциклопедію по всему китайскому востоку за этотъ періодъ времени. Огромный трудъ этотъ, къ составленію коего приступлено было вскорѣ по воцареніи маньчжуровъ, былъ издаваемъ не разъ; я пользовался изданіемъ, отредактированнымъ въ 1739 году.

Изъ Минъ-ши мною переведены цѣликомъ главы, спеціально трактующія о монголахъ и ойратахъ, а также сообщающія историческія данныя о небольшихъ княжествахъ, образовавшихся къ западу отъ провинціи Гань-су (甘 肅) и по склонамъ Тянь-шан'я, (天 山), судьбы коихъ, за разсматриваемый нами періодъ, были тѣсно связаны съ исторіею монголовъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этихъ отдѣлахъ, дополнены мною изъ погодной лѣтописи жизни отдѣльныхъ императоровъ (Бень-цзи 本 紀) и изъ біографій выдающихся государственныхъ людей и полко-

1) Histoire Générale de la Chine ou annales de cet empire trad. du Tong-Kien-Kang-mou. Paris, 1779.

2) Histoire de la Dynastie des Ming. Paris, 1865.

водцевъ (Лѣ-чжуань 列傳). Такихъ біографій мнѣ пришлось перевести не менѣе восьмидесяти. Лица знакомыя со способами изложенія, принятыми у китайскихъ историковъ, и съ тою разбросанностью, съ которою сообщаются ими свѣдѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, поймутъ, что только при такомъ всестороннемъ изученіи матеріала я могъ составить себѣ сколько нибудь опредѣленное представленіе объ интересовавшей меня эпохѣ.

Дополнялъ я свѣдѣнія, сообщаемыя въ отдѣлахъ Бень-цзи и Лѣ-чжуань Минъ-ши, выдержками изъ изданнаго при мин'скомъ императорѣ Вань-ли (萬曆) (1573 — 1620) сочиненія У-бянь-дянь-цзэ (五邊典則), собственно «Уложенія пяти границъ», заключающаго въ себѣ самыя подробныя данныя объ управленіи пограничными областями при мин'ской династіи. Здѣсь собраны въ хронологическомъ порядкѣ какъ распоряженія центральной власти, касающіяся пограничныхъ областей, такъ равно и донесенія губернаторовъ въ Пекинъ съ изложеніемъ ихъ взглядовъ на положеніе пограничныхъ дѣлъ.

Общимъ недостаткомъ во всѣхъ историческихъ трудахъ, составленныхъ по китайскимъ источникамъ, является индиферентность, съ которою авторы ихъ относятся къ точному опредѣленію географическихъ пунктовъ, о коихъ встрѣчается упоминаніе въ китайскихъ текстахъ. Благодаря такому недостатку, читатель не имѣетъ никакой возможности оріентироваться, причемъ неопредѣленными остаются часто не только отдѣльные пункты, а даже цѣлыя области.

Желая составить себѣ, по возможности, ясное представленіе о мѣстностяхъ, гдѣ происходили интересовавшія меня событія, я постарался, прежде всего, обстоятельно ознакомиться со всѣми сѣверными, пограничными съ Монголіею областями Китая, причемъ особенное вниманіе обратилъ на административное дѣленіе ихъ во времена мин'ской династіи. Наиболѣе полныя и подробныя свѣдѣнія по этому предмету мнѣ удалось почерпнуть изъ сочиненія Цзю-бянь-юй-ту (九邊輿圖) «Описаніе странъ у

девяти границъ». Трудъ этотъ составленъ былъ впервые еще во времена юань'ской (元) династіи, въ 1320 году. При мин'скомъ императорѣ Цзя-цзин'ѣ (嘉靖) (1522—1567) онъ былъ дополненъ современными свѣдѣніями и въ такомъ увеличенномъ объемѣ сочиненіе это было издано въ 1799 году. Этотъ многовѣковой трудъ, не разъ передѣлывавшійся и дополнявшійся, подробно трактуетъ объ административномъ дѣленіи сѣвернаго Китая при мин'ской династіи. Особеннаго интереса заслуживаютъ въ немъ замѣтки, сдѣланныя въ мин'скомъ изданіи; по нимъ можно судить о воззрѣніяхъ современниковъ на тогдашнее положеніе пограничныхъ дѣлъ.

Для опредѣленія отдѣльныхъ географическихъ пунктовъ, я пользовался историко-географическимъ словаремъ Ли-дай-ди-ли-чжи-юнь-бянь-цзинь-ши (歷代地理志韻編今釋), изданнымъ въ 1836 году. Въ трудѣ этомъ мы находимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о наименованіяхъ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей при различныхъ династіяхъ; этотъ же въ высшей степени полезный словарь даетъ намъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе старинныхъ, разрушенныхъ городовъ, крѣпостей и пр. Наконецъ для историческихъ и географическихъ справокъ, я постоянно имѣлъ подъ руками Мэнъ-гу-ю-му-цзи (蒙古游牧記), эту наиболѣе полную китайскую энциклопедію по современному монголовѣдѣнію. Приходилось также неоднократно обращаться и къ большимъ официальнымъ географіямъ юань'ской, мин'ской и нынѣшней маньчжурской династій.

Вообще, я постарался, съ возможною полнотою, воспользоваться всѣми источниками, къ которымъ имѣлъ доступъ, причемъ не пренебрегалъ самыми ничтожными свѣдѣніями, если они только могли пролить хоть какой нибудь свѣтъ на ходъ историческихъ событій. При всемъ томъ, какъ увидятъ читатели, остается еще не мало пробѣловъ и неясностей, пополнить и устранить которыя удастся только по открытіи и разработкѣ новыхъ народныхъ монгольскихъ историческихъ и литератур-

ныхъ памятниковъ. Въ этихъ послѣднихъ мы несомнѣнно найдемъ также не мало данныхъ, по которымъ можно будетъ судить о внутренней, духовной жизни монгольскаго народа за періодъ династіи Минъ.

Д. Покотиловъ.

С.-Петербургъ, 1 октября 1893 г.

Глава I.

Царствованіе императора Хунъ-у (洪 武) (1368—1399 гг.).

Конецъ царствованія послѣдняго императора Юань'ской (元) династіи Тогонъ-Тэмура подробно описанъ какъ въ китайскихъ [1]), такъ и въ монгольскихъ [2]) лѣтописяхъ.

Народное движеніе, начавшееся въ Китаѣ противъ ненавистнаго монгольскаго ига, успѣло къ 1368 году охватить южныя и центральныя провинціи имперіи. Одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ руководителей возстанія, Чжу-юань-чжанъ (朱 元 璋), торжественно объявилъ себя императоромъ, династію свою наименовалъ «Минъ» (明), а годамъ своего правленія далъ названіе «Хунъ-у», т. е. «счастливая война». Въ концѣ того-же 1368 года онъ изъ Нанкина быстро двинулся на сѣверъ. Полководецъ его Сюй-да (徐 達), во главѣ Мин'скихъ войскъ, взялъ Пекинъ, и Тогонъ-Тэмуръ долженъ былъ бѣжать въ свою лѣтнюю резиденцію, Кай-пинъ (開 平) [3]). Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, однако, какъ онъ принужденъ былъ, тѣснимый китайскими войсками подъ начальствомъ Чанъ-юй-чун'я (常 遇 春), укрыться еще

1) См. Mailla, Histoire Générale de la Chine, т. IX, стр. 652 и слѣд.

2) См. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 122 и сл. Алтанъ-Тобчи, стр. 48 и сл. (монг. текстъ).

3) Кай-пинъ находился въ области Сюань-хуа-фу (宣 化 府) въ разстояніи 100 ли отъ теперешняго уѣзднаго города Чи-чэнъ-сянь (赤 城 縣). Ли-дай-ди-ли-чжи.

далѣе на сѣверъ въ городъ Инъ-чанъ (應昌)[1]. Здѣсь бѣглому монгольскому владыкѣ удалось прожить нѣсколько долѣе, благодаря раздѣленію силъ, происшедшему въ лагерѣ его противника. Удалившись изъ Пекина, Тогонъ-Тэмуръ не потерялъ надежды отбить у Мин'цевъ свою столицу и поручилъ это дѣло своему полководцу Ванъ-бао-бао (王保保)[2]. Этотъ послѣдній, отстаивавшій, до тѣхъ поръ, сѣверо-западныя провинціи Китая, собравъ всѣ войска, которыми могъ располагать, бросился на востокъ, на помощь своему государю. Пользуясь этимъ, непріятель рѣшилъ сдѣлать нападеніе на покинутыя имъ области; Сюй-да и Чанъ-юй-чунь двинулись на западъ и побѣдоносно прошли провинціи Шань-си (山西) и Шэнъ-си (陝西). Узнавъ объ этомъ движеніи, Ванъ-бао-бао повернулъ обратно и нагналъ китайскую армію уже въ провинціи Гань-су (甘肅), недалеко отъ города Лань-чжоу (蘭州), въ мѣстности Динъ-си (定西)[3]. По совѣту Чанъ-юй-чун'я, Мин'цы сдѣлали внезапное нападеніе на лагерь непріятеля[4]); произошла страшная рѣзня и захвачено въ плѣнъ до сорока тысячъ монголовъ. Самъ Ванъ-бао-бао, не ожидавшій столь быстраго нападенія, писалъ въ то время донесенія и едва успѣлъ бѣжать въ сопровожденіи 18 всадниковъ[5]). Онъ направился на сѣверъ, переплылъ чрезъ Хуанъ-хэ на обломкѣ дерева и укрылся въ Хэ-нин'ѣ (和寧)[6]. Пораженію этому много способствовала

---

1) Инъ-чанъ-лу (наименованіе «лу» (路) соотвѣтствуетъ теперешнему «фу» область) былъ однимъ изъ 29 лу, на которые, при Юань'ской династіи, подраздѣлена была провинція Чжунъ-шу-шэнъ (中書省). Административный центръ области этой находился къ западу отъ нынѣшней ставки Кэшиктэнскаго аймака, на берегу озера Пу-юй-эрръ-хай (浦魚兒海). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) Онъ-же извѣстенъ подъ именемъ Куанъ-ко-тѣ-му-эрръ.

3) Окружной городъ Динъ-си-чжоу находился въ провинціи Гань-су, въ области Гунь-чанъ (鞏昌), въ уѣздѣ Ань-динъ (安定). Л. Д. Д. Л. Ч.

4) Минъ-ши, отд. Да-дань, 327 цз., 1 л.

5) Минъ-ши, біогр. Чанъ-юй-чун'я, 125 цз., 15 л.

6) Минъ-ши, біогр. Ванъ-бао-бао, 124 цз., 4 л. Подробныя свѣдѣнія о Хэнин'ѣ или Каракорумѣ см. въ Mediaeval Researches д-ра Бретшнейдера, т. I,

измѣна нѣсколькихъ монгольскихъ офицеровъ, передавшихся китайцамъ [1]).

Двинувшись на сѣверо-западъ, китайскія войска не оставляли, однако, долго въ покоѣ и Тогонъ-Тэмура, стоявшаго, какъ мы уже видѣли, въ Инъ-чан'ѣ. Противъ него отряжены были генералы Ли-вэнь-чжунъ (李文忠) и Пинъ-шэнъ (馮勝). Выйдя изъ прохода Цзюй-юнъ-гуань (居庸關), первый изъ этихъ военачальниковъ вскорѣ достигъ области Синъ-хэ-лу (興和) [2]) и здѣсь, при горѣ Ло-то-шань (駱駝) [3]), произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ монголы потерпѣли сильное пораженіе.

Отсюда китайскій отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ на Инъ-чанъ, и, по дорогѣ туда, Ли-вэнь-чжунъ, узналъ, что Тогонъ-Тэмуръ умеръ. Сынъ его Ай-ю-ши-ли-да-ла (愛猷識理達臘) [4]) успѣлъ бѣжать съ небольшою свитою въ Хэ-нинъ, но въ руки побѣдителей попали внукъ умершаго Тогона Май-ди-ли-па-ла (買的理八剌) [5]), а также его жены, множе-

---

стр. 122, прим. № 304 и т. II, стр. 162, пр. № 902. Не лишнимъ считаю прибавить здѣсь лишь нѣкоторыя недостающія у д-ра Бретшнейдера подробности. По свѣдѣніямъ словаря Ли-дай-ди-ли-чжи, городъ Хэ-нинъ находился въ Халхѣ между рр. Орхономъ и Тамиромъ. Въ географіи Юань-ди-ли-чжи читаемъ слѣдующее: «Когда въ 1220 году Чингисъ-Ханъ производилъ административное дѣленіе областей, лежащихъ къ сѣверу отъ р. Хуанъ-хэ, въ этой мѣстности была намѣчена столица. Оготай-ханъ въ годъ И-вэй (1235) впервые построилъ городъ Хэ-линь (和林) и соорудилъ въ немъ дворецъ. Черезъ два года, въ разстояніи 70 ли къ сѣверу построенъ былъ еще дворецъ, а въ 1238 г. сооруженъ былъ въ 30 ли отъ Хэ-нин'а еще третій походный павильонъ.»

1) М. Ш. біогр. Чань-юй-чун'я, 125 цз., 14 л.

2) Синъ-хэ-лу была одною изъ областей подвѣдомственныхъ пров. Чжунъ-шу-шэнъ; административный центръ ея находился въ 20 ли къ юго-западу отъ нынѣшней ставки Чахарскаго полосатаго желтаго знамени. Л. Д. Д. Л. Ч.

3) Гора Ло-то-шань (верблюжья) по Да-цинъ-и-тунъ-чжи лежитъ въ 90 ли къ юго-востоку отъ Чахарскаго желтаго полосатаго знамени.

4) У Сананъ-Сэцэна онъ назыв. Биликту-ханомъ.

5) Оба имени, какъ Ай-ю-ши-ли-да-ла, такъ и Май-ди-ли-па-ла очевидно Санскритскія, вѣроятно данныя царскимъ дѣтямъ ламами. Первое изъ нихъ Шмидтъ возстановляетъ въ формѣ Ачжусри-Дара (см. Schmidt., op cit. стр. 403, пр. 2), а второе Schott въ запискахъ Берлинской Академіи (за 1849 г. стр. 504) переводитъ «сынъ Майдари».

ство высшихъ сановниковъ и богатая добыча [1]). Ли-вэнь-чжунъ преслѣдовалъ бѣглецовъ до Бэй-цинъ-чжоу (?), но, не будучи увѣреннымъ въ безопасности своего тыла, принужденъ былъ возвратиться обратно [2]).

Между тѣмъ, съ Ай-ю-ши-ли-да-ла вскорѣ соединился бѣжавшій изъ за Желтой рѣки полководецъ Ванъ-бао-бао [3]). Этотъ вѣрный слуга не покидалъ въ несчастіи сына своего стараго повелителя и не соглашался на заманчивыя предложенія императора Хунъ-у, семь разъ посылавшаго къ нему приглашенія передаться на его сторону [4]). Иначе поступали другіе монгольскіе генералы, изъ коихъ многіе добровольно переходили на сторону китайцевъ; изъ нихъ Минъ-ши называетъ двоихъ: Цзянъ-вэнь-цин'а (江文清) и Ши-ду-эрр'а (失篤兒) [5]).

Послѣ всѣхъ этихъ блестящихъ побѣдъ китайцевъ, наступаетъ на годъ небольшое затишье, которымъ съумѣли воспользоваться Ай-ю-ши-ли-да-ла и его сподвижники. Весьма быстро оправившись отъ пораженій, они успѣли собрать въ разныхъ пунктахъ довольно значительные отряды. Узнавъ объ этомъ, Хунъ-у рѣшилъ весною 1372 года отправить три отряда, которымъ поручено было окончательно раздавить силу монголовъ, причемъ имѣлось въ виду поразить ихъ въ самомъ сердцѣ ихъ владѣній. Главнокомандующимъ китайскихъ войскъ назначенъ былъ Сюй-да, и въ помощники ему даны Ли-вэнь-чжунъ и Пинъ-шэнъ. Армія была раздѣлена на три отряда, которые и двинулись разными путями. Сюй-да пошелъ средней дорогой [6]); выйдя изъ прохода Янь-мынь (鴈門) [7]), онъ направился прямымъ пу-

1) М. Ш. отд. Да-дань, цз. 827, л. 1.

2) М. Ш. біогр. Ли-вэнь-чжун'а, 126 цз., 4 л.

3) М. Ш. біогр. Ванъ-бао-бао, 124 цз., 4 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 1 л.

5) Ibid.

6) Ibid.

7) Проходъ Янь-мынь находится въ пров. Шань-си, въ округѣ Дай-чжоу (代州).

темъ па Хэ-нинъ [1]); достигнувъ предѣловъ Линъ-бэй'-скихъ, (嶺北) [2], отрядъ главнокомандующаго вступилъ въ сраженіе съ войсками Ванъ-бао-бао и потерпѣлъ сильное пораженіе, потерявъ убитыми нѣсколько тысячъ человѣкъ [3]); Сюй-да успѣлъ однако удержать монголовъ отъ наступленія [4]). Походъ западнаго корпуса подъ начальствомъ Пинъ-шэн'а былъ болѣе удаченъ. Когда онъ приблизился къ Лань-чжоу, то авангардъ его подъ начальствомъ Фу-ю-дэ (傅友德) сразился у мѣстечка Силянъ (西凉) (?) съ монгольскимъ предводителемъ Ши-ла-хан'емъ (失剌罕), а при Юнъ-чан'ѣ (永昌) съ До-эрръ-чжи-ба (朶兒只巴); въ обоихъ случаяхъ китайцы одержали рѣшительныя побѣды, и захвачена была богатая добыча, состоявшая преимущественно изъ скота [5]). Затѣмъ авангардъ этотъ соединился съ главнымъ отрядомъ, послѣ чего произошло генеральное сраженіе съ монгольскимъ полководцемъ Бу-хуа (不花), потерпѣвшимъ рѣшительное пораженіе. Захвачено было въ плѣнъ болѣе 8.000 семействъ монголовъ. Отсюда китайское войско достигло мѣстности И-цзи-най-лу (亦集乃路) [6]) и дошло затѣмъ до Гуа-ша-чжоу, (瓜沙州) причемъ имѣло неоднократныя стычки съ Монголами. Наконецъ, третій, восточный отрядъ былъ отправленъ на сѣверъ, подъ начальствомъ Ли-вэнь-чжун'а; пройдя чрезъ Цзюй-юнъ-гуань, онъ двинулся на Хэ-нинъ; монголы отступали,

---

1) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 2-я цз., 9 л.

2) Линъ-бэй есть названіе Хэ-нинъ-лу, данное этой области въ 1320 г. — см. д-ра Бретшнейдера Med. Res., т. II, с. 162, пр. 902.

3) М. Ш. біогр. Ванъ-бао-бао, 124 цз., 4 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань 327 цз., 1 л.

5) М. Ш. біогр. Фу-ю-дэ, 129 цз., 8 л.

6) Объ области И-цзи-най-лу читаемъ въ XV цзюан'и Мэнъ-гу-ю-му-цзи слѣдующее: «при Юаньской династіи въ 23 годъ правленія Чжи-юань (至元) (1286 г.) учреждена была область И-цзи-най-лу, лежавшая отъ Гань-чжоу къ С. В. на разстояніи 1500 ли. Въ административномъ отношеніи она подчинена была провинціи Гань-су. Отъ Су-чжоу на сѣв. идетъ дорога, которая при Юань'ской династіи была большимъ проѣзднымъ трактомъ. Дорога эта, вѣроятно, вела изъ Су-чжоу въ И-цзи-най-лу и далѣе черезъ пустыню въ Хэ-нинъ.» Интересныя свѣдѣнія объ И-цзи-най-лу (Etzina) см. у Д-ра Бретшнейдера, op. cit. т. I, стр. 159, пр. № 428 и т. II, стр. 177, пр. № 937.

и китайское войско переправилось чрезъ Люй-цзюй-хэ (臚朐)[1], откуда направилось къ рѣкамъ Ту-ла (土剌) (Тола) и А-лу-хунь (阿魯渾) (Орхонъ). У послѣдней рѣки произошло сраженіе[2]), причемъ монголы оказали отчаянное сопротивленіе, такъ что пришлось пуститься въ рукопашную[3]); не смотря на свою храбрость, они потерпѣли, однако, полное пораженіе, и китайская армія преслѣдовала ихъ далеко за Орхонъ, до озера Чэнъ (稱) (?); при этомъ захвачено было въ плѣнъ около 1.800 семействъ, которыхъ и отправили немедленно въ столицу[4]). Обратный походъ китайцевъ былъ, однако, очень неудаченъ; — они заблудились въ пустынѣ и жестоко пострадали отъ недостатка воды; послѣ продолжительныхъ блужданій, лошади начали скрести песокъ и нашли воду. Только благодаря этому китайцамъ удалось спастись отъ гибели[5]).

Не смотря на довольно чувствительныя пораженія, понесенныя монголами въ ихъ родныхъ степяхъ, они немедленно предприняли рядъ набѣговъ на пограничныя китайскія области. — Въ 1373 году ими сдѣлано нѣсколько такихъ нападеній на сѣверную часть провинціи Шань-си, а именно на области Да-тунъ-фу (大同) и Нинъ-у-фу (寧武). При этомъ пострадали мѣстности Бао-дэ-чжоу (保德), Хэ-цюй-сянь (河曲) и Бо-дэнъ (白登)[6]) а также округа У-чжоу (武) и Шо-чжоу (朔)[7]). Вскорѣ, однако, ихъ отразили отсюда китайскія войска. Гораздо успѣшнѣе дѣйствовали монголы съ востока, со стороны Ляо-дун'а (遼東); здѣсь ихъ вторженія были настолько настойчивы, что императоръ Хунъ-у вынужденъ былъ совершенно отказаться отъ двухъ

---

1) Люй-цзюй-хэ — это Кэрулэнъ, см. д-ра Бретшнейдера op. c., т. I, стр. 49, пр. № 116 и стр. 54, пр. № 127.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2 л.

3) М. Ш. біогр. Ли-вэнь-чжун'а, 126 цз., 5 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2 л.

5) М. Ш. біогр. Ли-вэнь-чжун'а, 126 цз., 5 л.

6) Мѣстность Бо-дэнъ лежитъ въ пров. Шань-си въ 25 ли къ западу отъ уѣзда Янъ-гао-сянь (陽高). Л. Д. Д. Л. Ч.

7) Всѣ эти мѣста помѣчены на современныхъ картахъ Китая.

округовъ Фу-нинъ (撫寧) и Жуй-чжоу (瑞)[1], и мѣстнымъ жителямъ, желавшимъ оставаться подъ покровительствомъ Пекинскаго правительства было предложено перебраться во внутреннія области[2]). Такая мѣра можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что сѣверное побережье Печилійскаго залива оставалось во власти монголовъ. Очень недалеко отъ Пекина успѣли они утвердиться и съ сѣверо-западной стороны. Желая избавиться отъ столь близкаго сосѣдства непріятеля, китайцы предприняли въ 1374 г. цѣлый рядъ походовъ[3]). Генералъ Лань-юй (藍玉) двинулся къ Сюань-хуа-фу и разбилъ монголовъ невдалекѣ отъ этого города, у мѣстечка Бо-цзю-цюань (白酒泉)(?) послѣ чего онъ захватилъ Синъ-хэ.— Другой отрядъ, подъ начальствомъ Ли-вэнь-чжун'а, пошелъ въ болѣе сѣверномъ направленіи, углубляясь въ сплошь занятую монголами область Да-нинъ (大寧)[4]); здѣсь захвачены были Гао-чжоу[5]) (高州) и Да-ши-яй (大石崖) (?), причемъ въ одномъ изъ сраженій убиты были родственники монгольскаго хана, До-до-ши-ли (朶朶失里) и другіе[6]); китайскія войска преслѣдовали бѣжавшихъ монголовъ до Чжанъ-мао-шан'я (氈帽) и захватили богатую добычу[7]).

Несмотря на успѣхъ своего оружія, императоръ Хунъ-у старался тѣмъ не менѣе по возможности улаживать мирнымъ путемъ недоразумѣнія, возникавшія у него съ монголами. — Въ томъ-же 1374 году онъ рѣшилъ пустить въ ходъ могучее сред-

---

1) Округъ Жуй-чжоу находился въ нынѣшней Мукденьской пров., въ области Цзинь-чжоу (錦州), на 130 ли къ ю.-з. отъ Нинъ-юань-чжоу, (寧遠). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-дань, цз. 327, 2 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, цз. 327, 2 л.

4) Область Да-нинъ-лу занимала сѣв.-вост. часть пров. Чжи-ли (直隷). самый городъ Да-нинъ лежалъ къ С.-В. отъ Чэнъ-дэ-фу (承德). Л. Д. Д. Л. Ч.

5) Гао-чжоу былъ однимъ изъ округовъ подвѣдомственныхъ области Да-нинъ-лу.—Юань-ди-ли-чжи.

6) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 2 цз., 11 л.

7) М. Ш. біогр. Ли-вэнь-чжун'а, 126 цз., 5 л.

ство, имѣвшееся у него въ рукахъ, а именно возвратилъ монгольскому хану сына его, Май-ди-ли-па-ла, находившагося въ плѣну въ Китаѣ съ 1371 года, причемъ снабдилъ его увѣщательнымъ письмомъ къ отцу [1]). Расчеты Хунъ-у оправдались: послѣ возвращенія изъ плѣна Май-ди-ли-па-ла, монголы, на нѣкоторое время, почти совершенно прекратили свои опустошительные набѣги. Исключеніемъ является незначительное нападеніе, произведенное монгольскимъ предводителемъ Бо-янь-Тэмуромъ (伯顏) [2]) на область Янь-ань (延 安) провинціи Шэнъ-си [3]). Этотъ фактъ единичнаго набѣга, произведеннаго, при всеобщемъ спокойствіи на границѣ отдѣльнымъ начальникомъ, свидѣтельствуетъ о начавшейся децентрализаціи власти среди монголовъ; — набѣгъ на Янь-ань сдѣланъ былъ, повидимому, безъ вѣдома Ай-ю-ши-ли-да-ла (Биликту-хана), пребывавшаго въ то время далеко на сѣверъ, въ Каракорумѣ. Одной изъ причинъ миролюбиваго настроенія, царившаго въ то время среди монголовъ, является также несомнѣнно смерть главнаго и способнѣйшаго изъ ихъ полководцевъ, — въ 1375 году умеръ Ванъ-бао-бао [4]). Монгольскій владыка не на долго пережилъ своего вѣрнаго слугу, — въ 1378 году Ай-ю-ши-ли-да-ла скончался. Императоръ Хунъ-у поспѣшилъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для оказанія монголамъ новой любезности: въ честь умершаго хана составлена была хвалебная грамота и спеціально снаряжено торжественное посольство, которому поручено было принести покойному монгольскому владыкѣ посмертныя жертвы. Наслѣднику-же его, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалось жить въ мирѣ съ Китаемъ и не затѣвать новыхъ набѣговъ. Преемника Ай-ю-ши-ли-да-ла историкъ Минъ-ши именуетъ То-гу-сы-Тэмуромъ (脫古思), который по годамъ своего царствованія,

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2 л.

2) Для краткости я буду впредь писать это имя Тэмуръ, не выписывая сложной Китайской транскрипціи Тѣ-му-эрръ (帖 木 兒).

3) М. Ш. біогр. Танъ-хэ, 126 цз., 14 л.

4) М. Ш. Бэнь-цзи, 2 цз., 12 л.

соотвѣтствуетъ Усахалъ-хану Сананъ-Сэцэна[1]) и Алтанъ-Тобчи[2]). Послѣдняя лѣтопись называетъ его младшимъ братомъ Билпкту-хана, тогда какъ въ Минъ-ши онъ именуется сыномъ Ай-ю-ши-ли-да-ла[3]).

То-гу-сы-Тэмуръ не обратилъ, однако, большаго вниманія на заискиванія китайцевъ и не выказывалъ желанія продолжать миролюбивую политику, которой придерживался въ послѣдніе годы своего царствованія его отецъ. Первымъ его дѣломъ, по вступленіи на престолъ, было сосредоточить весьма значительные отряды войскъ около Инъ-чан'а и Хэ-нин'а (Каракорума). Здѣсь собрались монгольскія полчища подъ начальствомъ Мань-цзы-ха-ла-чжанъ (蠻子哈剌章), Вань-чжэ-бу-хуа (完者不花), Най-эрръ-бу-хуа (乃兒不花) и Ай-цзу (愛足). Выбирая удобные моменты, они производили набѣги на китайскія пограничныя области. Въ 1380 году китайцы собрались съ силами и порѣшили дать безпокойнымъ сосѣдямъ энергичный отпоръ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ Му-инъ (沐英) и ему поручено было напасть на монгольскую армію, сгруппировавшуюся около Хэ-нин'а (Каракорума). Онъ выступилъ изъ Линъ-чжоу (靈)[4]), переправился около этого города чрезъ Хуанъ-хэ и пошелъ въ сѣверо-западномъ направленіи[5]). Дойдя до И-цзи-най-лу, Му-инъ повернулъ на сѣверъ и, переваливъ чрезъ Хэ-лань-шань (賀蘭)[6]), пошелъ прямо на Хэ-нинъ; здѣсь онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ монголами и захватилъ въ плѣнъ ихъ полководцевъ То-хо-чи (脫火赤), Ай-цзу и Вань-чжэ-бу-хуа[7]).

---

1) См. Schmidt. Op. cit., стр. 138 и 403.

2) См. Алтанъ-Тобчи, стр. 54 (монг. текстъ).

3) Изъ словъ указа, изданнаго въ 1408 г. императоромъ Юнъ-ло (永樂), видно, что китайцы, по крайней мѣрѣ, считали То-гу-сы-Тэмура за того самаго Май-ди-ли-па-ла, который былъ у нихъ въ плѣну.

4) Линъ-чжоу — наход. въ области Нинъ-ся-фу (寧夏), см. карту Матусовскаго.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2 л.

6) М. Ш. біогр. Му-ин'а, 126 цз., 18 л.

7) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2—3 л.

Пока китайскіе генералы наносили на сѣверо-западѣ жестокія пораженія монголамъ, послѣдніе успѣли упрочить свое положеніе на востокѣ.—Въ юго-восточной Монголіи, а также частью въ нынѣшней южной Маньчжуріи утвердился главарь На-ха-чу (納哈出), являвшійся, по словамъ Минъ-ши, самостоятельнымъ правителемъ этихъ странъ; отсюда онъ неоднократно дѣлалъ нападенія на Ляо-дунъ. Для прекращенія этихъ набѣговъ, снаряжена была въ 1387 году особая армія, и главнокомандующимъ ея назначенъ Пинъ-шэнъ, который, вмѣстѣ со своими помощниками Фу-ю-дэ и Лань-юй'емъ, немедленно-же выступилъ въ походъ [1]). Во время этой компаніи, китайцы придерживались новой тактики; они не ограничивались одними лишь сраженіями съ непріятелемъ, а приступили къ прочному утвержденію своей власти въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Пекина. Здѣсь Пинъ-шэн'омъ построены были четыре укрѣпленныхъ города—Куань-хэ (寬河), Хуй-чжоу (會州), Данинъ и Фу-юй (福餘) [2]), и только прочно утвердившись въ нихъ и обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, тылъ, китайскій главнокомандующій рѣшился тронуться далѣе. Авангардъ его арміи, подъ начальствомъ Лань-юй'я, вскорѣ достигъ Цинъ-чжоу (慶) [3]), недалеко отъ котораго расположился лагерь монголовъ. Надѣясь добиться успѣха помощью мирныхъ средствъ, Лань-юй отправилъ къ На-ха-чу захваченнаго ранѣе того въ плѣнъ монгольскаго военачальника Най-ла-у (乃剌吾); ему поручено было разсказать своимъ сородичамъ о милостяхъ, которыми осыпалъ его китайскій императоръ, и склонить ихъ, такимъ образомъ, къ покорности. Подъ вліяніемъ убѣжденій Най-ла-у, монгольскій командиръ потерялъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и, не надѣясь устоять противъ Китайцевъ, отправилъ въ лагерь Лань-юй'я посланца съ подарками, поручивъ ему, въ то-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 3 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 3 цз., 5 л.

3) Городъ Цинъ-чжоу лежалъ въ 130 ли къ сѣверо-западу отъ нынѣшней ставки Бариньскаго аймака.—Л. Д. Д. Л. Ч.

же время, произвести рекогносцировку о положеніи непріятельскихъ войскъ. Соглядатай этотъ былъ ласково принятъ Лань-юй'емъ и, вернувшись, разсказалъ своему начальнику о превосходныхъ силахъ китайцевъ. Тогда На-ха-чу глубоко вздохнулъ и воскликнулъ: «небо видно не хочетъ, чтобы я владѣлъ этими людьми». Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и съ нѣсколькими стами всадниковъ явился въ лагерь Лань-юй'я для выраженія покорности [1]). Китайскій генералъ чрезвычайно обрадовался своему гостю и устроилъ въ честь его угощеніе, во время котораго простеръ свою любезность до того, что даже предложилъ На-ха-чу обмѣняться съ нимъ платьемъ. Монгольскій предводитель, между тѣмъ, началъ уже раскаяваться въ томъ, что слишкомъ поторопился покориться и сталъ шептаться со своею свитою, выражая желаніе бѣжать. Услышавъ это, сидѣвшій невдалекѣ зять Пинъ-шэн'а, Чанъ-мао (常茂), ударилъ его по спинѣ; На-ха-чу свалился, его связали и доставили въ лагерь главнокомандующаго. Сей послѣдній обошелся со своимъ плѣнникомъ ласково, но приказалъ стеречь его какъ можно строже [2]).

Узнавъ о плѣнѣ своего предводителя, большая часть монголовъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, въ числѣ приблизительно 200,000 человѣкъ, покорилась китайцамъ, а 40,000 разсѣялись въ разныя стороны. Добычи при этой мирной побѣдѣ, захвачено было несмѣтное количество [3]).

Этотъ восторженный разсказъ китайскаго историка о блестящей побѣдѣ, одержанной мин'скими войсками безо всякаго кровопролитія, конечно, сильно преувеличенъ. Мѣсто это интересно только потому, что свидѣтельствуетъ о новой тактикѣ, принятой монголами, которые сознавали превосходство сравнительно хорошо дисциплинированныхъ и обученныхъ китайскихъ войскъ, а потому и спѣшили, при встрѣчѣ съ ними въ открытомъ

1) М. Ш. отд. Да-дань., 327 цз., 3 л.

2) М. Ш. біогр. Пинъ-шэн'а, 129 цз., 4 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 3 л.

полѣ, выражать свою покорность, что ничуть не мѣшало имъ, конечно, при первой же возможности, производить нападенія на упоенныхъ успѣхомъ побѣдителей. Такъ случилось и въ этотъ разъ: лишь только китайская армія пустилась въ обратный путь, монголы напали на нее съ тылу и отрѣзали отъ главныхъ силъ трехъ-тысячный отрядъ, начальникъ котораго Пу-инъ (僕英), видя неминуемую гибель, съ отчаянія зарѣзался [1]). По возвращеніи въ столицу, Пинъ-шэнъ представилъ ко двору захваченную имъ добычу, которая, между тѣмъ, успѣла по дорогѣ значительно растаять. Вмѣсто несмѣтнаго количества скота, въ Пекинъ доставлено было не болѣе 290 лошадей; надо полагать, что бо́льшая часть захваченнаго была отбита по дорогѣ летучими отрядами монголовъ. Какъ-бы то ни было, императоръ остался какъ нельзя болѣе доволенъ успѣшностью похода и обошелся весьма милостиво съ захваченными плѣнниками; — На-ха-чу, между прочимъ, пожалованъ былъ титулъ Хай-си-хоу (海西侯) [2]).

Не смотря на блестящія (больше, впрочемъ, на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ) побѣды китайцевъ, яко-бы побѣжденные ими монголы не унывали и во множествѣ стекались подъ знамена То-гу-сы-Тэмура, ставка котораго находилась у озера Пу-юй эрръ-хай [3]). Между тѣмъ, довѣріе къ Пинъ-шэн'у было подорвано при Пекинскомъ дворѣ, — его обвинили въ злоупотребленіяхъ и замѣнили бывшимъ помощникомъ его Лань-юй'емъ. Сей послѣдній тотчасъ-же выступилъ съ 150-ти тысячнымъ войскомъ и двинулся на Цинъ-чжоу; разузнавъ тамъ подробно о мѣстѣ стоянки монгольскаго хана, онъ быстрыми переходами направился къ его лагерю, слѣдуя окольными путями. Дойдя до мѣстности Бо-янь-цзинъ-шао (百眼井哨) и не видя враговъ, Лань-юй хотѣлъ

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 3-я цз., 6 л.

2) М. Ш. Отд. Да-дань, цз. 327, л. 3. Наименованіе Хай-си есть несомнѣнно названіе мѣстности и пріурочивать его слѣдуетъ къ одному изъ округовъ Ляодун'а или къ землямъ, лежащимъ въ нынѣшней юго-восточной Маньчжуріи. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти болѣе точнаго опредѣленія этой мѣстности.

3) Объ этомъ озерѣ см. д-ра Бретшнейдера, ор. с., т. I, стр. 48, прим. № 114.

уже повернуть назадъ, но его остановилъ одинъ изъ подчиненныхъ ему офицеровъ Ванъ-би (王弼). «Какъ посмѣемъ мы», сказалъ послѣдній, «явиться съ пустыми руками къ императору, забравшись съ многочисленнымъ войскомъ такъ далеко». Лань-юй сдался на его увѣщанія и рѣшилъ двигаться далѣе. Для предосторожности, солдатамъ было приказано варить пищу не иначе какъ въ ямахъ, чтобы огонь и дымъ отъ костровъ не могли выдать приближеніе войска. Въ одну ночь китайцы дошли до озера Пу-юй-эрръ-хай и отстояли отъ непріятеля не далѣе какъ въ 80 ли. Какъ разъ въ это время, поднялась страшная пыль, совершенно заслонившая солнечный свѣтъ, такъ что днемъ было темно, какъ ночью [1]). Ванъ-би двинулся впередъ; между тѣмъ монголы были совершенно спокойны, полагаясь на то, что китайцы, не имѣя достаточнаго количества корма для лошадей (дѣло было раннею весною 1388 года) не рѣшатся проникнуть въ глубь страны [2]). Внезапное появленіе непріятельскаго войска произвело въ ихъ лагерѣ страшный переполохъ; всѣ бросились въ разныя стороны, произошла свалка и страшная рѣзня. Самъ То-гу-сы-Тэмуръ едва успѣлъ спастись со своимъ старшимъ сыномъ Тянь-бао-ну (天保奴) и приближенными Нѣ-цѣ-лай'емъ (捏怯來) и Ши-лѣ-мын'емъ (失烈門). Второй сынъ хана Ди-бао-ну (地保奴), а также его жены и дочери, въ числѣ 50-ти слишкомъ человѣкъ, были захвачены въ плѣнъ. Забрано было всего не менѣе 70.000 (?) человѣкъ [3]) и несмѣтное количество скота; доспѣхи и одежды непріятеля были сложены въ большой костеръ и сожжены. Когда извѣстія объ этихъ побѣдахъ дошли до императора, то онъ чрезвычайно обрадовался и отнесся весьма милостиво къ побѣжденнымъ, приказавъ, между прочимъ, отпускать казенное содержаніе всѣмъ плѣннымъ монгольскимъ офи-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 4 л.

2) М. Ш. біогр. Лань-юй'я, 133 цз., 7 л.

3) Ко всѣмъ цифровымъ даннымъ о количествѣ плѣнныхъ, а также о численности китайскихъ армій слѣдуетъ относиться крайне осторожно, такъ какъ они несомнѣнно сильно преувеличены.

церамъ. Между тѣмъ, при дворѣ стали ходить слухи, что Лань-юй сошелся съ одной изъ женъ То-гу-сы-Тэмура; женщина эта, боясь огласки, лишила себя жизни; Ди-бао-ну громко выражалъ свое негодованіе по этому поводу, и былъ сосланъ на острова Лю-цю (琉球).

Пораженіе, понесенное монголами при озерѣ Пу-юй-эрръ-хай, имѣло прямымъ послѣдствіемъ полное дискредитированіе центральной ханской власти въ глазахъ многочисленныхъ предводителей монгольскихъ войскъ. Самъ То-гу-сы-Тэмуръ жестоко поплатился за неудачу. Спасаясь вмѣстѣ со своими приближенными отъ преслѣдованія китайцевъ, онъ былъ встрѣченъ по дорогѣ взбунтовавшимся противъ него военачальникомъ Ѣ-су-дѣ-эрр'омъ (也速迭兒); свита хана разсѣялась, и при немъ остались лишь сынъ его, Тянь-бао-ну, да двое приближенныхъ; попытка послѣднихъ собрать хоть немного войска для отраженія Ѣ-су-дѣ-эрр'а кончилась неудачно; злоумышленники подкрались внезапно къ ханской ставкѣ, и То-гу-сы-Тэмуръ былъ удушенъ [1]).

Случилось это въ 1388 году и затѣмъ начинается среди монголовъ время полнѣйшей анархіи и неурядицъ, причемъ разобраться въ этой смутной эпохѣ представляется дѣломъ очень не легкимъ. Китайскіе источники даютъ намъ одно огульное свѣдѣніе за весь періодъ отъ смерти То-гу-сы-Тэмура до 1400 года; — Минъ-ши говоритъ, что за все это время перебывало на престолѣ не менѣе пяти хановъ, быстро смѣнявшихъ одинъ другаго [2]). Изъ монгольскихъ лѣтописей узнаемъ, что, какъ разъ въ это время, началась вражда между восточными монголами и ойратами, объясняющаяся полною анархіею, господствовавшею среди первыхъ [3]). Окончилась эта борьба полною побѣдою ойра-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 4 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.

3) В. М. Успенскій очень мѣтко называетъ эту вражду борьбою между окитаившимися монголами, пытавшимися проводить въ дѣло управленія новые порядки и старою степною партіею, представителями коей являются ойраты. См. «Страна Кукэ-Норъ», стр. 90—91.

товъ; — третій или четвертый преемникъ То-гу-сы-Тэмура, Элбэкъ-ханъ, былъ убитъ ойратскимъ предводителемъ Угэчи-Хашагою въ 1399 году [1]), каковой годъ и должно считать временемъ утраты ханами восточныхъ монголовъ своей самостоятельности и начала ойратской гегемоніи.

Покорилась имъ, однако, лишь часть восточныхъ монголовъ; не малое-же число ихъ, какъ мы видѣли, поддалась Китаю [2]). Изъ этихъ своихъ новыхъ подданныхъ императоръ Хунъ-у образовалъ на сѣверо-восточной границѣ Китая рядъ военныхъ поселеній. Такимъ образомъ, въ 1389 году учреждено было три, такъ сказать, инородческихъ округа—До-янь (朶顏), Тай-нинъ (泰寧) и Фу-юй (福餘), территорія коихъ тянулась узкою полосою отъ нынѣшняго Калгана на востокъ до города Кай-юань (開原) въ провинціи Мукдень, занимая всю сѣверную часть Чжи-ли и западный уголъ провинціи Шенъ-цзинъ (Мукдень). Управленіе этими округами было всецѣло предоставлено монгольскимъ родовымъ начальникамъ, которымъ пожалованы были при этомъ офицерскія званія. Сознавая всю важность затѣяннаго имъ дѣла, Хунъ-у назначилъ главнымъ руководителемъ его сына своего, Цюан'я (權), носившаго титулъ Нинъ-ван'а (寧王) [3]). Какъ увидимъ ниже, поселенные въ этихъ мѣстахъ монголы имѣли весьма значительное вліяніе на всю исторію отношеній между китайскимъ правительствомъ съ сѣверными кочевниками при династіи Минъ, а вскорѣ послѣ смерти Хунъ-у, они приняли активное участіе въ начавшейся между наслѣдниками основателя династіи борьбѣ изъ-за престола.

Послѣ смерти То-гу-сы-Тэмура, тѣ изъ монголовъ, которые еще не окончательно пали духомъ, сгруппировались около Найэрръ-бу-хуа и А-лу-Тэмура (阿魯); эти военачальники захва-

---

1) Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 144.

2) Весьма вѣроятно, что объ этихъ-то именно монголахъ и упоминаетъ Сананъ-Сэцэнъ, какъ объ оставшихся въ китайскихъ предѣлахъ. См. Schmidt op. cit, стр. 188.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 8 л.

тили власть въ свои руки и рѣшили продолжать борьбу съ китайцами. Узнавъ объ этомъ, Пекинское правительство немедленно-же приступило къ снаряженію новой экспедиціи. Начальство надъ нею поручено было Фу-ю-дэ, а въ помощники ему были даны сынъ императора Янь-ванъ (燕王) (будущій императоръ Юнъ-ло) и Ванъ-би. Китайская армія выступила въ 1390 году изъ провинціи Шань-си и двинулась на сѣверъ. Командованіе авангардомъ было поручено Янь-ван'у. Узнавъ изъ разспросовъ, что лагерь Най-эрръ-бу-хуа находится въ мѣстности И-ду (迤都) (?), онъ двинулся туда быстрыми-переходами, не взирая на снѣгъ и непогоду. Подойдя близко къ непріятельской ставкѣ, китайскій генералъ отправилъ туда нѣкоего Гуань-тун'а (觀童), который ранѣе былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Най-эрръ-бу-хуа (этотъ Гуань-тунъ былъ, повидимому, монголъ, захваченный китайцами въ плѣнъ вмѣстѣ съ На-ха-чу). При свиданіи, старые друзья обнялись и отъ радости даже прослезились. Между тѣмъ, во время этихъ изліяній, китайское войско успѣло подойти почти вплоть къ самому лагерю монголовъ. Узнавъ объ этомъ, Най-эрръ-бу-хуа испугался и хотѣлъ бѣжать, но Гуань-тунъ удержалъ его и представилъ Янь-ван'у, который поспѣшилъ щедро одарить своего плѣнника. Прельстившись подарками, монгольскій предводитель изъявилъ покорность китайцамъ. Ея хватило, однако, не на долго; — весьма скоро онъ возмутился — но былъ пойманъ китайцами и казненъ [1]).

Смерть предводителя не укротила воинственнаго пыла монголовъ. Въ слѣдующемъ-же году тому-же Фу-ю-дэ снова пришлось совершить походъ на сѣверъ совмѣстно съ Янь-ван'омъ. При этомъ китайцы разбили монгольскихъ полководцевъ Хачжэ-шэ-ли (哈者舍利) и Ляо-ван'а (遼王) и преслѣдовали ихъ до мѣстности Хѣй-линъ (黑嶺) (?); тамъ китайцы пробрались тайкомъ въ непріятельскій лагерь и произвели въ немъ страшную рѣзню [2]). На этотъ разъ, урокъ былъ, вѣроятно,

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.
2) М. Ш. біогр. Фу-ю-дэ, 129 цз., 9 л.

чувствительнымъ; — послѣ этого событія настаетъ затишье на цѣлыхъ пять лѣтъ, т. е. почти до самаго конца царствованія императора Хунъ-у. Лишь подъ 1396 годомъ упоминается о небольшомъ походѣ, предпринятомъ подъ предводительствомъ Янь-ван'а, разбившаго монголовъ у Чэ-чэ-эрръ-шан'я (徹徹兒山) и преслѣдовавшаго ихъ до урянхайскаго Ту-чэн'а (土城) (земляной городъ)[1].

Послѣдніе годы царствованія императора Хунъ-у отличались полнымъ спокойствіемъ на монгольской границѣ и были употреблены китайскимъ правительствомъ на устройство пограничныхъ дѣлъ.

Періодически посылались военачальники для обзора постовъ и укрѣпленій. Солдатамъ, составлявшимъ ихъ гарнизоны, было предписано заниматься обработкою полей, но не оставлять при томъ и военныхъ упражненій[2]). Такимъ образомъ организованъ былъ цѣлый рядъ военныхъ колоній, которымъ и предоставлена была защита всей сѣверной и сѣверо-западной границы имперіи.

Глава II.

Обзоръ сѣверной и сѣверо-западной границы Китая при династіи Минъ.

Не лишнимъ считаю привести здѣсь почерпнутыя мною изъ сочиненія Цзю-бянь-юй-ту (九邊輿圖) свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ сѣверной границы китайской имперіи при мин'ской династіи. Имѣть точное представленіе объ этомъ краѣ необходимо каждому, кто желалъ-бы уяснить себѣ отноше-

---

1) Въ У-бянь-дянь-цзэ находимъ упоминаніе о горѣ Чи-эрръ-шань (赤兒), которая по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ этимъ сочиненіемъ, лежала между Хуанъ-хэ и Пянь-тоу-гуань (偏頭關), къ востоку отъ Хуанъ-хэ. У. Б. Д. Ц. цз. 5, листъ 17.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.

нія китайцевъ къ ихъ безпокойнымъ сѣвернымъ сосѣдямъ, монголамъ, за этотъ періодъ времени.

Придерживаясь порядка, принятаго въ Цзю-бянь-юй-ту, начну настоящее обозрѣніе съ востока, а именно съ области Ляодунъ, занимавшей западную часть нынѣшней провинціи Шэнъцзинъ (盛京). Крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ этого пространства слѣдуетъ считать городъ Кай-юань, крайнимъ восточнымъ—Ляоянъ (遼陽), крайнимъ южнымъ—оконечность Ляо-дун'скаго полуострова и, наконецъ, крайнимъ западнымъ — городъ Цзинъчжоу-фу. Область эта была сильно укрѣплена, а именно здѣсь существовало 25 вэй (衞), 11 со (所), 2 гуань (關) и 100 инъ-пу (營堡)[1]. Управленіе Ляо-дун'омъ было ввѣрено губернатору, имѣвшему резиденцію въ городѣ Гуанъ-нин'ѣ (廣甯). На мѣстахъ, занятыхъ этою областью, и по сосѣдству съ нею были учреждены, какъ мы видѣли выше, императоромъ Хунъ-у три военныя поселенія монголовъ — До-янь, Тай-нинъ и Фуюй. Авторъ Цзю-бянь-юй-ту дѣлитъ поселенныхъ здѣсь монголовъ на двѣ части — восточныхъ, жившихъ въ домахъ и занимавшихся обработкою земли, и западныхъ, остававшихся при своихъ старыхъ кочевыхъ обычаяхъ. Изъ этого можно заключить, что половина этихъ номадовъ весьма скоро поддалась цивилизующему вліянію Китая; при этомъ они сохранили, однако, свою автономію, управляясь наслѣдственно своими собственными родовыми начальниками; построенныя здѣсь китайскія крѣпости и поселки являлись, такимъ образомъ, какъ-бы оазисами среди туземныхъ деревень и кочевьевъ. Эта смѣшанность и разнородность населенія ставила Ляо-дунъ въ особенное положеніе среди прочихъ пограничныхъ областей, требуя отъ китайскихъ администраторовъ много такта, изворотливости и ловкости.

---

1) Всѣ эти техническія наименованія укрѣпленныхъ пунктовъ могутъ быть переданы слѣдующими русскими терминами: «вэй» — укрѣпленная станица, «со» — крѣпость въ нашемъ смыслѣ этого слова, «гуань» — горное укрѣпленіе, строившееся обыкновенно для защиты горныхъ проходовъ и «инъ-пу» — укрѣпленный лагерь.

Нѣсколько къ западу отъ Ляо-дун'а лежала другая пограничная область — Цзи-чжоу (薊); тянулась она узкою полосою съ востока на западъ приблизительно на пятьсотъ верстъ; крайнимъ восточнымъ пунктомъ ея слѣдуетъ считать побережье Печилійскаго залива съ крѣпостью Шанъ-хай-гуань (上海關); на западѣ граница ея проходила въ мѣстности, лежащей непосредственно къ сѣверу отъ Пекина у горнаго прохода Цзюй-юнъ-гуань и города Чанъ-пинъ-чжоу (昌平). Управленіе этимъ округомъ было ввѣрено губернатору, резиденція коего находилась въ Цзунь-хуа-чжоу (遵化). Въ городѣ-же Цзи-чжоу проживалъ еще генералъ-губернаторъ, имѣвшій званіе Цинь-чай-цзунъ-ду-ляо-цзи-ду-юй-ши (欽差總督遼薊都御史) и завѣдывавшій, какъ видно изъ этого титула, обѣими областями, Ляо-дун'омъ и Цзи-чжоу. При первыхъ императорахъ мин'ской династіи, когда округъ Да-нинъ существовалъ еще какъ нераздѣльная часть китайской территоріи, область Цзи-чжоу не играла, въ стратегическомъ отношеніи, первенствующей роли. Когда-же городъ Да-нинъ потерялъ свое значеніе административнаго центра, и управленіе округомъ было переведено на югъ въ городъ Бао-динъ-фу (保定), то область эта стала непосредственно граничить со вновь образованными монгольскими военными поселеніями, и, слѣдовательно, бо́льшая или меньшая заботливость китайскаго правительства объ укрѣпленіи ея находилась въ прямой зависимости отъ характера отношеній пекинскаго правительства къ тамошнимъ монголамъ [1]). Здѣсь имѣлось всего 113 гуань, 72 чжай (寨) [2]), 43 инъ, 61 пу и 11 чэнъ (城) [3]); видимъ, та-

1) Я привелъ здѣсь почти въ буквальномъ переводѣ примѣчаніе автора Цзю-бянь-юй-ту; изъ этого мѣста можно заключить, что высшимъ пограничнымъ властямъ, носившимъ званія генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, поручалась лишь военная охрана границы, и они считались сановниками, спеціально командированными ad hoc императоромъ; гражданское-же управленіе ввѣрено было особымъ мѣстнымъ администраторамъ. Строго говоря, такое значеніе спеціально командированныхъ сановниковъ сохраняется и до нынѣ за губернаторами (Сюнь-фу 巡撫) и генералъ-губернаторами (Цзунъ-ду 總督).

2) Чжай — крѣпостца.

3) Чэнъ — городъ, обнесенный стѣнами.

кимъ образомъ, что укрѣплены здѣшнія мѣста были достаточно солидно, — это было, впрочемъ, совершенно необходимо, такъ какъ чрезъ территорію Цзи-чжоу постоянно проходили въ Пекинъ съ данью монгольскія посольства, наличный составъ коихъ нерѣдко достигалъ 1000—1500 человѣкъ, не брезгавшихъ пользоваться по дорогѣ всѣмъ, что плохо лежало. Пекинскій дворъ не скупился на подарки этимъ посланцамъ, что ни чуть не мѣшало имъ, однако, предаваться своему любимому занятію — грабежамъ, отъ которыхъ жестоко страдали всѣ попутныя селенія. Авторъ Цзю-бянь-юй-ту совершенно основательно сѣтуетъ на такіе порядки, находя, что значительныя суммы, тратившіяся на дорого стоившіе подарки безпокойнымъ сосѣдямъ, несравненно выгоднѣе было-бы употреблять на защиту границы отъ ихъ непрерывныхъ набѣговъ, причемъ было-бы соблюдено и національное достоинство.

Въ первыя времена мин'ской династіи, монголы, населявшіе три военные округа, До-янь, Тай-нинъ и Фу-юй, считали для себя выгоднымъ дружить съ Китаемъ и находились въ особой милости у пекинскаго двора, который былъ благодаренъ имъ за помощь, оказанную императору Юнъ-ло, во время междоусобной войны между нимъ и племянникомъ. Весьма скоро, однако, они поняли преимущества двуличной политики и старались поперемѣнно ладить то съ Китаемъ, то со своими сѣверными соплеменниками, смотря по тому, на чьей сторонѣ оказывался успѣхъ въ данный моментъ.

Слѣдующая область, о которой трактуетъ Цзю-бянь-юй-ту, это Нэй-сань-гуань (内三關), т. е. «три внутренніе прохода». Строго говоря, она не могла считаться за пограничный округъ и описаніе ея вошло въ названное выше сочиненіе только потому, что, благодаря своему важному стратегическому положенію, она управлялась на основаніяхъ особаго военнаго режима. Три прохода, отъ которыхъ область получила свое наименованіе, это — Цзюй-юнъ-гуань, Цзы-цзинъ-гуань (紫荆) и Дао-ма-гуань (倒馬); всѣ они находятся къ сѣверо-западу и западу отъ Пекина.

Завѣдываніе этими проходами и прилегающими къ нимъ участками возложено было на особаго губернатора, имѣвшаго свою резиденцію въ Бао-динъ-фу и носившаго титулъ Цинь-чай-сюнь-фу-бао-динъ-дэнъ-чу-ду-юй-ши (欽差巡撫保定等處都御史). Наиболѣе доступнымъ изъ этихъ трехъ проходовъ является Цзюй-юнъ-гуань, а потому онъ и былъ укрѣпленъ солиднѣе всѣхъ прочихъ, а сосѣднія мѣстности снабжены весьма значительными гарнизонами. Также какъ и въ Цзи-чжоу, бо́льшее или меньшее укрѣпленіе округа находилось въ прямой зависимости отъ того, насколько дружественно или враждебно было настроеніе монголовъ обитавшихъ въ трехъ военныхъ поселеніяхъ. При императорѣ Юнъ-ло, когда сосѣди эти держали себя спокойно, серьезное укрѣпленіе Нэй-сань-гуань считалось излишнимъ, но за то впослѣдствіи они пріобрѣли первостепенную важность въ стратегическомъ отношеніи, въ особенности когда, послѣ захвата въ плѣнъ ойратами императора Инъ-цзун'а (英宗) китайцы имѣли случай горькимъ опытомъ убѣдиться въ вѣроломствѣ своихъ непосредственныхъ сосѣдей и мнимо-подданныхъ монголовъ-поселенцевъ.

Непосредственно къ западу отъ Цзи-чжоу и къ сѣверу отъ трехъ внутреннихъ проходовъ расположена была область Сюань-фу (宣府), крайними пунктами коей являлись на сѣверѣ проходъ Ду-ши-коу (獨石口), а на западѣ граница провинціи Шань-си. Здѣсь имѣлось 15 вэй, 66 со и 3 чэн'а съ весьма значительнымъ количествомъ館 коннаго и пѣшаго войска. Управленіе этимъ округомъ было ввѣрено губернатору. Мѣстность эта отличается дикимъ гористымъ характеромъ и, прилегая непосредственно къ столицѣ, считалась весьма важною въ стратегическомъ отношеніи. Не смотря на тщательное укрѣпленіе всѣхъ пунктовъ, область эта, простиравшаяся въ началѣ мин'ской династіи на сѣверъ чуть не до Долонъ-нора, была впослѣдствіи значительно сокращена;— большіе участки, оборонять которые оказалось труднымъ, отошли къ монголамъ, и крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ области сталъ, какъ я уже отмѣтилъ выше, проходъ Ду-ши-коу.

Къ западу отъ Сюань-фу, въ сѣверной части нынѣшней провинціи Шань-си, лежала область Да-тунъ (大同). Границей ея на сѣверѣ служила Великая стѣна, а на западѣ теченіе Хуанъ-хэ, которая у этого мѣста круто поворачиваетъ на югъ; въ южномъ направленіи, территорія этой области достигала 39-ой параллели, на которой расположены города Нинъ-у-фу и Бао-дэ-чжоу. Количество различныхъ укрѣпленій (около 600) въ этой мѣстности и численность расквартированныхъ здѣсь войскъ были очень значительны. Наиболѣе важными въ стратегическомъ отношеніи считались проходы Янь-мынь-гуань, лежащій въ 100 ли къ сѣверо-западу отъ Дай-чжоу, Нинъ-у-гуань, находящійся недалеко отъ нынѣшняго города Нинъ-у-фу и Пянь-тоу-гуань. Завѣдываніе этою областью поручено было губернатору, резиденція котораго находилась въ Да-тун'ѣ. Сравнительно съ пограничными округами, расположенными восточнѣе, Да-тунъ отличается болѣе равниннымъ характеромъ, почему онъ и служилъ большой дорогой для грабительскихъ шаекъ монголовъ, приходившихъ сюда въ большомъ количествѣ. Особенно часто подвергался нападеніямъ округъ Пинъ-лу (平魯), куда вторгались кочевники, являвшіеся сюда изъ Хэ-тао (河套) (Ордоса). Вотъ почему охрана этой мѣстности въ частности и всего Да-тун'а вообще считалась задачею весьма не легкою. Наиболѣе удобныя переправы чрезъ р. Хуанъ-хэ, которая отдѣляетъ Да-тунъ отъ Хэ-тао, находились у Пянь-тоу-гуань; въ Цзю-бянь-юй-ту поименованы три такія переправы. Въ статьѣ своей о Да-тун'ѣ авторъ Ц. Б. Ю. Т. сѣтуетъ въ общихъ выраженіяхъ на недостатокъ дисциплины въ китайскихъ войскахъ и на продажность военачальниковъ, которые, заботясь лишь о собственныхъ выгодахъ, пріобрѣтали для кавалеріи дурныхъ лошадей, во многомъ уступавшихъ монгольскимъ. Кромѣ того, при нападеніяхъ со стороны враговъ, они умышленно скрывали извѣстія объ ихъ приближеніи, донося объ этомъ въ Пекинъ, только когда набѣги оканчивались.

Далѣе на западъ лежала область Юй-линь (榆 林), границей которой на западѣ было теченіе Хуанъ-хэ, а на сѣверѣ Великая стѣна, идущая здѣсь въ сѣверо-восточномъ направленіи. Въ Юй-лин'ѣ имѣлось 6 инъ и 28 пу; гарнизонъ-же этой области состоялъ изъ пятидесяти тысячъ воиновъ. Управленіе было ввѣрено губернатору, резиденція коего находилась въ самомъ городѣ Юй-лин'ѣ. Главнымъ укрѣпленіемъ области служила Великая стѣна, заново отремонтированная при мин'ской династіи; въ этой мѣстности она была снабжена многочисленными сигнальными башнями и бастіонами. Непосредственно къ югу отъ нея тянулась обширная горная страна, представлявшая собою естественную преграду для нападающаго непріятеля. Укрѣпленная линія эта служила базою для китайскихъ войскъ, которыя были расположены къ сѣверу отъ нея, въ предѣлахъ Ордоса (Хэ-тао). Здѣсь образованъ былъ цѣлый рядъ военныхъ поселеній, и колонисты-солдаты занимались охотой, хлѣбопашествомъ, велось кромѣ того и лѣсное хозяйство. При первыхъ императорахъ мин'ской династіи монголы очень рѣдко отваживались переходить чрезъ Желтую рѣку и нападать на Хэ-тао. Со второй половины XV-го вѣка все это рѣзко измѣнилось;—съ этого времени сѣверные кочевники стали все чаще и чаще появляться въ этой области, распоряжаясь тамъ, какъ у себя дома. Тѣснимые ими китайцы принуждены были отказаться отъ эксплоатированія естественныхъ богатствъ Хэ-тао и ретироваться за укрѣпленія Юй-линь'скія. Съ этого времени сталъ на очередь вопросъ о продовольствіи войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Юй-лин'я. Послѣ утраты Ордоса, производительность этой области падала съ каждымъ годомъ, и всѣ необходимые жизненные припасы приходилось доставлять туда издалека. Правительство платило при этомъ за всѣ продукты двойныя и тройныя цѣны и всетаки держало своихъ солдатъ впроголодь. Такое печальное положеніе дѣлъ не могло, конечно, упрочить за Китаемъ обладаніе этою областью, и она дѣлалась жертвою набѣговъ непріятеля настолько часто, что авторъ Ц. Б. Ю. Т. неоднократно высказываетъ опасенія за

ея цѣлость. Облегчало монголамъ доступъ въ Юй-линь, главнымъ образомъ то обстоятельство, что китайцы поселяли здѣсь въ качествѣ пограничныхъ колонистовъ кромѣ солдатъ, еще и сосланныхъ преступниковъ, которые входили въ сношенія съ непріятелемъ и служили ему надежными проводниками.

Къ западу отъ Юй-лин'я лежали три пограничные округа, заполнявшіе сѣверо-восточную часть провинціи Гань-су, а именно: Нинъ-ся (甯夏), Гу-юань (固原) и Лань-чжоу (蘭州). Округъ Нинъ-ся простирался на югъ до параллели Цзинь-цзу-пу, на западѣ границею его былъ изгибъ Желтой рѣки у укрѣпленія Чжунъ-вэй (中衞) и на сѣверѣ перевалъ Чжэнь-бэй-коу (鎮北)[1]. Управленіе этимъ округомъ, снабженнымъ, несмотря на незначительность занимаемаго имъ пространства, довольно сильнымъ гарнизономъ, было ввѣрено особому генералъ-губернатору. Непосредственно къ югу отъ Нинъ-ся лежала область Гу-юань; на востокѣ она граничила съ Цинъ-янъ-фу (慶陽), а на западѣ съ округомъ Лань-чжоу, который былъ ей подчиненъ въ административномъ отношеніи. Завѣдываніе Гу-юан'емъ и Лань-чжоу было поручено генералъ-губернатору, имѣвшему резиденцію въ Гу-юан'ѣ. Въ Лань-чжоу-же проживалъ особый чиновникъ, имѣвшій званіе Лан-чжун'а (郎中). Во всѣхъ трехъ округахъ этихъ имѣлось всего 5 вэй, 8 со, 5 инъ и 33 пу. Въ своихъ замѣчаніяхъ о военномъ устройствѣ этого края, авторъ Ц. Б. Ю. Т. повторяетъ свои сѣтованія на неудовлетворительность его охраны, на распущенность военачальниковъ и на отсутствіе дисциплины въ войскахъ, благодаря чему непріятель всегда имѣлъ полную возможность знать о положеніи дѣлъ въ пограничныхъ округахъ.

Въ началѣ мин'ской династіи власть китайцевъ была еще прочна здѣсь, и монголы, дѣлая вторженія въ Хэ-тао, принуждены бывали избирать круговой путь, огибавшій горы Хэ-лань-шань (賀蘭) съ сѣвера; впослѣдствіи-же они стали ходить южнымъ пу-

1) См. карту Матусовскаго.

темъ, чрезъ самую область Нинъ-ся. Введеніе въ округъ Гу-юань погранично-военнаго управленія имѣло мѣсто лишь въ царствованіе императора Хунъ-чжи (弘 治), т. е. въ самомъ концѣ пятнадцатаго вѣка, когда Монголы успѣли пробить себѣ дорогу къ югу отъ хребта Хэ-лань-шань. Тогда естественно явилась необходимость организовать на военную ногу области, лежавшія къ югу отъ Нинъ-ся. Разсуждая о сравнительной важности, въ стратегическомъ отношеніи, различныхъ пунктовъ въ этихъ трехъ пограничныхъ округахъ, авторъ Ц. Б. Ю. Т. находитъ, что наибольшаго вниманія, въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ мѣстность Хуа-ма-чи (花 馬 池), чрезъ которую монголы предпочитали совершать свои набѣги. Въ виду важности этого пункта, онъ предлагалъ устроить именно тамъ резиденцію Нинъ-ся'скаго генералъ-губернатора.

Въ противуположность восточной половинѣ сѣвернаго Китая, гдѣ, какъ мы видѣли выше, были учреждены довольно крупныя области, ввѣренныя управленію особыхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, западная половина этого края раздѣлялась на весьма мелкіе участки. Такъ, слѣдующій за Нинъ-ся округъ, занимающій среднюю часть провинціи Гань-су, дробился на цѣлыхъ пять участковъ, носившихъ названіе военныхъ поселеній и управлявшихся совершенно независимо другъ отъ друга. Это были — Чжуанъ-ланъ-вэй (莊 郞), Си-нинъ вэй (西 甯), Лянъ-чжоу-вэй (涼 州), Чжэнь-фань-вэй (鎮 番) и Юнъ-чанъ-вэй (永 昌).

Наиболѣе значительнымъ изъ этихъ участковъ былъ Чжуанъ-ланъ, занимавшій восточный уголъ этого края и непосредственно прилегавшій на востокѣ къ областямъ Нинъ-ся и Лань-чжоу. Границею Чжуанъ-лан'а на сѣверѣ служила Великая стѣна, тянущаяся здѣсь въ западномъ направленіи, на югѣ предѣлы этого округа достигали Хуанъ-хэ и впадающей въ нее рѣки Тэтунъ-гола, текущей въ юго-восточномъ направленіи; наконецъ, на западѣ границею Чжуанъ-лан'а можно считать 72-й меридіанъ восточной долготы отъ Пулкова. Гарнизонъ этого округа состоялъ

изъ 11 тысячъ человѣкъ въ томъ числѣ $3^1/_2$ тысячи конницы. Всѣхъ укрѣпленій (пу) здѣсь было одиннадцать.

Непосредственно къ юго-западу отъ Чжуанъ-лан'а лежалъ участокъ Си-нинъ-вэй; границей его на сѣверѣ былъ Тэтунъ-голъ, и эта-же рѣка служила ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и восточной границей, со стороны Чжуанъ-лан'а; на югѣ территорія этого участка доходила до Желтой рѣки и, наконецъ, на западѣ до нынѣшней границы провинціи Гань-су. Укрѣпленій здѣсь было всего шесть (1 со и 5 пу) и войскъ нѣсколько менѣе, чѣмъ въ Чжуанъ-лан'ѣ, а именно около $8^1/_2$ тысячъ, изъ коихъ однако, цѣлая половина конныхъ. Къ сѣверу отъ Си-нин'а и къ западу отъ Чжуанъ-лан'а лежалъ округъ Лянъ-чжоу-вэй. Параллель, на которой лежитъ нынѣшній городъ Лянъ-чжоу, можетъ быть принята за сѣверную границу его, на западѣ-же слѣдуетъ считать за таковую 72-й меридіанъ. Несмотря на весьма незначительное пространство, занятое этимъ участкомъ, здѣсь имѣлось не менѣе 9 укрѣпленій, съ гарнизономъ въ 10 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ $2^1/_2$ тысячи конныхъ.

Выдающійся къ сѣверу отъ Лянъ-чжоу уголъ провинціи Гань-су былъ занятъ небольшимъ участкомъ — Чжэнь-фань-вэй, ограниченнымъ со всѣхъ сторонъ Великою стѣною. Здѣсь было всего два укрѣпленія съ гарнизономъ въ 4,000 человѣкъ, изъ коихъ одна треть была конная.

Наконецъ, послѣдній изъ этихъ пяти участковъ, Юнъ-чанъ-вэй, соприкасался на востокѣ и югѣ съ округами Лянъ-чжоу и Си-нинъ, на сѣверѣ-же границей его слѣдуетъ считать Великую стѣну, а на западѣ 71-й меридіанъ восточной долготы отъ Пулкова.

Крайнюю сѣверозападную часть провинціи Гань-су занимали три небольшихъ округа, также извѣстныхъ подъ названіемъ военныхъ поселеній (вэй) Шань-дань-вэй (山 丹), Гань-чжоу-вэй (甘 州) и Су-чжоу-вэй (肅 州). Всѣ они вмѣстѣ составляли одну область, называвшуюся Гань-су-шань-дань-бянь (甘 肅 山 丹 邊), граничившую на востокѣ съ округомъ Юнъ-

чанъ, на югѣ съ хребтомъ Нань-шань'скихъ горъ; на западѣ предѣлы ея достигали укрѣпленія Цзя-юй-гуань (嘉峪) и, наконецъ, на сѣверѣ—сѣверной границы провинціи Гань су, огражденной Великой стѣной. Военныя поселенія эти управлялись самостоятельно и были снабжены довольно значительными гарнизонами. Въ Шань-дань'скомъ округѣ имѣлось 9 укрѣпленій (1 со и 8 пу) и $8^1/_2$ тысячъ гарнизона, одна четверть коего состояла изъ конныхъ солдатъ. Поселеніе Гань-чжоу-вэй было наиболѣе значительнымъ изъ всѣхъ; управлялось оно губернаторомъ (Цинъ-чай-сюнь-фу-ду-юй-ши). Сановникъ этотъ, вѣроятно, имѣлъ общій надзоръ за администраціей во всѣхъ трехъ округахъ; — изъ данныхъ сообщаемыхъ Ц. Б. Ю. Т. этого, впрочемъ, не видно. Здѣсь было всего 8 укрѣпленныхъ мѣстъ (пу), гарнизонъ коихъ состоялъ изъ 34 тысячъ человѣкъ; изъ нихъ девять тысячъ конныхъ. Крайнимъ западнымъ изъ этихъ трехъ округовъ былъ Су-чжоу-вэй. Здѣсь сооружено было шесть укрѣпленій (1 со, 1 гуань и 4 пу), въ коихъ размѣщено 11 тысячъ солдатъ; изъ нихъ около трети конныхъ.

Уже съ первыхъ временъ мин'ской династіи, при покореніи мѣстностей, лежавшихъ къ западу отъ Хуанъ-хэ (Хэ-си), границы имперіи были точно опредѣлены и не простирались далѣе Цзя-юй-гуан'я, т. е. крайней сѣверо-западной части провинціи Гань-су. Къ западу-же отъ этой крѣпости находилось, какъ я укажу подробнѣе ниже, нѣсколько мелкихъ княжествъ со смѣшаннымъ монгольскимъ и уйгурскимъ населеніемъ, состоявшихъ лишь въ номинальной зависимости отъ Китая, а фактически пользовавшихся полною самостоятельностью. Въ своемъ разсужденіи о стратегическомъ и экономическомъ положеніи крайней сѣверо-западной границы имперіи, авторъ Ц. Б. Ю. Т. выставляетъ на видъ бѣдственное положеніе семнадцати тысячъ китайскихъ земледѣльцевъ, лишенныхъ возможности, вслѣдствіе отсутствія надежной военной охраны, заниматься своимъ дѣломъ. Дабы обезопасить эту пограничную область съ сѣверо-западной стороны, нашъ авторъ предлагалъ вести болѣе разумную поли-

тику съ сосѣдними княжествами, которыя могли-бы служить опорою въ случаѣ нападенія внѣшняго врага. Китайское правительство, между тѣмъ, гналось за дружбою Хами, которое было разгромлено въ концѣ XV-го вѣка Турфаномъ, и не могло по этому быть для него выгоднымъ союзникомъ въ борьбѣ противъ монголовъ.

Заканчивая на этомъ обозрѣніе сѣверной границы Китая и ея административнаго устройства при мин'ской династіи, замѣчу, что тогдашняя граница имперіи была почти тождественна съ теперешнею сѣверною границею собственнаго Китая, за исключеніемъ развѣ провинціи Чжи-ли, въ составъ которой нынѣ вошли многія чисто монгольскія земли, лежащія къ сѣверу отъ Великой стѣны. Я не принимаю при этомъ въ расчетъ, конечно, вновь образованной провинціи Гань-су-синь-цзянъ (甘 肅 新 疆). Что-же касается до военнаго и административнаго устройства края, то, какъ все въ Китаѣ, имѣющее отношеніе къ правительственнымъ учрежденіямъ и законамъ, организація сѣверныхъ пограничныхъ областей при Мин'цахъ была образцовою на бумагѣ, но на дѣлѣ далеко не удовлетворяла дѣйствительнымъ потребностямъ. Общими недостатками здѣсь были, по словамъ автора Ц. Б. Ю. Т., тупая неподвижность и косность Китайскихъ администраторовъ, не желавшихъ, не смотря на постоянно измѣнявшіяся условія пограничной жизни, принимать какія либо новыя мѣры. Не малую роль играло тутъ также отсутствіе единства и раздробленность пограничныхъ областей, такъ что мѣстности, лежавшія непосредственно вблизи столицы и имѣвшія потому особенную важность въ стратегическомъ отношеніи, поручались управленію разныхъ, независимыхъ начальниковъ, распоряженія которыхъ должны были весьма часто противорѣчить другъ другу.

Но главная и безспорно наиболѣе существенная причина той безнаказанности, съ которою совершались частые и опустошительные набѣги монголовъ на сѣверную границу Китая; кроется въ полной деморализаціи китайскихъ войскъ и ихъ

командировъ. Большую ошибку сдѣлало также правительство, поселяя на границѣ ссыльныхъ преступниковъ, которые, конечно, не могли служить надежною опорою въ случаѣ набѣговъ непріятеля и становились всегда на сторону сильнаго.

Глава III.

Царствованіе императоровъ Цзянь-вэнь (建 文) (1399—1403) и Юнъ-ло (1403—1425).

Въ первой главѣ я уже замѣтилъ, что монголамъ, вошедшимъ въ составъ военныхъ поселеній, образованныхъ на сѣверо-восточной границѣ Китая (Сань-вэй), суждено было играть видную роль въ внутреннихъ дѣлахъ имперіи [1]). Роль эта выпала на ихъ долю вскорѣ послѣ сметри Хунъ-у, когда возгорѣлась междоусобная война между внукомъ и наслѣдникомъ покойнаго императора, и дядей послѣдняго, Янь-ван'омъ, управлявшимъ нынѣшнею Чжили'скою провинціею.

Предпринимая походъ на югъ противъ племянника, претендентъ на престолъ, повидимому, опасался, какъ бы Нинъ-ванъ, сидѣвшій правителемъ въ Да-нин'ѣ, не напалъ на него съ тылу. Желая обезпечить себя съ этой стороны онъ двинулся изъ Юнъ-пин'а (永 平), гдѣ стоялъ его лагерь, прежде всего на Да-нинъ, имѣя въ мысляхъ коварнымъ образомъ захватить Нинъ-ван'а. Съ этою цѣлью, онъ заблаговременно подкупилъ начальниковъ монгольскихъ племенъ и, будучи увѣренъ въ ихъ содѣйствіи, явился въ Да-нинъ какъ бы съ дружескими намѣреніями. Пробывъ тамъ не долго, онъ сталъ собираться въ обратный путь, и ничего не подозрѣвавшій Нинъ-ванъ вызвался проводить своего гостя, для чего выѣхалъ за городъ и устроилъ въ полѣ угощеніе. Между тѣмъ, по данному сигналу, сюда сбѣжались мѣстные

1) См. стр. 15.

монголы съ помощью которыхъ Янь-ван'у удалось обезоружить и захватить своего слишкомъ довѣрчиваго хозяина. Покончивъ дѣла на сѣверѣ, Янь-ванъ началъ рѣшительныя дѣйствія противъ племянника, причемъ захватилъ съ собою въ походъ отрядъ изъ 3,000 монголовъ, жителей трехъ военныхъ поселеній. Воцарившись въ 1403 г. подъ именемъ Юнъ-ло, новый императоръ поспѣшилъ освободить бывшихъ своихъ союзниковъ отъ постояннаго надзора въ лицѣ китайскаго чиновника (Ду-сы 都司), проживавшаго въ Да-нин'ѣ. Резиденція послѣдняго была переведена въ Бао-динъ-фу, и весь округъ Да-нинъ отошелъ при этомъ къ монголамъ [1]). Можно предположить, что эта существенная уступка была обѣщана Юнъ-ло еще раньше, когда онъ только начиналъ борьбу съ племянникомъ.

Избавивъ монголовъ отъ постояннаго пребыванія въ ихъ средѣ, вѣроятно, не мало стѣснявшаго ихъ китайскаго администратора, новый императоръ продолжалъ, однако, имѣть фактическій надзоръ за этими племенами. Въ первый-же годъ его царствованія мы встрѣчаемъ упоминанія о двукратныхъ посольствахъ, отправленныхъ имъ въ три сѣверо-восточныя поселенія. Въ слѣдующемъ 1404 году начальники обитавшихъ здѣсь монгольскихъ родовъ явились на поклонъ съ данью. Всѣмъ имъ были розданы чиновныя званія; при этомъ главарь Ха-эрръ-у-дай (哈兒兀歹) былъ назначенъ главнозавѣдующимъ дѣлами въ До-янь, Ань-чу (安出) и Ту-бу-шэнъ (土不申) въ Фу-юй и Ху-ла-бань-ху (忽刺班胡), въ Тай-нин'ѣ [2]).

Зорко наблюдая за положеніемъ дѣлъ въ этихъ областяхъ, Юнъ-ло дорожилъ также расположеніемъ и дружбою поселенныхъ здѣсь монголовъ, расчитывая найти въ нихъ надежныхъ союзниковъ для борьбы противъ ихъ независимыхъ сородичей. Въ 1407 году въ сѣверо-восточныхъ областяхъ открылся голодъ, что подало поводъ монголамъ-поселенцамъ обратиться къ китайскому правительству съ просьбою разрѣшить имъ обмѣ-

1) М. III. отд. До-янь, 328 цз., 8 л.
2) Ibid. 9 л.

нивать своихъ лошадей на хлѣбъ. Юнъ-ло поспѣшилъ выразить свое согласіе на эту мѣру, и вскорѣ были открыты конные рынки въ городахъ Кай-юан'ѣ и Гуанъ-нин'ѣ; при этомъ лошади были разсортированы на два разряда и цѣны за нихъ назначены были двойныя противъ обыкновенныхъ. Пріемкою лошадей и уплатою за нихъ денегъ завѣдывали спеціально назначенные для того чиновники [1]). Установленіе конныхъ рынковъ въ 1407 году является первою мѣрою китайскаго правительства въ этомъ смыслѣ и замѣчательна она тѣмъ, что, будучи первоначально примѣнена по отношенію къ подданнымъ императора (хотя-бы и номинальнымъ только) и яко-бы съ благотворительною цѣлью, явилась прецедентомъ, на основаніи коего впослѣдствіи предъявлялись независимыми монголами къ китайскому правительству требованія объ открытіи торга лошадьми на тѣхъ-же невыгодныхъ для китайцевъ основаніяхъ.

Обратимся теперь къ событіямъ, происходившимъ, за это время, въ самой Монголіи.

Историкъ Минъ-ши свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли выше [2]), что послѣ смерти То-гу-сы-Тэмура, среди монголовъ происходили въ теченіи 12-ти лѣтъ (1388—1400) постоянныя усобицы, причемъ всѣ преемники То-гу-сы-Тэмура умирали насильственною смертью; такъ смѣнили другъ друга цѣлыхъ пять хановъ [3]), причемъ центральная ханская власть утратила всякій авторитетъ и значеніе. Въ 1400 году вступилъ на престолъ старшій сынъ убитаго ойратскимъ Угэчи-хашагою Элбэкъ-хана, Гунъ-Тэмуръ (坤帖) [4]). Порядокъ при этомъ возстановленъ, однако, не былъ, прежнія усобицы продолжались, и не далѣе какъ въ

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л.

2) См. стран. 14.

3) Какъ у Сананъ-сэцэна, такъ и въ Алтанъ-Тобчи послѣ смерти Усахалъ-хана и до воцаренія Гунъ-Тэмура упоминается лишь о двухъ ханахъ. См. Schmidt, стр. 139—145 и Алтанъ-Тобчи, стр. 57—58.

4) Минъ-ши, отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.; Schmidt, op. cit., стр. 144; въ Алтанъ-Тобчи ханъ этотъ именуется Тогономъ, хронологія въ Алтанъ-Тобчи здѣсь крайне сбивчива, см. стр. 57 Монг. текста.

1402 году Гунъ-Тэмуръ былъ смѣщенъ нѣкіимъ Гуй-ли-чи (鬼力赤), не признававшимъ его авторитета. Послѣдній захватилъ власть въ свои руки и назвалъ себя Хаганомъ, причемъ упразднилъ прежнее династическое имя «Юань» и далъ своему народу наименованіе Да-дань (韃靼) [1]. Подъ этимъ именемъ восточные монголы и извѣстны намъ за весь періодъ мин'ской династіи. По вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Юнъ-ло отправилъ въ Гуй-ли-чи посланца съ милостивымъ указомъ и щедрыми подарками, состоявшими изъ золота, одеждъ и шелковыхъ матерій; не забыты были при этомъ и приближенные Гуй-ли-чи, Чжи-юань (知院) (чиновн. званіе) А-лу-тай (阿魯台) и Чэнъ-сянъ (丞相) (также чиновн. званіе) Ма-эрръ-ха-цза (馬兒哈咱). О правленіи Гуй-ли-чи мы находимъ въ Минъ-ши весьма скудныя свѣдѣнія: — китайскій историкъ упоминаетъ лишь о томъ, что у него происходили частыя столкновенія съ ойратами [2]).

Здѣсь впервые встрѣчаемъ мы въ китайскихъ источникахъ упоминаніе объ ойратахъ, извѣстныхъ у нихъ подъ названіемъ Ва-ла (瓦刺). Въ Минъ-ши сообщается только, что племя это монгольскаго происхожденія и кочевало къ западу отъ Да-дань'-цевъ и къ сѣверо-западу отъ степи Ша-мо (沙漠) [3]. При послѣднихъ императорахъ Юань'ской династіи, ойраты находились подъ властью одного сильнаго главаря Мэнъ-кэ-Тэмура (猛可), по смерти коего народъ раздѣлился на три части подъ начальствомъ трехъ вождей — Ма-ха-му (馬哈木), Тай-пин'а (太平) и Ба-ту-бо-ло (把禿孛羅). Съ самаго начала правленія Юнъ-ло, они старались ладить съ китайскимъ дворомъ и имѣли съ нимъ постоянныя, оживленныя сношенія [4]). Враждовавшій съ ойратами предводитель восточныхъ монголовъ, Гуй-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цв., 5 л.

2) Ibid.

3) Подробно объ этомъ предметѣ см. у д-ра Бретшнейдера op. cit., т. II, стр. 161 и 168—170.

4) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 1 л.

ли-чи, не долго оставался у власти; въ 1408 году[1]) онъ погибъ отъ руки своего приближеннаго А-лу-тай'я[2]). О личности Гуй-ли-чи существуютъ самыя разнородныя мнѣнія. — В. М. Успенскій пріурочиваетъ его къ Куйланча-Багадуру ойратскому, о которомъ говорится въ Алтанъ-Тобчи[3]), но этотъ Куйланча участвовалъ въ битвѣ ойратовъ съ монголами въ 1426 году, тогда какъ упоминаемый въ Минъ-ши Гуй-ли-чи былъ убитъ въ 1408 году. Schmidt отожествляетъ его съ Улчжэй-Тэмуръ-ханомъ, принимая Гуй-ли-чи за искаженіе Улчжэй[4]). Howorth находитъ такое отожествленіе неправильнымъ, такъ какъ Улчжэй-Тэмуръ, будучи законнымъ ханомъ, не имѣлъ надобности измѣнять династіонное названіе Юань и называть свой народъ Дадань[5]). Я, съ своей стороны, не могу согласиться съ мнѣніемъ Howorth'а, который отожествляетъ Гуй-ли-чи, съ ойратскимъ Угэчи-хашагою: — главнымъ дѣломъ этого монгольскаго предводителя была, какъ мы видѣли, борьба съ ойратами, тогда какъ Угэчи-хашага принадлежалъ именно къ этому племени. По моему мнѣнію, лучше, всего не прибѣгать къ сомнительнымъ и весьма неточнымъ сравненіямъ монгольскихъ именъ съ ихъ китайскою транскрипціею и помириться съ мыслью, что Гуй-ли-чи былъ просто однимъ изъ многочисленныхъ монгольскихъ главарей, недовольныхъ слабостью центральной власти, въ особенности въ дѣлѣ борьбы съ ойратами, и поднявшихъ, вслѣдствіе того, знамя мятежа.

Убійца Гуй-ли-чи, А-лу-тай, не надѣясь удержаться во власти помимо законныхъ претендентовъ на престолъ, объявилъ ханомъ потомка юань'скаго дома Бэнь-я-ши-ли (本 雅 失 里).

Случилось это событіе въ мѣстности Бѣ-ши-па-ли (別 失 里 八) (Бишбалыкъ)[6]), и А-лу-тай вышелъ туда на встрѣчу

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 6 цз., 7 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.
3) См. Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 91.
4) Geschichte der Ost-Mongolen, Schmidt, стр. 404.
5) History of the Mongols, Howorth, part I, стр. 352.
6) Опредѣленіе этой мѣстности, см. Bretschneider, т. II, стр. 225.

къ вновь поставленному имъ хану [1]). Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что гипотеза Howorth'а о тожественности Бэнь-я-ши-ли съ Улчжэй-Тэмуромъ совершенно основательна, такъ какъ у Petis de la Croix, цитируемаго Howorth'омъ, имѣется свѣдѣніе, что Улчжэй-Тэмуръ нѣкоторое время пребывалъ у Тамерлана и послѣ того возвратился и сѣлъ на престолъ [2]). Годомъ воцаренія его слѣдуетъ считать 1408 годъ, а не 1405, какъ значится у Бретшнейдера и Howorth'а. Что-же касается Сананъ-Сэцэна, то онъ даетъ намъ 1403 годъ, т. е. заставляетъ Улчжэй-Тэмура возсѣсть на престолъ немедленно по смерти Гунъ-Тэмура, что̀ вполнѣ естественно, такъ какъ онъ игнорируетъ существованіе Гуй-ли-чи.

Получивъ вѣсть о воцареніи Бэнь-я-ши-ли, импéраторъ Юнъ-ло немедленно-же отправилъ къ нему грамоту слѣдующаго содержанія: «Послѣ паденія могущества монголовъ, отъ потомка императора Шунь-ди (順帝), А-ю-ши-ли-да-ла, до Гунъ-Тэмура, во всѣ шесть (sic) поколѣній, весьма быстро смѣнявшихъ другъ друга, я не слыхалъ, чтобы хоть одинъ человѣкъ окончилъ жизнь спокойно. Тай-цзу Гао-хуанъ-ди (太祖高皇帝) весьма милостиво обращался съ потомками Юань'цевъ, и изъявлявшихъ покорность онъ отпускалъ на волю. Онъ отпустилъ, напримѣръ, То-гу-сы-Тэмура, о чемъ извѣстно всѣмъ людямъ сѣвера и юга [3]). Наше расположеніе къ монголамъ ничуть не отличается отъ родительскаго. Теперь возстановлено прямое потомство юань'ской династіи, и отъ вашего желанія изъявить покорность или непокорность зависятъ ваше собственное счастье или гибель. Хорошенько обдумайте это» [4]). Заискивающее и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное посланіе это не произвело, повидимому, желаннаго впечатлѣнія. Въ слѣдующемъ-же 1409 году, одинъ

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.

2) Howorth, op. cit., стр. 353.

3) По этому мѣсту можно заключить, что Май-ди-ли-па-ла и Тогусы-Тэмуръ одно и тоже лицо. Ссылка на это мѣсто сдѣлана мною выше. См. стр. 9.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5—6 лл.

монгольскій офицеръ Вань-чжэ-Тэмуръ (完者) съ 22 товарищами грабилъ на границѣ и былъ захваченъ китайцами. Для объясненій по этому дѣлу китайскій дворъ отправилъ къ Бэнь-я-ши-ли посланца Го-цзи (郭驥) съ грамотою отъ самаго императора, хотѣвшаго видимо уладить это недоразумѣніе путемъ мирныхъ переговоровъ, но, по приказу монгольскаго владыки, Го-цзи былъ убитъ, что, конечно послужило поводомъ къ полному разрыву [1]). Видя строптивость и несговорчивость Бэнь-я-ши-ли, Юнъ-ло постарался заручиться дружбою ойратовъ; въ томъ-же 1409 году всѣ три лица, стоявшія во главѣ этого племени были пожалованы почетными титулами: Ма-ха-му возведенъ былъ въ званіе Шунь-нинъ-ван'а (順寧王), Тай-пинъ въ званіе Сянь-и-ва́н'а (賢義), и, наконецъ, Ба-ту-бо-ло въ званіе Ань-ло-ван'а (安樂). Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были выданы печати и грамоты [2]). Ойратскіе предводители прекрасно поняли, къ чему клонились всѣ эти щедрыя милости китайцевъ, и вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Не далѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, Ма-ха-му сразился съ Бэнь-я-ши-ли и А-лу-тай'емъ, причемъ восточные монголы были отброшены на Люй-цзюй-хэ (Кэрулэнъ) [3]). Пользуясь временнымъ ослабленіемъ врага, послѣ этого пораженія, императоръ Юнъ-ло снарядилъ противъ Бэнь-я-ши-ли и А-лу-тай'я экспедицію, начальство надъ коей вручено было Цю-фу (邱福). Ему дали 100 тысячъ войска и снабдили инструкціями, въ которыхъ предписывалось соблюдать величайшую осторожность и двигаться все время такъ, какъ будто-бы враги были совсѣмъ близко. Подойдя къ Кэрулэну, китайское войско повстрѣчалось съ монгольскимъ рекогносцировочнымъ отрядомъ, который притворно обратился въ бѣгство [4]); при этомъ захваченъ былъ въ плѣнъ одинъ монгольскій офицеръ, который заявилъ, на разспросы Цю-фу, что

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6 л.
2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 1 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6 л.
4) Ibid.

Бэнь-я-ши-ли находится не далѣе какъ въ 30 ли. Услыхавъ это, китайскій главнокомандующій весьма обрадовался и, несмотря на увѣщанія своихъ приближенныхъ, далъ приказаніе двигаться впередъ; вскорѣ китайцы были окружены полчищами враговъ и произошла страшная рѣзня, во время коей почти всѣ китайскіе предводители были перебиты. Узнавъ объ этомъ позорномъ пораженіи, императоръ пришелъ въ страшный гнѣвъ, и, дабы изгладить всякое воспоминаніе объ этой неудачѣ, повелѣлъ измѣнить названіе рѣки Люй-цзюй-хэ въ Инъ-ма-хэ [1]). Весною слѣдующаго-же 1410 года онъ рѣшилъ лично выступить противъ непріятеля. Собравши огромное полумиліонное [2]) войско, онъ вышелъ за Великую стѣну. Услыхавъ о приближеніи самаго повелителя Китая, Бэнь-я-ши-ли струсилъ и хотѣлъ бѣжать, но на это не согласился А-лу-тай и, они разошлись. «Съ тѣхъ поръ», говоритъ историкъ Минъ-ши, «государь (т. е. Бэнь-я-ши-ли) и чиновникъ (т. е. А-лу-тай) образовали каждый свое отдѣльное племя». Юнъ-ло направился, прежде, всего противъ Бэнь-я-ши-ли, бѣжавшаго на сѣверо-западъ и преслѣдовалъ его до рѣки Хань-нань (斡 難) (т. е. Ононъ), гдѣ монгольскій ханъ принялъ наконецъ, сраженіе, но потерпѣлъ сильное пораженіе; бросивъ весь свой обозъ и скотъ, онъ спасся въ сопровожденіи лишь семи всадниковъ. На возвратномъ пути, около Цзинъ-лу-чжен'я (靜 虜 鎮) (?), китайскій отрядъ повстрѣчался съ А-лу-тай'емъ. Императоръ отправилъ къ монгольскому предводителю посланцевъ съ предложеніемъ покориться, и А-лу-тай лично былъ не прочь отъ этого, но приближенные его не соглашались и принудили его вступить въ бой. Императоръ пустилъ въ сраженіе избранную конницу, и противники бросились другъ на друга съ неистовымъ крикомъ, причемъ стрѣлы падали какъ дождь. А-лу-

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 6 цз., 8 л.

2) Историкъ Минъ-ши обыкновенно не прочь значительно округлять численность китайскихъ войскъ. Приводимая здѣсь цифра не можетъ быть даже и близка къ истинѣ, такъ какъ передвиженіе большихъ массъ войскъ въ степяхъ было несомнѣнно сопряжено съ чрезвычайными трудностями.

тай упалъ съ лошади и войско его потерпѣло полнѣйшее пораженіе. Китайцы преслѣдовали бѣглецовъ [1]) въ сѣверномъ направленіи на разстояніи 100 слишкомъ ли и затѣмъ возвратились обратно [2]).

Послѣ этой весьма чувствительной неудачи А-лу-тай понялъ всѣ преимущества притворной покорности предъ открытой враждой. Въ томъ-же году, зимою, онъ отправилъ въ Пекинъ въ дань лошадей; подношеніе это было благосклонно принято императоромъ, невольно предпочитавшимъ имѣть въ А-лу-тай'ѣ хотя-бы притворнаго, но все таки союзника и данника, а не врага.

Монголія того времени распадалась на два самостоятельныхъ отдѣла — западный ойратскій, гдѣ главенствовалъ Ма-ха-му и восточный, находившійся подъ предводительствомъ А-лу-тай'я. Провести точную границу между ними весьма трудно, но не подлежитъ сомнѣнію, что восточные монголы занимали гораздо меньшую территорію, чѣмъ ихъ западные соплеменники; обитали они на югъ отъ степи, у самой границы собственнаго Китая. Между ними и ойратами происходила постоянная упорная борьба, и тотъ изъ родоначальниковъ, который достигалъ временной гегемоніи, тотчасъ же спѣшилъ узаконить свое положеніе, поддерживая одного изъ многочисленныхъ потомковъ юань'скихъ императоровъ, считавшихъ себя законными претендентами на ханскій престолъ.

Такимъ образомъ, ойратскій Ма-ха-му убилъ въ 1412 году А-лу-тай'ева ставленника Бэнь-я-ши-ли и провозгласилъ ханомъ Да-ли-ба (答里巴) [3]). Желая отомстить за убійство послѣдняго, А-лу-тай приложилъ всѣ старанья, чтобы сблизиться съ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 6 цз., 9 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6—7 л. Это несомнѣнно Дэлбэкъ-ханъ, упоминаемый у Сананъ-Сэцэна (см. Schmidt, op. cit., 144 стр.); въ Алтанъ-Тобчи онъ именуется Далбакомъ (стр. 57 монг. текста). Сомнительно, чтобы свѣдѣніе Сананъ-Сэцэна о томъ, что онъ былъ сыномъ Улчжэй-Тэмура было справедливо, такъ какъ въ такомъ случаѣ выходило-бы, что Ма-ха-му, убивъ отца, возвелъ на престолъ сына.

китайскимъ дворомъ. Онъ прислалъ дань, которая была благосклонно принята, и ему были возвращены захваченные въ плѣнъ въ битвѣ при Цзинъ-лу-чжен'ѣ его старшій братъ и младшая сестра. Въ томъ же 1412 году онъ представилъ въ Пекинъ слѣдующій докладъ: «Ма-ха-му убилъ своего законнаго владыку и самовольно поставилъ на ханство Да-ли-ба; я желаю показать искреннюю покорность свою Китаю и отомстить за смерть хана». Слѣдуя мудрому правилу — «divide et impera», императоръ поспѣшилъ одобрить планъ А-лу-тай'я и даже наградилъ его за столь похвальное намѣреніе титуломъ Хэ-нинъ-ван'а, т. е. князя Каракорумскаго [1]). Это, не могло, конечно, понравиться Ма-ха-му, и отношенія его къ китайскому двору дѣлаются съ этихъ поръ весьма натянутыми. Зимою 1413 года ойраты начали наступательное движеніе и расположились на Инъ-ма-хэ (измѣненное названіе Кэрулэна), ложно заявляя, что они собираются напасть на А-лу-тай'я. Угадавъ ихъ настоящія намѣренія, Кай-пин'скій Шоу-цзянъ (守將 офиц. чинъ) поспѣшилъ отправить по этому предмету докладъ въ Пекинъ. Императоръ рѣшилъ лично идти въ походъ. Выступивъ въ 1414 году, онъ прошелъ мѣстности Синъхэ [2]) и остановился въ Ху-лань-ху-ши вэн'ѣ (忽蘭忽失温) [3]). Здѣсь и произошло рѣшительное сраженіе, въ коемъ Ма-ха-му потерпѣлъ сильное пораженіе. Императорскія войска преслѣдовали его до р. Ту-ла [4]). Въ этой битвѣ А-лу-тай не участвовалъ, благоразумно выжидая исхода ея и не желая помогать одному врагу въ ущербъ другому. Не смотря на такое предательское бездѣйствіе своего мнимаго союзника, императоръ не рѣшился однако послѣ сраженія съ Ма-ха-му, идти противъ него и счелъ даже возможнымъ очень милостиво принять посланцевъ А-лутай'евыхъ, щедро наградивъ ихъ рисомъ, сушенымъ мясомъ, виномъ и нѣсколькими кусками шелковыхъ матерій [5]).

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.
2) М. Ш. Бэнь-цзи, 7 цз., 1 л.
3) Положеніе Ху-ланъ-ху-ши-вэнь опредѣлить мнѣ не удалось.
4) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 9 л.
5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

Со времени сраженія китайцевъ съ ойратами, мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія о Да-ли-ба (Дэлбэкъ-ханѣ), а потому возможно предположить, что онъ былъ убитъ въ этой битвѣ, или-же въ слѣдующей, которая вскорѣ произошла между А-лутай'емъ и ойратами. Въ этомъ послѣднемъ сраженіи ойраты снова потерпѣли пораженіе, многія изъ нихъ захвачены были въ плѣнъ и представлены побѣдителями въ Пекинъ [1]).

Послѣ смерти Да-ли-ба въ Монголіи начинается періодъ двоеханія въ полномъ смыслѣ этого слова. — На востокѣ продолжалъ стоять во главѣ правленія А-лу-тай, котораго, сказать кстати, я склоненъ отожествлять — съ Ойратай'емъ Алтанъ-Тобчи [2]); среди ойратовъ-же владычествовалъ все тотъ-же Ма-ха-му. Послѣдній причинялъ постоянно не мало хлопотъ китайскому правительству. — Вскорѣ послѣ понесеннаго имъ отъ Юнъ-ло пораженія, онъ отправилъ въ Пекинъ посланцевъ съ данью и повинною; одновременно съ симъ присланъ былъ обратно задержанный ойратами, при возникновеніи недоразумѣній, китайскій посолъ.

Веденіе мирныхъ переговоровъ нѣсколько затянулось, однако, вслѣдствіе разрыва происшедшаго между ойратами и А-лутай'емъ. Между тѣмъ Ма-ха-му умеръ. Послѣ его смерти переговоры возобновились; — изъ Пекина былъ отправленъ на западъ бывавшій уже ранѣе въ тѣхъ мѣстахъ евнухъ Хай-тунъ (海 童), который увѣрилъ императора, что, со смертью Ма-ха-му, съ этимъ народомъ будетъ не трудно ладить. Хай-тун'у поручено было войти въ сношенія съ двумя главарями, оставшимися въ живыхъ — Тай-пин'омъ и Ба-ту-бо-ло, которымъ онъ долженъ былъ посулить отъ китайскаго двора богатыя милости. Исполнивъ порученіе, Хай-тунъ вернулся въ 1418 году съ отвѣтнымъ посольствомъ ойратовъ. Сынъ умершаго Ма-ха-му, То-гуань (脫 懽) [3]), просилъ императора о пожалованіи ему

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

2) См. Алтанъ-Тобчи (стр. 57 монг. текста).

3) Очевидно Тогонъ Сананъ-Сэцэна и Алтанъ-Тобчи.

отцовскаго титула. Просьба эта была немедленно-же уважена, и Тогонъ возведенъ въ званіе Шунь-нинъ-ван'а. Затѣмъ Хайтунъ былъ снова командированъ къ ойратамъ для награжденія шелковыми матеріями Тай-пин'а и Ба-ту-бо-ло; вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ спеціальный чиновникъ, которому поручено было принесеніе посмертныхъ жертвъ покойному Шунь-нинъ-ван'у, Ма-ха-му. Помощью всѣхъ этихъ наградъ и унизительныхъ заискиваній, китайскому двору удалось обезпечить себѣ миръ, по крайней мѣрѣ на четыре года, — до 1422 года мы не встрѣчаемъ упоминаній о какихъ либо нападеніяхъ ойратовъ на китайскую территорію [1]).

Обратимся теперь къ А-лу-тай'ю и племенамъ восточныхъ монголовъ, надъ которыми онъ главенствовалъ. — Пользуясь тѣмъ, что вниманіе китайцевъ занято было ойратами, онъ, двигаясь понемногу на югъ, сталъ кочевать, у самой китайской границы. Не чувствуя себя въ силахъ прогнать его оттуда, императоръ Юнъ-ло старался, по возможности, поддерживать съ нимъ дружественныя отношенія, награждая, между прочимъ, разными титулами его мать и жену, изъ коихъ первая получила званіе Ванъ-тай-фу-жень (王 太 夫 人), а вторая Ванъ-фу-жень. А-лу-тай благосклонно принималъ всѣ эти милости китайцевъ и оставался спокойнымъ до поры до времени, собираясь съ силами и откармливая свой скотъ. Дружескія отношенія этого монгольскаго владѣльца къ китайскому двору не мѣшали, однако, его посланцамъ предаваться грабежамъ, въ то время какъ они возвращались изъ Пекина съ щедрыми подарками императора [2]).

Въ это-же время А-лу-тай озаботился расширеніемъ своего вліянія въ юго-восточной Монголіи. — Мы имѣемъ свѣдѣніе, что ему подчинилось племя урянхайцевъ [3]). Надѣясь на поддержку этихъ своихъ новыхъ союзниковъ, А-лу-тай въ 1422 году на-

---

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 2 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л. подъ названіемъ Урянхайцевъ (У-лянъ-ха) у китайскихъ историковъ подразумѣваются монгольскія племена, вошедшія въ составъ трехъ военныхъ поселеній (сань-вэй).

правилъ значительный отрядъ для грабежа въ область Синъ-хэ. Терпѣніе императора, испытанное въ теченіи столь продолжительнаго времени, наконецъ, истощилось и онъ рѣшилъ выступить лично противъ неблагодарнаго сосѣда [1]). Китайское войско прямо направилось на сѣверъ на Кай-пинъ и Инъ-чанъ. А-лу-тай, стоявшій лагеремъ у озера Ко-луань (闊 欒), не ожидалъ, повидимому, столь рѣшительныхъ мѣръ со стороны императора. Не рѣшаясь встрѣтиться съ китайцами въ открытомъ полѣ, онъ бросилъ свой обозъ и скотъ и бѣжалъ въ степь. Упустивъ, такимъ образомъ, своего главнаго врага, императоръ рѣшилъ выместить гнѣвъ свой на урянхайцахъ, безъ поддержки которыхъ А-лу-тай, по его мнѣнію, не осмѣлился-бы произвести набѣгъ [2]); онъ встрѣтился съ ними у р. Цюй-лѣ-хэ (屈 烈), гдѣ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе [3]). Таковымъ оно оказалось, впрочемъ, лишь на бумагѣ, въ восторженныхъ описаніяхъ придворныхъ историковъ, такъ какъ А-лу-тай очень быстро оправился отъ страха и не далѣе какъ въ слѣдующемъ-же году пограничные начальники донесли о новомъ вторженіи его въ китайскіе предѣлы. Полчища его были настолько внушительны, что императоръ, желая обезпечить себѣ успѣхъ, рѣшилъ снова лично идти противъ него и даже захотѣлъ предупредить нападенія монголовъ, выступивъ немедленно-же за Великую стѣну [4]). Когда китайское войско достигло мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ Шань-чжуанъ-пу [5]), то въ императорскій лагерь явился съ изъявленіемъ покорности одинъ изъ монгольскихъ князей Ѣ-сянь-ту-цянь (也 先 土 干), добровольно выразившій желаніе выступить съ своимъ отрядомъ противъ А-лу-тай'я. Императоръ весьма милостиво отнесся къ покорившемуся монгольскому главарю, пожаловалъ ему даже титулъ Чжунъ-юнъ-ван'а (忠 勇

1) М. Ш. отд. До-дань, 327 цз., 7 л.
2) М. Ш. Бэнь-цзи, 7 цз., 10 л.
3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л.
4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.
5) М. Ш. Бэнь-цзи, 7 цз., 11 л.

王) (т. е. «вѣрнаго и храбраго князя), но всетаки не рѣшился довѣриться его покорности и не принялъ его предложенія идти противъ монголовъ. Между тѣмъ осенью того-же 1423 года А-лу-тай потерпѣлъ пораженіе отъ ойратовъ; узнавъ объ этомъ Юнъ-ло вернулся въ столицу. Казалось-бы императору слѣдовало воспользоваться пораженіемъ врага и окончательно ослабить его, а между тѣмъ онъ отступаетъ. Такую нерѣшительность можно объяснить опасеніемъ китайцевъ углубляться въ позднюю осеннюю пору далеко въ степи, гдѣ трудно было доставлять для арміи необходимое продовольствіе. Между тѣмъ, А-лу-тай, избѣгая встрѣчъ съ императорскими войсками въ открытомъ полѣ, постоянно пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы дѣлать разбойническія нападенія на пограничныя области имперіи. Въ 1424 году онъ сильно разграбилъ Да-тунъ и Кай-пинъ. Энергичный императоръ въ третій разъ выступилъ противъ своего безпокойнаго сосѣда[1]), но, дойдя до мѣстности Да-лань-на-му-эрръ (荅蘭納木兒) (несомнѣнно Долонъ-норъ), узналъ, что А-лу-тай бѣжалъ далеко[2]). Не считая возможнымъ преслѣдовать его въ степи, императоръ удовольствовался изданіемъ манифеста, въ которомъ подробно излагались всѣ преступленія А-лу-тай'я и обѣщалась полная амнистія тѣмъ изъ его подданныхъ, которые явятся съ покорностью. На обратномъ пути въ Пекинъ императоръ умеръ въ мѣстности Юй-му-чуань (榆木川)[3]) (?).

Въ заключеніе настоящей главы, скажу нѣсколько словъ о событіяхъ, происходившихъ за разсматриваемый нами періодъ времени у сѣверо-западной границы провинціи Гань-су. Выше (см. стр. 27) я уже указалъ, что край этой былъ заселенъ полукочевыми племенами смѣшаннаго происхожденія съ преобладаніемъ, однако, монгольскаго элемента, который, во всякомъ случаѣ, являлся тамъ господствующимъ.

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.
2) М. Ш. Бэнь-цзи, 7 цз., 11 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

Завязавъ въ концѣ правленія Хунъ-у и въ первые годы царствованія Юнъ-ло сношенія съ Китаемъ, племена эти должны были признать надъ собою его протекторатъ, и, по распоряженію пекинскаго правительства, управленіе здѣсь было организовано по образцу военныхъ поселеній урянхайцевъ на сѣверо-востокѣ.

Такимъ образомъ на границѣ провинціи Гань-су учреждены были поселенія Ань-динъ (安 定), А-дуань (阿 端), Цюй-сянь (曲 先), Чи-цзинь-мэнъ-гу (赤 斤 蒙 古), Ша-чжоу (沙 州), Хань-дунъ (罕 東), лѣвое крыло Хань-дунъ и Ха-мѣй-ли (哈 梅 里). О географическомъ положеніи и времени основанія каждаго изъ нихъ мы находимъ подробныя свѣдѣнія въ часто цитируемомъ здѣсь изслѣдованіи д-ра Бретшнейдера [1]).

При первыхъ императорахъ мин'ской династіи, исторія этихъ племенъ не была, впрочемъ, особенно богата фактами, и политическая жизнь ихъ ограничивалась весьма несложными отношеніями къ китайскому двору. Отъ прочихъ монголовъ они жили почти особнякомъ, причемъ отъ ближайшихъ своихъ единоплеменниковъ — ойратовъ они были изолированы государствомъ Хами (哈 密), исторія котораго въ этотъ періодъ была довольно тѣсно связана съ судьбами монголовъ, а потому я полагалъ-бы не лишнимъ нѣсколько остановиться на ней.

Въ половинѣ XIV вѣка, т. е. еще до сверженія юань'ской династіи въ Китаѣ, этой страной управлялъ князь по имени На-ху-ли (納 忽 里), которому дарованъ былъ титулъ Су-ванъ (肅 王); ему наслѣдовалъ братъ его Ань-кэ-Тэмуръ (安 克). Въ 1403 году онъ отправилъ въ Пекинъ посланца съ данью, состоявшей изъ 190 лошадей. Съ того-же времени завязались у Хами съ Китаемъ и торговыя сношенія, — такъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что хамійскій владѣтель продалъ китайскому двору 4740 лошадей. Въ 1404 году онъ снова прислалъ дань съ просьбою пожаловать ему какой нибудь титулъ; желаніе это было исполнено, и

1) См. Med. Res. т. II, стр. 205—220.

ему было дано званіе Чжунъ-шунь-ван'а. Съ этого момента начинаются смуты въ домѣ владѣтелей Хами. Въ томъ-же 1404 году Ань-кэ-Тэмуръ былъ отравленъ, благодаря проискамъ главенствовавшаго въ то время среди монголовъ Гуй-ли-чи [1]), который рѣшился на такую мѣру, желая, безъ сомнѣнія помѣшать усиленію на западѣ новаго владѣнія. Тотчасъ-же послѣ смерти князя, въ Хами успѣло уже образоваться двѣ партіи, причемъ недовольными оказывались потомки На-ху-ли, обойденные при вступленіи въ управленіе Ань-кэ-Тэмура. Эта партія нашла себѣ поддержку въ китайскомъ правительствѣ, которое выставило претендентомъ на хамійскій престолъ сына На-ху-ли, То-то (脫脫), съ дѣтства жившаго при китайскомъ дворѣ и исправлявшаго при императорѣ должность адъютанта. Желая назначить этого То-то въ преемники Ань-кэ-Тэмура, императоръ, опасался, однако, что хамійцы на это не согласятся, такъ какъ у умерщвленнаго князя оставалось прямое потомство. Дабы позондировать почву, въ Хами былъ командированъ спеціальный чиновникъ, который донесъ, что хамійцы не осмѣлятся противиться волѣ императора. Такимъ образомъ То-то былъ утвержденъ въ княжескомъ званіи. Выборъ китайцевъ оказался, однако, неудачнымъ; — все время правленіе этого князя было полно смутъ и неурядицъ. Вскорѣ по прибытіи въ Хами, онъ долженъ былъ удалиться оттуда, благодаря проискамъ своей бабки и главарей, державшихъ сторону потомковъ Ань-кэ-Тэмура. Узнавъ объ этомъ, императоръ обратился къ виновникамъ безпорядковъ съ грознымъ посланіемъ, въ которомъ выставлялось на видъ все неразуміе ихъ поступка. Вразумленіе это возъимѣло должное дѣйствіе, — То-то былъ возвращенъ, а бабка его и возмутившіеся главари прислали ко двору посланцевъ съ повинною. Желая упрочить свое вліяніе въ Хами, китайское правительство учредило тамъ военное поселеніе(вэй) [2]),

---

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 1 л.

2) Это учрежденіе здѣсь военнаго поселенія было, повидимому, одною пустою формальностью, такъ какъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ Хами былъ поселенъ китайскій агентъ или поставленъ гарнизонъ.

причемъ внутреннее управленіе поручено было мѣстнымъ главарямъ, которымъ были пожалованы разныя почетныя званія. Милости эти раздавались очень щедро, изъ чего видимъ, что китайскій дворъ старался держаться по отношенію къ Хами преимущественно примирительной политики. При всемъ томъ, китайцы продолжали, однако, имѣть самый бдительный надзоръ за внутренними дѣлами этого княжества, вмѣшивались въ самыя мелочныя интриги и производили тамъ судъ и расправу. Въ 1407 году Гань-су'скій Цзунъ-бинъ (總兵), Сунъ-чэнъ (宋晟), представилъ докладъ, въ которомъ сообщалъ, что главарь хамійскій Лу-ши (陸十) произвелъ безпорядки, за что онъ (т. е. Цзунъ-бинъ) захватилъ и казнилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выражалъ опасенія, какъ-бы и въ другихъ мѣстахъ не произошли подобные же безпорядки, а потому просилъ подкрѣпленій [1]). Такое неспокойное положеніе дѣлъ въ княжествѣ объясняется исключительно происками Гуй-ли-чи, который, послѣ смерти Ань-кэ-Тэмура, перемѣнилъ свою политику по отношенію къ Хами и сталъ поддерживать противъ То-то родственниковъ отравленнаго имъ князя. Имѣя это въ виду, императоръ предписалъ Сунъ-чэн'у, въ отвѣтъ на его довесеніе, распорядиться отправкою женъ и дѣтей Ань-кэ-Тэмура къ этому монгольскому владѣльцу; вмѣстѣ съ тѣмъ, китайскимъ военачальникамъ предписывалось держать войска на готовѣ, на случай, если-бы изгнанники эти вздумали служить проводниками монголамъ при нападеніи ихъ на Хами [2]). Распоряженіемъ этимъ сразу достигалась двоякая цѣль: — во-первыхъ — удалялся изъ Хами безпокойный элементъ, вслѣдствіе интригъ котораго постоянно происходили смуты и во-вторыхъ — наслѣдники Ань-кэ-Тэмура посылались именно къ поддерживавшему ихъ Гуй-ли-чи, чѣмъ обезпечивалось продолженіе вражды между Хами и монголами. Между тѣмъ, То-то оказался никуда не годнымъ администраторомъ, предавался пьянству и разгулу,

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 1—2 лл.
2) Ibid.

совершенно пренебрегая дѣлами правленія. Императоръ отправилъ къ нему посланца съ предостереженіями и увѣщаніями, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ прибыть въ Хами, То-то умеръ. Случилось это въ 1410 году. Ему наслѣдовалъ двоюродный братъ Ту-ли-Тэмуръ (兎力), который правилъ до 1425 года. За все это время въ Хами царило полное спокойствіе и съ китайскимъ дворомъ поддерживались самыя дружественныя отношенія.

Глава IV.

Царствованія императоровъ Хунъ-си (洪熙) (1425—1426 г.) и Сюань-дэ (宣德) (1426—1436 г.) и начало царствованія императора Чжэнъ-тун'а (正統) (1436—1445 г.).

Послѣ смерти Юнъ-ло, среди монголовъ снова выступаютъ на первый планъ ойраты, съ успѣхомъ продолжавшіе начатую ими еще ранѣе борьбу съ ихъ восточными собратьями, находившимися подъ предводительствомъ А-лу-тай'я. Въ китайскихъ источникахъ есть упоминаніе о смерти Тай-пин'а (ойратскаго главаря), но ничего не говорится о Ба-ту-бо-ло. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что все значеніе было сосредоточено въ рукахъ Тогона, который, какъ сообщаютъ намъ Санан-Сэцэнъ и Алтанъ-Тобчи, имѣлъ даже намѣреніе объявить себя ханомъ. Опасаясь, однако, недовольства народа, онъ отказался на время отъ этой мысли и возвелъ на престолъ потомка Чингисова дома То-то-бу-хуа (脫脫不花). Одновременно съ симъ, на востокѣ А-лу-тай объявилъ ханомъ А-тай'я[1] (阿台).

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 3 л.; отд. Да-дань, 327 цз., 8 л., китайскіе источники не даютъ намъ никакихъ точныхъ хронологическихъ данныхъ о времени воцаренія какъ То-то-бу-хуа, такъ и А-дай'я. Если вѣрить Сананъ-Сэцэну, то послѣдній былъ возведенъ на престолъ въ 1426 г., то есть вскорѣ послѣ смерти императора Хунъ-си. Что-же касается То-то-бу-хуа, котораго Schmidt отожествляетъ съ Тайсонъ-ханомъ (см. Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 406), то 1439 годъ воцаренія его, даваемый Сананъ-Сэцэномъ нельзя не

Нечего и говорить, что оба эти хана играли чисто номинальную роль, такъ какъ фактическая власть находилась, несомнѣнно, въ рукахъ Тогона и А-лу-тай'я.

Короткое царствованіе императора Хунъ-си прошло безъ всякихъ выдающихся событій въ исторіи монголовъ. За это время упоминается лишь о посольствѣ, отправленномъ А-лу-тай'емъ къ китайскому двору. Воспользовавшись смертью энергичнаго Юнъ-ло, боровшагося до конца жизни съ своими безпокойными сѣверными сосѣдями, хитрый предводитель восточныхъ монголовъ поспѣшилъ завязать дружескія отношенія съ Пекиномъ. Онъ отправилъ въ даръ императору лошадей, каковыя были милостиво приняты. Съ сего времени, говоритъ Минъ-щи, А-лу-тай аккуратно ежегодно доставлялъ подать [1]). Одновременно съ симъ послѣдовало и возобновленіе дружескихъ сношеній китайскаго двора съ урянхайцами, союзниками А-лу-тай'я. Немедленно по вступленіи своемъ на престолъ императоръ Хунъ-си тотчасъ же отправилъ къ нимъ посланца съ увѣщательной грамотою [2]); главари урянханскіе поспѣшили воспользоваться такою предупредительностью пекинскаго правительства и обратились къ нему съ разными ходатайствами: главарь Ань-чу (安出) доложилъ, что печать его украдена воромъ и просилъ дать ему новую. Другой племенной начальникъ А-чжэ-ту (阿者兎), явившись съ выраженіемъ преданности, былъ пожалованъ парадными одеждами и осѣдланными лошадьми [3]).

Чрезмѣрную покорность и даже уничиженность А-лу-тай'я въ сношеніяхъ его съ пекинскимъ дворомъ объяснить весьма легко, если принять во вниманіе, что въ это время росла не по днямъ,

---

считать слишкомъ позднимъ, ибо мы встрѣчаемъ въ китайскихъ источникахъ упоминаніе объ этомъ ханѣ уже въ началѣ 30-хъ годовъ. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что Тогонъ выставилъ То-то-бу-хуа кандидатомъ на ханство не сразу послѣ того, какъ захватилъ власть, а лишь когда убѣдился, что народъ не позволитъ ему самому сѣсть на престолъ.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.

2) У-бянь-дянь-цзэ, 1 цз., 3 л.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л.

а по часамъ сила ойратовъ, надъ которыми начальствовалъ дѣятельный и энергичный Тогонъ. Уже въ самомъ началѣ царствованія Сюань-дэ, А-лу-тай потерпѣлъ при столкновеніи со своими западными сосѣдями нѣсколько чувствительныхъ пораженій. Китайцы поняли тогда всю важность самостоятельнаго существованія А-лу-тай'я, защищавшаго ихъ отъ непосредственныхъ нападеній со стороны Ойратовъ. Поэтому они всѣми силами старались удержать его на сѣверной своей границѣ, задабривая какъ его самаго, такъ и приспѣшниковъ его подарками и разными почетными званьями и титулами. Посланцевъ его, приходившихъ съ данью, въ Пекинѣ щедро одаряли деньгами и шелками, причемъ мѣстнымъ властямъ предписывалось снабжать такія посольства всѣмъ необходимымъ. Несмотря, однако, на всѣ эти заискиванія китайцевъ, А-лу-тай не могъ долго выдерживать роль буфера, которую такъ любезно навязывали ему его цивилизованные сосѣди. Потерпѣвъ года два-три, онъ порѣшилъ избавиться отъ этого невыносимаго положенія и откочевалъ, съ этою цѣлью, къ востоку, въ мѣстности, лежащія непосредственно къ сѣверу отъ Пекина. Здѣсь граница была въ то время слабо защищена и предводитель восточныхъ монголовъ, въ союзѣ съ урянхайцами, началъ производить опустошительные грабительскіе набѣги на китайскую территорію, надѣясь пріобрѣсти себѣ этимъ путемъ добычу болѣе обильную, чѣмъ ту, которую въ видѣ подарковъ добровольно жаловалъ ему пекинскій дворъ [1]).

Не далѣе какъ въ 1430 году, нападенія эти стали настолько чувствительными, что явилась крайняя необходимость обратить серьезное вниманіе на укрѣпленіе мѣстностей, расположенныхъ къ сѣверу отъ столицы. Командированы были войска подъ руководствомъ инженеровъ, которыми и построены были города Чичэнъ (赤城), Дяо-яо (鵰鶚), Юнь-чжоу (雲州), Ду-ши-коу и Туань-шань (團山). Въ томъ же году императоръ лично осматривалъ эти вновь построенныя укрѣпленія и ихъ гарнизоны [2]).

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.
2) М. Ш. Бэнь-цзи, 9 цз., 7 л.

Однако и на сѣверо-востокѣ не долго ужился А-лу-тай. Не далѣе какъ въ 1434 году, онъ опять пришелъ въ столкновенie съ ойратами, имѣвшими, очевидно, намѣренie покончить съ своимъ восточнымъ соперникомъ. Тогонъ нанесъ ему жестокое пораженie, причемъ А-лу-тай потерялъ многихъ членовъ собственной своей семьи и, вмѣстѣ съ сыномъ Ши-нѣ-ган'емъ (失揑干), поселился на Цаганъ-нор'ѣ въ мѣстности Му-на-шань (毋納山)[1]. Здѣсь этотъ нѣкогда могущественный монгольскій владѣтель окончилъ свою бурную жизнь: онъ былъ убитъ Тогономъ, и народъ его разсѣялся. Двухъ-трехъ членовъ его семьи приняли подъ свое покровительство китайцы. Претендовавшіе на нѣкоторую самостоятельность остатки восточныхъ монголовъ поселились въ мѣстности И-цзи-най-лу, гдѣ начальникомъ ихъ является А-тай-ханъ, поставленный А-лу-тай'емъ и пріобрѣвшій со времени смерти послѣдняго нѣкоторую самостоятельность; не менѣе выдающуюся роль среди нихъ игралъ еще До-эрръ-чжи-бо (朶兒只伯)[2].

Покончивъ съ А-лу-тай'емъ, Тогонъ не рѣшался пока прерывать добрыя отношенія къ китайскому двору. Пославъ въ Пекинъ увѣдомленіе о своей побѣдѣ, онъ просилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволенія представить, въ видѣ трофея, ханскую яшмовую печать. Отвѣтъ императора на это предложеніе отличался весьма двусмысленнымъ характеромъ — не порицая Тогона за убіеніе А-лу-тай'я, что, по словамъ Сюань-цзун'а, было лишь местью за прежнюю обиду[3]), Сынъ Неба въ тоже время, съ явнымъ презрѣніемъ отнесся къ его предложенію представить яшмовую печать, говоря, что она не можетъ имѣть для него никакой цѣны[4])

1) См. карту Ильина (Азіятской Россіи) мѣстность къ сѣверу отъ Хуанъ-хэ между 78° и 80° вост. долготы.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.

3) Этотъ намёкъ на прежнюю обиду какъ будто подтверждаетъ возможность тожества китайскаго А-лу-тай'я съ Аруктай'емъ Cананъ-Сэцэна, см Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 146 и 404.

4) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз. 3 л.

Воцарившійся въ 1436 году императоръ Инъ-цзунъ (英宗), годы правленія коего извѣстны подъ именемъ Чжэнъ-тунъ, испыталъ на себѣ лично всю тяжесть вновь народившейся мощи ойратовъ. Впрочемъ, блестящіе успѣхи сихъ послѣднихъ могли имѣть мѣсто единственно лишь благодаря невѣроятно безтактной политикѣ китайскаго правительства. Какъ мы видѣли выше, уцѣлѣвшіе отъ ойратскаго погрома остатки восточныхъ монголовъ поселились на границѣ провинціи Гань-су, въ мѣстности И-цзинай-лу, откуда они производили набѣги на области Гань-чжоу и Лянъ-чжоу. Подъ 1436 и 1437 гг. мы встрѣчаемъ упоминанія о трехъ столкновеніяхъ, происшедшихъ между предводителями этихъ монголовъ А-тай-ханомъ и До-эрръ-чжи-бо съ китайскими войсками [1]). Пекинское правительство совершенно упустило изъ виду возможность сдѣлать изъ этихъ остатковъ восточныхъ монголовъ оплотъ противъ нападенія ойратовъ. Имъ, такимъ образомъ, могла бы быть навязана роль, которую въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ исполнялъ А-лу-тай. Китайцы, напротивъ, отнеслись самымъ строгимъ образомъ къ ихъ нападеніямъ и выказали, въ этомъ дѣлѣ чрезмѣрную воинственность. Для борьбы съ А-тай'емъ и До-эрръ-чжи-бо былъ командированъ изъ Пекина особый главнокомандующій, Ванъ-цзи (王驥), котораго снабдили спеціальными полномочіями. Онъ не замедлилъ, конечно, одержать рѣшительную побѣду надъ малочисленными врагами. Произошло два сраженія — одно въ мѣстности Ши-чэнъ (石城) (?), а другое въ У-лу-най (兀魯乃) (?); китайцы преслѣдовали непріятеля до Дяо-ли-гоу (刁力溝) (?), причемъ проникли въ степь на разстояніе 500 верстъ. Наконецъ имъ удалось окружить монголовъ со всѣхъ сторонъ, и послѣдніе были почти всѣ истреблены [2]). Всѣ китайскіе разсказы о такихъ почти поголовныхъ истребленіяхъ непріятелей слѣдуетъ безспорно считать сильно преувеличенными. Въ данномъ случаѣ китайцы имѣли, однако, дѣло съ не-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.
2) Ibid.

сравненно слабѣйшимъ непріятелемъ, а потому въ извѣстіи о полномъ пораженіи его нѣтъ ничего невѣроятнаго. Эта побѣда китайскаго оружія подготовила, такимъ образомъ, почву для полнаго подчиненія этихъ монголовъ — постоянно усиливавшимся ойратамъ. Между тѣмъ, китайцы имѣли полную возможность предотвратить подобную развязку. Тотчасъ-же послѣ смерти А-лу-тай'я, одинъ изъ предводителей восточныхъ монголовъ, До-эрръ-чжи-бо, кочевавшій на границѣ провинціи Гань-су, недалеко отъ Лянъ-чжоу, въ мѣстности Ѣ-кэ-линъ-ча-эрръ-дань (也可林察兒丹) прислалъ къ пограничнымъ начальникамъ посланцевъ, которымъ поручено было завязать переговоры о мирныхъ сношеніяхъ [1]). Среди совѣтниковъ императора были лица, указывавшія на критическое положеніе дѣлъ. Въ первый годъ правленія Чжэнъ-тун'а (1436 г.) одинъ изъ приближенныхъ императора, Чжу-юнъ (朱勇), старался выставить на видъ, что постоянное усиленіе Тогона угрожаетъ полнымъ уничтоженіемъ его сосѣдямъ А-тай'ю и До-эрръ-чжи-бо. Въ виду этого, онъ совѣтовалъ поддержать ихъ, а также позаботиться объ исправленіи пограничныхъ укрѣпленій, дабы уберечь имперію отъ неожиданнаго нападенія ойратовъ [2]). Въ Пекинѣ приняли къ свѣдѣнію это благоразумное предостереженіе, но не сочли нужнымъ сдѣлать, по этому предмету, какое либо распоряженіе, а, напротивъ, постарались даже, какъ мы видѣли выше, совершенно уничтожить немногочисленную группу кочевниковъ, которые могли еще служить имперіи хоть какой нибудь опорой противъ надвигавшейся на нее грозы. А гроза собиралась дѣйствительно нешуточная, и происходившія, въ то время, среди ойратовъ событія указывали на близость и неминуемость ея. Утвердившись во власти, Тогонъ вскорѣ покончилъ съ Сянь-и-ван'омъ и Ань-ло-ван'омъ, которые могли явиться соперниками ему и помѣшать выполненію его честолюбивыхъ замы-

1) У. Б. Д. Ц., 11 цз., 12 л.
2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 3 л.

словъ. Покончивъ съ ними, онъ почувствовалъ себя всесильнымъ господиномъ и захотѣлъ сѣсть на ханскій престолъ, но, какъ мы видѣли выше, народъ помѣшалъ ему осуществить это честолюбивое намѣреніе. Ханомъ объявленъ былъ То-то-бу-хуа, и Тогону пришлось удовольствоваться званіемъ перваго и ближайшаго его сановника. Окончивъ побѣдоносно борьбу съ Алутай'емъ, онъ основалъ свою резиденцію къ сѣверу отъ степи, занявъ, вѣроятно, древнюю столицу монгольскихъ хановъ, Каракорумъ. Въ это время ему подчинились многія поколѣнія восточныхъ монголовъ, остававшіеся доселе независимыми; здѣсь мы впервые встрѣчаемъ въ китайскихъ источникахъ упоминаніе о племени Ха-ла-чжэнь (哈喇嗔)—несомнѣнно Харачинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, помощью хитрости и щедрыхъ подарковъ, Тогону удалось также склонить на свою сторону поколѣніе До-янь и другія племена, кочевавшія непосредственно къ сѣверу отъ Пекина. Сдѣлать это ойратскому предводителю было тѣмъ легче, что китайское правительство само отказалось отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этихъ племенъ. Не далѣе какъ въ 1436 году главари Тай-нин'скіе и нѣкоторые другіе главари просили пекинскій дворъ прислать чиновника для улаженія возникшихъ среди нихъ споровъ и водворенія порядка. Императоръ Чжэнътунъ счелъ, однако, возможнымъ оставить это ходатайство безъ послѣдствій, при чемъ главарямъ этихъ монгольскихъ племенъ было предложено улаживать свои дѣла самостоятельно, и выражалось опасеніе, что посылка чиновника можетъ лишь причинить смятеніе и безпокойство [1]).

Такимъ образомъ Тогонъ обезпечилъ себѣ дружбу тѣхъ монгольскихъ народностей, въ рукахъ которыхъ находились ключи къ самой столицѣ. Заручившись столь полезными и могущественными союзниками, ойратскій предводитель сталъ производить осмотръ пограничныхъ областей, съ цѣлью выяснить гдѣ удобнѣе всего можно было бы произвести рѣшительное нападеніе на

---

1) У. Б. Д. Ц. цз. 1, л. 8.

Китай. Воспользоваться плодами своей дѣятельности Тогону, однако, не удалось; въ 1439 году онъ умеръ, и ему наслѣдовалъ въ достоинствѣ перваго сановника сынъ его Ѣ-сянь (也先) (Эсэнь), провозгласившій себя Тайшіемъ и Хуай-ван'омъ (淮王)[1]. Новый ойратскій владыка придерживался политики, завѣщанной ему отцомъ, но выказалъ въ осуществленіи плановъ, начертанныхъ послѣднимъ, несравненно больше оригинальности и дальновидности. Хотя, ко времени достиженія имъ власти, онъ располагалъ весьма значительными силами, съ которыми онъ могъ бы, конечно, безъ особаго риска вступить въ борьбу съ Китаемъ, но онъ всетаки не рѣшался сдѣлать этотъ смѣлый шагъ, не обезпечивъ себѣ предварительно полной безопасности въ тылу. Поэтому онъ прежде всего обратилъ вниманіе на сосѣднее княжество Хами.

Мы оставили исторію этого владѣнія на времени княженія Ту-ли-Тэмура. Князь этотъ умеръ въ 1425 году, о чемъ немедленно послано было извѣщеніе китайскому двору. Наслѣдникомъ умершаго назначенъ былъ сынъ То-то, Бу-да-ши-ли (卜答失里), которому и пожалованъ былъ титулъ Чжунъ-шунь-ван'а (忠順). За малолѣтствомъ новаго князя, въ соправители ему былъ назначенъ братъ умершаго Ту-ли-Тэмура, То-хуань-Тэмуръ (脫歡); этому послѣднему также было даровано званіе Чжунъ-и-ван'а (忠義) [2]. Распоряженіе это можетъ служить доказательствомъ близорукости политики китайскаго правительства по отношенію къ Хами: — непосредственно вслѣдъ за сообщеніемъ о назначеніи То-хуань-Тэмура въ соправители Бу-да-ши-ли, мы встрѣчаемъ упоминаніе, что оба эти князя представляли дань китайскому двору [3]); выходитъ, слѣдовательно, что китайцы учредили въ Хами не регентство, за малолѣтствомъ князя, а двоевластіе, которое должно было несомнѣнно имѣть гибельное

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 3 л.
2) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 2 л.
3) Ibid.

вліяніе на положеніе дѣлъ въ княжествѣ. Предположеніе это оправдывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1426 году, когда состоялось означенное распоряженіе, Бу-да-ши-ли, не былъ уже такъ малолѣтенъ, чтобы нуждаться въ регентѣ; мы знаемъ, что То-то, отецъ его, умеръ въ 1410 году и слѣдовательно молодому князю было вѣроятно не менѣе 20 лѣтъ. Желаніе китайцевъ ослабить Хами мотивировано было, несомнѣнно, опасеніемъ, какъ бы продолжительное спокойствіе, которымъ наслаждалось это княжество за время правленія Ту-ли-Тэмура не дало ему возможности слишкомъ усилиться. Послѣдствія столь недальновидной политики не замедлили обнаружиться; — Хами ослабло и сдѣлалось легкою добычею для усиливавшихся не по днямъ, а по часамъ ойратовъ. Историкъ Минъ-ши указываетъ на неспособность правителей Хами, какъ на ближайшую причину его ослабленія; при этомъ выставляется на видъ, что хамійскіе князья окружали себя недостойными людьми, и при помощи такихъ неспособныхъ и недобросовѣстныхъ сотрудниковъ не могли справиться съ разнородными элементами — монголами, уйгурами и мусульманами, составлявшими населеніе оазиса и находившимися между собою въ постоянной враждѣ [1]). Несомнѣнно, что всѣ эти доводы китайскаго историка имѣютъ извѣстную цѣну, но вѣдь пользовалось-же Хами спокойствіемъ въ продолженіи цѣлыхъ 15 лѣтъ приТу-ли-Тэмурѣ, и, при добромъ желаніи китайцевъ, такое удовлетворительное положеніе дѣлъ могло бы продолжаться и далѣе. Между тѣмъ, въ Пекинѣ нашли, повидимому, учрежденіе двоевластія мѣрою совершенно сообразною. Явствуетъ это изъ того, что со смертію То-хуань-Тэмура и Бу-да-ши-ли, китайское правительство не сочло возможнымъ измѣнить заведенный порядокъ; въ 1437 году титулы Чжунъ-и-ван'а и Чжунъ-шунь-ван'а были переданы сыновьямъ умершихъ князей, и въ Хами, такимъ образомъ, продолжали править два князя, — То-то-Тэмуръ и Дао-ва-да-ши-ли (倒瓦答失里) [2]. Изъ даль-

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 3 л.

2) Ibid.

нѣйшаго изложенія увидимъ, что преобладающее значеніе перешло къ Дао-ва-да-ши-ли, отличавшемуся трусливымъ и коварнымъ характеромъ. Ему-то и пришлось испытать на себѣ послѣдствія той разслабляющей политики, которую вело по отношенію къ Хами китайское правительство. Впрочемъ, при самомъ вступленіи этого князя въ управленіе, произошелъ рядъ событій, доказывающихъ повидимому, что китайцы начали уже сознавать всю несообразность своего образа дѣйствій по отношенію къ этому княжеству. Еще при жизни Бу-да-ши-ли, въ Хами были задержаны бѣжавшіе отъ преслѣдованія китайцевъ изъ Шачжоу сто семействъ. Не смотря на неоднократныя приказанія изъ Пекина выдать ихъ всѣхъ, Дао-ва-да-ши-ли отпустилъ только половину; остальныхъ-же удержалъ у себя, оказавъ, такимъ образомъ, явное неповиновеніе повелѣніямъ Сына Неба. Кромѣ того, отправляемые къ китайскому двору посланцы хамійскіе отличались дерзостью и заносчивостью, обращаясь грубо со смотрителями лежавшихъ по пути станцій и съ приставленными къ нимъ толмачами. Дерзость ихъ дошла до того, что они даже позволили себѣ неприличное поведеніе на одномъ изъ пировъ, устроенныхъ въ ихъ честь при пекинскомъ дворѣ. Не смотря на всѣ эти выходки, императоръ отнесся къ посланцамъ своихъ данниковъ чрезвычайно благосклонно, не подвергнулъ ихъ никакому наказанію и просилъ только хамійскаго князя быть впредь осторожнѣе въ выборѣ лицъ, отправляемыхъ въ Пекинъ [1]). Такую снисходительность можно объяснить лишь тѣмъ, что пекинскій дворъ желалъ во что-бы то ни стало, поддерживать дружественныя сношенія съ Хами, надѣясь найти въ князьяхъ его вѣрную опору противъ угрожавшаго нападенія ойратовъ. Но княжество успѣло къ тому времени ослабѣть на столько, что не могло уже оказывать стойкаго сопротивленія надвигавшейся грозѣ. Какъ разъ около этого времени, на Хами начинаетъ нападать со всѣхъ сторонъ его непосредственные сосѣди, дѣйствовавшіе въ союзѣ съ ойратами и не безъ давленія съ ихъ стороны.

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 3 и 4 лл.

Уже при перечисленіи военныхъ поселеній, учрежденныхъ на сѣверо-западной границѣ Китая, я имѣлъ случай упоминать, кто именно были эти сосѣди. Не лишнимъ считаю пополнить здѣсь нѣсколько свѣдѣнія, сообщаемыя д-ромъ Бретшнейдеромъ въ не разъ цитириванномъ мною ученомъ трудѣ [1]) о ходѣ историческихъ событій среди этихъ племенъ за разсматриваемый нами періодъ. Я не буду приводить въ отдѣльности исторію каждаго изъ нихъ, а постараюсь сдѣлать лишь общій обзоръ ихъ политической жизни за это время. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ почерпнуты мною изъ 330-ой цзюан'и Минъ-ши.

Выше [2]) уже было сказано, что въ мѣстахъ кочевокъ этихъ племенъ, еще во времена Хунъ-у были учреждены военныя поселенія. Лежали они почти непосредственно у самой китайской границы, а потому вліяніе китайцевъ было здѣсь несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Хами. Пекинскій дворъ часто беретъ на себя роль верховнаго судіи, рѣшающаго безапелляціонно споры, возникающіе между этими мелкими племенами, жизнь которыхъ проходила въ постоянныхъ междоусобныхъ распряхъ и набѣгахъ на сосѣднія богатыя области.

Въ 1424 году одинъ изъ главарей Ань-дин'скихъ, Сань-гэ (散哥), вмѣстѣ съ Цюй-сянь'скимъ начальникомъ, Сань-цзи-сы (散即思), напалъ на китайское посольство, направлявшееся въ Тибетъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ распорядился немедленно выслать противъ грабителей войско. Столь рѣшительныя дѣйствія нагнали такой страхъ на всѣ окрестныя племена, что, спасаясь отъ преслѣдованія китайскихъ войскъ, они откочевали далеко отъ границы. Произведя должное впечатлѣніе на грабителей и устрашивъ ихъ своимъ могуществомъ, Сынъ Неба не преминулъ, по своему обыкновенію, поразить ихъ затѣмъ своимъ великодушіемъ. Императоръ Сюань-дэ, по вступленіи своемъ на престолъ, прежде всего счелъ долгомъ позаботиться о возвра-

1) См. Med. Researches. т. II, стр. 205—220.
2) См. стр. 43.

щеніи бѣжавшихъ, причемъ осыпалъ начальниковъ ихъ подарками и чиновными званіями. Не довольствуясь внушеніемъ должнаго уваженія къ своимъ представителямъ, китайское правительство вмѣшивалось также и во внутреннія дѣла этихъ мелкихъ племенъ. Такъ одинъ изъ Хань-дун'скихъ главарей, по имени На-ма (納馬), представилъ въ Пекинъ докладъ, въ которомъ жаловался на отдѣленіе отъ его племени 1.500 семействъ, ушедшихъ въ землю Чи-цзинь, что лишаетъ его возможности поставлять ежегодно 250 лошадей, нужныхъ для казенной службы. Императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы бѣглецы были возвращены ихъ законному владѣльцу и простилъ сему послѣднему, накопившуюся за нимъ недоимку дани, состоявшей изъ лошадей. Однимъ изъ наиболѣе безпокойныхъ элементовъ среди этихъ народностей было именно Хань-дун'ское племя, главари коего не уживались между собою, и каждый изъ нихъ стремился къ самостоятельности. Между прочимъ, еще во времена правленія Юнъ-ло, одинъ изъ такихъ владѣльцевъ, Янь-чжанъ (奄章), отдѣлившись отъ своего коренного племени, поселился со своимъ родомъ въ Ша-чжоу. Здѣсь ему временно было разрѣшено обработывать землю и пасти скотъ. Между тѣмъ, родъ его постоянно усиливался и пересталъ помышлять о возможности возвращенія на прежнія кочевія, гдѣ онъ занималъ второстепенное положеніе. Сыну Янь-чжан'а, Бань-ма-сы-цзѣ (班麻思結), удалось отличиться въ совмѣстномъ съ китайскими войсками преслѣдованіи грабительскихъ шаекъ Ань-дин'цевъ и Цюй-сянь'цевъ; ему пожалована была награда и чиновное званіе, но оффиціально онъ всетаки считался принадлежащимъ къ Хань-дун'скому военному поселенію. Родъ его и образовалъ общину носившую названіе Хань-дун'скаго лѣваго крыла; китайское правительство признало ея существованіе лишь гораздо позже, а именно во время правленія Чэнъ-хуа (成化) (1465 — 1488 гг.). Между тѣмъ, постоянное усиленіе Бань-ма-сы-цзѣ начинало сильно безпокоить начальника Ша-чжоу'скаго, Кунь-цзи-лай'я (困即來), который обратился къ императору съ просьбою убрать изъ его земель

непрошеннаго гостя. Былъ изданъ указъ въ этомъ смыслѣ, но Бань-ма-сы-цзѣ не спѣшилъ исполнять его и оставался на своемъ новомъ кочевьѣ. Область Ша-чжоу вообще и, главнымъ образомъ, та часть ея, которая была занята пришлыми Хань-дун'цами служила притономъ всѣхъ недовольныхъ элементовъ изъ сосѣднихъ округовъ. Въ 1440 году сюда явился искать защиты у Бань-ма-сы-цзѣ одинъ изъ Чи-цзинь'скихъ владѣльцевъ, который спасался отъ преслѣдованія за убійство. Хань-дун'скій главарь пріютилъ его и даже покровительствовалъ проискамъ своего гостя, причемъ послалъ сына своего въ Тибетъ съ порученіемъ добыть оттуда какого-то яда, помощью котораго Чи-цзин'ецъ хотѣлъ извести своихъ враговъ. Провѣдавъ объ этихъ козняхъ, Чи-цзин'скій князь Цѣ-ванъ-ши-цзя (且旺失加) сдѣлалъ доносъ въ Пекинъ, откуда послѣдовало приказаніе Бань-ма-сы-цзѣ вести себя смирно и не затѣвать ссоръ съ сосѣдями. Постоянно усиливавшійся Хань-дун'ецъ обращалъ, однако, мало вниманія на повелѣнія Сына Неба и до такой степени притѣснялъ коренное населеніе Ша-чжоу, что часть послѣдняго, съ однимъ изъ своихъ начальниковъ, Нань-гэ (喃哥), во главѣ, испросило у императора разрѣшенія поселиться въ китайскихъ предѣлахъ. Этимъ переселенцамъ были отведены земли въ округѣ Гань-чжоу. По мѣрѣ усиленія «лѣваго крыла» Хань-дун'скаго племени, начальникъ его пересталъ враждебно относиться къ своимъ сородичамъ; онъ прекрасно сознавалъ свою силу и былъ убѣжденъ, что не можетъ быть болѣе рѣчи о возвращеніи его въ прежнее подчиненное положеніе. Напротивъ, ему прямо было выгодно соединиться со своими соотечественниками, что могло только увеличить его силу и значеніе. Изъ этого бѣглаго очерка можно заключить, что положеніе дѣлъ на крайней западной границѣ Китая представлялось въ слѣдующемъ видѣ: среди многихъ мелкихъ племенъ, жившихъ въ чрезвычайно враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и промышлявшихъ, главнымъ образомъ, разбоями и грабежами выдѣлялись Хань-дун'цы, къ которымъ, какъ къ сильнѣйшимъ, несомнѣнно тяготѣли всѣ сосѣднія мелкія народ-

ности. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого усиленія Хань-дун'скихъ князей явилось враждебное отношеніе между ними и находившимися подъ ихъ вліяніемъ племенами съ одной стороны, и княжествомъ Хами, имѣвшимъ также не малое политическое значеніе въ томъ же районѣ,—съ другой. Столкновеніе это было ускорено благодаря проискамъ ойратовъ, предводитель коихъ задался мыслію ослабить Хами и поторопился съ этою цѣлью заручиться дружбою Хань-дун'скаго владѣльца. Какъ ни велико было вліяніе китайскаго двора на племена, кочевавшія у сѣверо-западной границы Гань-су, но чрезвычайная близорукость политики его, а также какое-то непонятное небрежно-величественное обращеніе его съ этими племенами способствовали постепенному ослабленію среди нихъ обаянія могущества Сына Неба, чѣмъ и объясняется та легкость, съ которою, какъ мы увидимъ ниже, народности эти подпали подъ вліяніе ойратскаго Эсеня, когда послѣдній обратилъ свое вниманіе въ эту сторону.

Планъ Эсеня былъ построенъ обстоятельно и дальновидно:—онъ съумѣлъ все подготовить и только тогда началъ открыто враждебныя дѣйствія противъ Хами. Одновременно съ нимъ и, безъ всякаго сомнѣнія, по предварительному уговору съ ойратами, ополчились противъ того-же княжества, восточные сосѣди послѣдняго — Ша-чжоу'цы и Хань-дун'цы. Самъ Эсень произвелъ въ оазисѣ страшное опустошеніе, угнавъ массу плѣнныхъ и неисчислимое количество скота. Среди плѣнныхъ были, между прочимъ, уведены жена и мать князя; послѣдняя приходилась старшею сестрою ойратскаго предводителя. Только узнавъ объ этомъ нападеніи Эсеня, китайцы спохватились и, рѣшивъ стать открыто на сторону Хами, надѣялись помочь дѣлу своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ племенамъ жить въ дружбѣ съ Хами. Дабы не стать явнымъ ослушникомъ воли императора, Эсень отпустилъ захваченныхъ имъ въ плѣнъ мать и жену Дао-ва-да-ши-ли (хамійскаго князя), дальнѣйшее содержаніе коихъ было для него, впрочемъ, безполезнымъ, такъ какъ главною цѣлью ойратскаго владыки,

при захватѣ ихъ, было желаніе заставить князя явиться къ нему яко бы для свиданія съ матерью, а на самомъ дѣлѣ на поклонъ. Не смотря на неоднократныя требованія, ему не удалось, однако, склонить хамійскаго князя пріѣхать къ нему, такъ какъ Дао-ва-да-ши-ли опасался коварныхъ замысловъ Эсеня и боялся за свою жизнь. Въ 1445 году Эсень снова произвелъ нападеніе на оазисъ, опять захватилъ мать князя, жену его и младшаго брата, причемъ возобновилъ свои требованія, чтобы хамійскій владѣлецъ явился къ нему на поклонъ. На этотъ разъ, требованіе это было удовлетворено. Послѣ многократныхъ отговорокъ Дао-ва-да-ши-ли наконецъ рѣшился покориться желанію Эсеня, отправился къ нему и пробылъ въ ставкѣ ойратскаго владыки нѣсколько мѣсяцевъ. Вернувшись домой, коварный князь этотъ поспѣшилъ послать въ Пекинъ заявленіе о своей глубокой преданности, причемъ не постыдился присовокупить, что никогда онъ не осмѣлится поступить вопреки приказаніямъ Сына Неба и самовольно дружить съ ойратами. Нужно удивляться той невѣроятной небрежности, съ которою китайское правительство слѣдило за событіями, имѣвшими для него первостепенный интересъ. Въ отвѣтъ на лицемѣрныя вѣрноподданническія заявленія Дао-ва-да-ши-ли, ему изъ Пекина были посланы подарки съ выраженіемъ удовольствія, и только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ китайскій дворъ узналъ, что мнимый вѣрноподданный безцеремонно обманывалъ его [1]).

Глава V.

Продолженіе царствованія императора Чжэнъ-Тун'а (1445—1450 гг.)

Къ серединѣ сороковыхъ годовъ пятнадцатаго вѣка Эсеню удалось, какъ видимъ, добиться покорности Хами и большей части

1) М. Ш. отд. Ха-ми, цз. 329, 4 л.

племенъ, кочевавшихъ у сѣверо-западной границы провинціи Гань-су. Обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, тылъ, онъ могъ свободно приступить къ выполненію грандіознаго предпріятія, завѣщаннаго ему его покойнымъ отцомъ Тогономъ — похода на Китай. Во время борьбы съ Хами, Эсень счелъ необходимымъ заручиться дружбою непосредственныхъ сосѣдей этого княжества, причемъ даже породнился съ Ша-чжоу'скими и Хань-дун'скими монголами, которые оказались чрезвычайно вѣрными и преданными ему слугами. Зачисливъ многихъ изъ нихъ въ ряды своей арміи, онъ началъ производить свои нападенія съ восточной части сѣверной границы Китая. Здѣсь ему, прежде всего, пришлось придти въ столкновеніе съ урянхайцами, которые составляли населеніе трехъ сѣверо-восточныхъ (Вэй) военныхъ поселеній. Походы свои въ этомъ направленіи ойратскій владыка простиралъ даже до Кореи. Судя по общему ходу событій, представляется, однако, весьма сомнительнымъ, чтобы Эсень когда нибудь задавался серьезною мыслію о покореніи всей Кореи. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, лишь обезпечить себя съ этой стороны, для чего, конечно, достаточно было сдѣлать небольшую демонстрацію на корейской границѣ. Напугавъ урянхайцевъ своимъ грознымъ нашествіемъ Эсень показалъ имъ затѣмъ и милость свою, удостоивъ породниться съ однимъ изъ главарей ихъ, — онъ взялъ за себя дочь Тай-нин'скаго Чжо-чи (拙赤)[1].

Въ то время, когда ойраты собирались съ силами для того, чтобы сдѣлать рѣшительное нападеніе на Китай, особенно жутко пришлось именно этимъ урянхайцамъ. Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Китаемъ и потому невольно подчиняясь его вліянію, но подвергаясь, въ то же время, опасности нападенія со стороны ойратовъ, монголы эти, сообразуясь съ обстоятельствами, подчинялись попеременно то одному, то другому изъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, смотря потому у кого они могли найти, въ данный моментъ, наиболѣе дѣйствительную и на-

---

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9—10 л.

дежную опору. Съ самаго начала правленія Чжэнъ-тун'а, урянхайцы поставили себя враждебно по отношенію къ Китаю, производя частыя нападенія на Ляо-дунъ, Да-тунъ и Янь-ань. Набѣги эти были удачно отбиваемы китайскими войсками, причемъ начальнику гарнизона недавно построенной крѣпости Ду-ши-коу удалось захватить въ плѣнъ одного изъ ихъ предводителей, Долуань-Тэмура (朶欒). Укрываясь отъ преслѣдованій китайскихъ военачальниковъ, урянхайцы прибѣгли къ защитѣ ойратовъ. Съ этого времени, говоритъ авторъ Минъ-ши, они стали служить глазами и ушами Эсеня, и, вѣроятно по его наставленію, порѣшили, что несравненно удобнѣе грабить китайскія пограничныя области исподволь, помощью частыхъ неожиданныхъ разбойническихъ набѣговъ, чѣмъ сражаться съ ними въ открытомъ полѣ. Урянхайцы стали отправлять китайскому двору очень частыя посольства, члены коихъ постоянно мѣняли свои имена и взаимно употребляли печати другъ друга[1]). Такой ненормальный порядокъ вещей, долженъ былъ обратить на себя вниманіе пекинскаго правительства. Одинъ изъ пограничныхъ начальниковъ, Цзунъ-бинъ (總兵) Ванъ-хо (王彧), получилъ въ 1439 году изъ Пекина инструкцію относительно урегулированія дѣла о посольствахъ съ данью. Такія посольства должны были отнынѣ приходить лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ или же при неотложной надобности и должны были состоять изъ 3 — 5 человѣкъ. Для избѣжанія-же злоупотребленій относительно печатей и именъ князей и посланцевъ предписывалось составить реестръ всѣмъ главарямъ урянхайскимъ и присылку посольствъ съ данью разрѣшить лишь главнымъ изъ нихъ[2]).

Всѣ эти распоряженія, повидимому, ни къ чему не привели, и китайцы были вынуждены прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ. Въ 1444 году былъ снаряженъ отрядъ, которому поручено примѣрно наказать коварныхъ данниковъ. Главное на-

---

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10 л.
2) У. Б. Д. Ц. 1 цз., 8—9 л.

чальство надъ этой экспедиціею было поручено тому-же самому Чжу-юн'у, который незадолго передъ тѣмъ старался обратить вниманіе императора на быстрое усиленіе ойратовъ. Все войско было раздѣлено на четыре отряда по 10 тысячъ человѣкъ въ каждомъ. Урянхайцы повсемѣстно потерпѣли рѣшительныя пораженія, причемъ ойраты, на поддержку коихъ они имѣли право расчитывать; не только не оказали имъ никакой поддержки, а, напротивъ, сами-же напали на своихъ несчастныхъ союзниковъ [1]).

Очевидно, Эсень не слишкомъ довѣрялъ ихъ дружбѣ и поспѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, дабы окончательно ослабить ихъ и устранить, такимъ образомъ, всякую возможность осложненій въ случаѣ ихъ измѣны.

Предусмотрительно обезпечивъ себѣ безопасность съ тылу и фланговъ, ойратскій предводитель началъ приводить въ исполненіе свой грандіозный планъ похода на Китай. Несмотря на свою чрезмѣрную близорукость, пекинскій дворъ не могъ не сознавать опасности, грозившей ему отъ усиленія ойратовъ, а потому, со времени достиженія Эсенемъ верховной власти, считалъ необходимымъ поддерживать, въ качествѣ противовѣса ему, То-то-бу-хуа, считавшагося, какъ мы видѣли, номинально ханомъ. Ему посылались отъ китайскаго императора подарки наравнѣ съ Эсенемъ, причемъ на представляемыя имъ привѣтственныя грамоты, ему каждый разъ отправлялись отдѣльные отвѣты [2]). Расчетъ китайцевъ оказался вѣрнымъ: имъ удалось привлечь на свою сторону То-то-бу-хуа, который не стѣснялся открыто выказывать Эсеню свои симпатіи къ Пекину [3]). У нихъ происходили по этому поводу постоянныя пререканія, о чемъ въ Пекинѣ узнали со словъ перебѣжчика А-эрръ-гай-тай'я (阿兒陔台), укрывшагося въ китайскихъ предѣлахъ отъ гнѣва Эсеня [4]). Поддержка какъ нравственная, такъ и матерьальная,

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.
4) У. Б. Д. Ц, 5 цз., 27 л.

оказанная То-то-бу-хуа, была единственно разумною мѣрою китайскаго правительства среди цѣлаго ряда самыхъ непростительныхъ ошибокъ, но она не могла уже спасти имперію отъ неминуемой бѣды. Въ головѣ Эсеня уже окончательно созрѣлъ планъ кампаніи противъ Китая и, конечно не То-то-бу-хуа могъ противиться волѣ своего могущественнаго перваго министра.

Поведеніе Эсеня по отношенію къ китайскому двору никогда не отличалось особенной обходительностью, но въ прежнее время онъ соблюдалъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя формы приличія; такъ посланцы его приходили съ данью лишь въ опредѣленные сроки и число ихъ было ограничено 80 человѣками, теперь-же они стали являться цѣлыми полчищами, и численность ихъ доходила до 2.000 и болѣе человѣкъ. На всѣ увѣщанія пекинскаго двора Эсень не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и къ щедрымъ подаркамъ, жалуемымъ ему императоромъ, присоединялъ еще добычу, которую безцеремонно грабили по дорогѣ его посланцы. Правители сѣверныхъ и западныхъ областей Китая, видя побѣдоносную расправу Эсеня съ сосѣдями, не могли не предугадывать его намѣреній и часто посылали по этому предмету доклады въ Пекинъ, но императоръ, съ невозмутимою безпечностью, оставлялъ всѣ эти донесенія безъ всякаго вниманія, предписывая лишь своимъ пограничнымъ начальникамъ держать себя осторожно, выжидать и наблюдать. Дерзость и притязательность Эсеня, между тѣмъ росла быстро. Нуждаясь при своихъ постоянныхъ перекочевкахъ въ запасномъ провіантѣ, онъ послалъ требованіе о присылкѣ его пограничнымъ китайскимъ властямъ. Не давая разрѣшенія удовлетворить эту претензію, императоръ предписалъ, однако, Сюань-фу'скому пограничному начальнику поступить съ посланцами Эсеня милостиво и даже одарить ихъ. Намѣренія Эсеня произвести серьезный набѣгъ дѣлались все болѣе явными. Въ 1448 году къ китайскимъ пограничнымъ начальникамъ явились перебѣжчики съ извѣстіемъ, что ойратскій владыка уже давно собирается произвести большое вторженіе; задерживалъ Эсеня, по ихъ словамъ, То-то-бу-хуа,

но онъ его не слушаетъ и собираетъ вокругъ себя всѣ подчиненныя ему племена. Въ Пекинѣ, наконецъ, всполошились, и къ Эсеню посланъ былъ запросъ съ тѣмъ, чтобы провѣрить эти слухи. Повелитель ойратовъ не счелъ, однако, нужнымъ удостоить отвѣтомъ китайскій дворъ [1]). У него все уже было готово для нападенія, и онъ ждалъ лишь предлога для того, чтобы начать военныя дѣйствія. Предлогъ этотъ не замедлилъ представиться. Въ 1448 году явилось въ Пекинъ ойратскихъ посланцевъ больше, чѣмъ приходило обыкновенно за послѣдніе годы, а именно число ихъ достигло 3.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ представленной ими грамотѣ, они, съ цѣлью увеличить количество отпускаемаго имъ жалованья, заявляли, что пришло ихъ еще гораздо больше. Китайское министерство церемоній, завѣдывавшее пріемами посольствъ, рѣшительно отказалось выдать имъ жалованье по этому произвольно заявленному числу и уплатило таковое лишь дѣйствительно пришедшимъ посланцамъ, что составляло едва пятую часть затребованнаго ими. Эсень страшно разгнѣвался и осенью 1449 года началъ свой походъ, окончившійся удачнѣе, чѣмъ онъ самъ предполагалъ.

При осуществленіи давно задуманнаго имъ плана, повелителю ойратовъ пришлось, прежде всего, имѣть дѣло съ То-то-бу-хуа, который, подкупленный китайскими милостями, выражалъ нежеланіе подняться противъ своихъ благодѣтелей. Останавливая Эсеня, онъ говорилъ: «все — наши одежда и пища даны намъ великими минц'ами, какъ-же можно выказать имъ такую черную неблагодарность?» Увѣщанія То-то-бу-хуа оказались, однако, тщетными. «Если хаганъ не хочетъ принять участія въ походѣ, то я начну его одинъ», отвѣчалъ ойратскій владыка и продолжалъ свои приготовленія. То-то-бу-хуа былъ, такимъ образомъ, насильно принужденъ принять личное участіе въ этомъ походѣ, и ему было поручено нападеніе на Ляо-дунъ [2]), вмѣстѣ съ урянхайцами [3]).

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 3 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.
3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10 л.

Противъ Сюань-хуа-фу направленъ былъ А-ла-чжи-юань (阿剌知院), и корпусъ его осадилъ городъ Чи-чэнъ. Снаряженъ былъ также особый отрядъ, которому поручено было сдѣлать диверсію на сѣверо-западной границѣ Китая, въ области Гань-чжоу-фу [1]). Самъ Эсень двинулся противъ Да-тун'а [2]). Можно себѣ представить, какой переполохъ произвелъ этотъ походъ въ Пекинѣ, гдѣ до самаго послѣдняго времени не хотѣли вѣрить въ серьезность намѣреній ойратскаго владыки и не обращали никакого вниманія на представленія пограничныхъ начальниковъ. Наскоро собрано было полумилліонное войско, которое и двинулось противъ быстро наступавшихъ ойратовъ. Всесильный въ то время при дворѣ евнухъ Ванъ-чжэнъ (王振) убѣдилъ императора въ необходимости для него лично двинуться въ походъ. Несмотря на увѣщанія прочихъ сановниковъ, императоръ всетаки поступилъ согласно желаніямъ своего любимца. Армія двинулась на сѣверо-западъ. По дорогѣ постоянно получались сообщенія о пораженіяхъ, понесенныхъ пограничными начальниками въ стычкахъ съ ойратами. Кромѣ того, обращенъ былъ въ бѣгство и авангардъ главныхъ силъ, выступившихъ противъ непріятеля. Одинъ изъ китайскихъ генераловъ, Ши-хэнъ (石亨) [3]), сразился съ ойратами при Янъ-хэ (陽和) [4]) и бѣжалъ въ Пекинъ [5]). Главною причиною этихъ неудачъ являлось то обстоятельство, что въ китайской арміи, наряду съ главнокомандующимъ военнымъ, назначаемы были въ качествѣ наблюдателей за ходомъ военныхъ дѣлъ еще евнухи. Неизбѣжными послѣдствіями такого порядка являлись общая неурядица и отсутствіе всякой дисциплины. Кромѣ того, евнухи, неимѣвшіе, конечно, ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ, не позаботились своевременно о заго-

---

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 4 л.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Янъ-хэ лежало въ нынѣшнемъ уѣздѣ Янъ-гао-сянь (陽高), обл. Да-тунъ-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

5) М. Ш. біогр. Ши-хэн'а, 173 цз., 8 л.

товкѣ провіанта, и войска начали жестоко страдать отъ голода подъ самыми стѣнами Пекина, не успѣвъ даже удалиться отъ столицы на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Ко всѣмъ прочимъ невзгодамъ, постигшимъ несчастныхъ китайцевъ, присоединилась еще страшная непогода, дождь и вѣтеръ, увеличившіе безпорядокъ и неурядицу въ далеко нестройныхъ рядахъ арміи. Такимъ образомъ, императоръ, двинувшійся противъ самаго Эсеня подступилъ къ Да-тунъ-фу, къ которому, съ противуположной стороны, быстро приближались ойраты. Испугавшись своей собственной неосмотрительности, евнухи Ванъ-чжэнъ и Го-цзинь (郭敬), находившіеся во главѣ арміи, рѣшили повернуть назадъ. Это отступленіе, очень походившее на позорное бѣгство, придало, конечно, бодрости Эсеню, который иначе врядъ-ли рѣшился бы вступить въ открытый бой съ внушительной арміею китайцевъ. Ойраты преслѣдовали императорскую армію по пятамъ, и во время этого поспѣшнаго отступленія отдѣльнымъ аррьергарднымъ отрядамъ пришлось очень плохо; такъ, между прочимъ, погибли У-кэ-чжунъ (吳克忠) и Чжу-юнъ, сразившіеся съ ойратами во главѣ сорокатысячнаго отряда, который былъ совершенно истребленъ непріятелемъ въ мѣстности Яо-эрръ-линъ (鷂兒嶺). Видя что положеніе становится критическимъ, всѣ компетентные начальники арміи, дойдя до Ту-му (土木)[1], требовали, чтобы войска укрылись за укрѣпленіями города Хуай-лай (懷來)[2]. Евнухъ Ванъ-чжэнъ опасался, однако, за цѣлость обоза и, кромѣ того, ему непремѣнно хотѣлось, чтобы императоръ, по дорогѣ въ Пекинъ, заѣхалъ въ гости къ его брату.

Видимъ изъ этого мѣста, какъ далеки были Сынъ Неба и его приближенные отъ сознанія крайней опасности своего положенія. Узнавъ чрезъ развѣдчиковъ о разстроенномъ состояніи китайской арміи, Эсень рѣшилъ дать генеральное сраженіе. Измученные,

1) Ту-му находится къ ю-з. отъ Хуай-лай-сян'я, см. карту Ц. Б. Ю. Т.
2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 4 л.

голодные китайскіе солдаты, не выдержавъ перваго натиска, тотчасъ-же побросали оружіе и бѣжали отъ нападавшаго непріятеля, почти безъ всякаго сопротивленія, чѣмъ удивили самого Эсеня, котораго еще болѣе поразило извѣстіе, что среди плѣнныхъ находится самъ императоръ. Несмотря на совѣты нѣкоторыхъ приближенныхъ, онъ не рѣшился покончить со своимъ царственнымъ плѣнникомъ и передалъ его на попеченіе одного изъ своихъ военачальниковъ, Бо-янь-Тэмура (伯顏), которому приказано было обращаться съ нимъ почтительно. Историкъ Минъ-ши желаетъ, по весьма естественнымъ побужденіямъ, придать чудесную окраску разсказу о захватѣ въ плѣнъ Инъ-цзун'а и объ обращеніи съ нимъ Эсеня. Онъ говоритъ, между прочимъ, что, когда ойратскій владыка, сталъ питать худые замыслы противъ Сына Неба, то громъ убилъ коня, на которомъ онъ сидѣлъ и, кромѣ того, шатеръ, гдѣ пребывалъ императоръ, былъ окруженъ какимъ-то чуднымъ сіяніемъ. Всѣ эти чудесныя знаменья заставили Эсеня задуматься и оставить свое преступное намѣреніе[1]).

Неожиданный захватъ императора поставилъ, повидимому, самихъ ойратовъ въ самое затруднительное положеніе, — Эсень просто не зналъ, что дѣлать со своимъ высокимъ плѣнникомъ. Не ожидая одержать столь блистательную побѣду, онъ вмѣсто того чтобы идти прямо на столицу, которая совершенно не была приготовлена къ оборонѣ, тронулся на сѣверъ и подошелъ къ Датунъ-фу. Приблизившись къ городу, Эсень отправилъ къ властямъ его посланца съ требованіемъ денегъ. Засѣвшій въ Датун'ѣ военачальникъ Го-дэнъ (郭登) велѣлъ посланному перелѣзть чрезъ стѣну по лѣстницѣ, не рѣшаясь открыть городскія ворота. Пребывавшіе въ глубокой скорби городскіе чиновники передали ойратскому посланцу двадцать слишкомъ тысячъ ланъ серебра, которые предназначались для врученія императору. Видя своего государя въ столь печальномъ положеніи, Го-дэнъ не вы-

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.

держалъ и рѣшился даже сдѣлать безполезную попытку освободить его изъ плѣна. Окончилась она, конечно, полною неудачею [1]). Отъ Да-тун'а Эсень двинулся на сѣверъ. Узнавъ между тѣмъ, что въ Пекинѣ уже успѣли поставить на царство новаго императора, брата плѣннаго Инъ-цзун'а, ойратскій предводитель встревожился, опасаясь, что, съ утвержденіемъ новаго императора, плѣнникъ его утратитъ всякую цѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ теперь только замѣтилъ, что сдѣлалъ непростительную ошибку, не рѣшившись начать походъ на столицу непосредственно послѣ Ту-му'ской катастрофы. Несмотря на зимнее время, онъ немедленно-же снова повернулъ къ Пекину, заявляя повсюду, что имѣетъ намѣреніе возвратить плѣннаго императора. Съ чрезвычайной быстротой направились ойратскія полчища на югъ къ Да-тун'у и Янъ-хэ и, пройдя чрезъ Цзы-цзинъ-гуань'скій проходъ, появились у стѣнъ Пекина [2]).

Между тѣмъ въ столицѣ происходили страшныя смуты, переполненныя самыми трагическими эпизодами. Подробное описаніе этихъ безпорядковъ не можетъ входить въ предметъ настоящаго изложенія. P. de Mailla даетъ намъ очень полную картину хаотическаго положенія дѣлъ въ столицѣ [3]). Достаточно сказать, что невообразимая паника царила въ Пекинѣ, — и въ государственномъ совѣтѣ, созванномъ тотчасъ-же по полученіи извѣстія о плѣненіи императора, раздавались голоса за перенесеніе столицы на югъ. Военный министръ Юй-цянь (于謙) положилъ конецъ этимъ трусливымъ предложеніямъ. Въ энергической рѣчи, сказанной въ отвѣтъ на выраженное нѣсколькими сановниками мнѣніе о необходимости покинуть Пекинъ, онъ рельефно обрисовалъ все безуміе такого предложенія, говоря, что столица есть основа государства и что съ утратою ея предстоитъ опасность потерять и всю имперію. Возведенный на престолъ братъ плѣннаго

---

1) М. Ш. біогр. Го-дэн'а, 173 цз., 12 л.
2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.
3) См. Histoire générale de la Chine т. X, стр. 213—214.

Инъ-цзун'а поручилъ Юй-цян'ю охраненіе столицы, и дѣятельный министръ тотчасъ-же принялся водворять въ войскахъ строжайшую дисциплину.

Между тѣмъ, ойраты, осадившіе сѣверную часть Пекина, сильно разочаровались, когда увидѣли, что, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, столичный гарнизонъ приготовился оказать имъ сильное сопротивленіе. Эсень расчитывалъ, что ему удастся овладѣть Пекиномъ чуть-ли не въ одни сутки, и теперь не зналъ, что̀ предпринять. Нашелся совѣтникъ въ лицѣ перебѣжавшаго къ ойратамъ китайца Си-нин'а (喜寧). Онъ подговорилъ своего патрона потребовать у столичныхъ сановниковъ сто милліоновъ ланъ въ видѣ выкупа за императора и вызвать для переговоровъ, по этому предмету, изъ города важнѣйшихъ министровъ. Въ удовлетвореніи этого требованія ойратамъ было отказано. Видя, что одни переговоры ни къ чему не поведутъ, Эсень началъ наступать на городъ, но потерпѣлъ пораженіе въ стычкахъ съ китайскими отрядами, произведшими удачныя вылазки. Такіе стычки повторялись неоднократно въ теченіи пяти дней, но ойраты, не имѣли никакого положительнаго успѣха и, слыша, что къ Пекину приближается большое вспомогательное войско, вызванное изъ восточныхъ и южныхъ областей, рѣшили отступить [1]). Китайцы преслѣдовали непріятеля до пограничныхъ карауловъ, но держались, повидимому, при этомъ на почтительномъ разстояніи, такъ что Эсень пошелъ не кратчайшей дорогой на сѣверъ, а тѣмъ-же путемъ, которымъ наступалъ, а именно на Цзы-цзинъ-гуань. При этомъ онъ разгромилъ Лянъ-сянъ (良鄉) [2]). Нужно предполагать, что неудачу свою ойратскій завоеватель хотѣлъ выместить на своемъ плѣнникѣ. Считаю это вѣроятнымъ потому, что, разсказавъ объ отступленіи Эсеня, историкъ Минъ-ши считаетъ необходимымъ повторить свое заявленіе, что ойраты обращались съ плѣннымъ императоромъ чрезвычайно предупредительно и въ

1) М. Ш. біогр. Юй-цян'я, 170 цз., 5 л.

2) Небольшой городокъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Пекина.

высшей степени почтительно. Наряду съ этимъ онъ замѣчаетъ, что каждый разъ какъ Эсень взглядывалъ на шатеръ Сына Неба, ему представлялось, что надъ нимъ блещетъ какое-то сіяніе, какъ будто витаетъ чудесный драконъ. Можно заключить поэтому, что владыка ойратовъ еще не разъ имѣлъ намѣреніе покончить со своимъ высокимъ плѣнникомъ. Упоминается также, что Эсень имѣлъ намѣреніе женить Сына Неба на своей сестрѣ [1]). Это извѣстіе даетъ поводъ думать, что сообщаемое въ Алтанъ-Тобчи [2]) свѣдѣніе, будто императоръ дѣйствительно былъ женатъ на монголкѣ, отъ которой даже имѣлъ сына, не лишено основанія.

Глава VI.

Царствованіе императора Цзинъ-тай'я (景泰) (1450—1457 гг.).

Въ Пекинѣ уже начинали, повидимому, привыкать къ новому порядку вещей. Братъ Инъ-цзун'а, Чэнъ-ванъ (郕王), окончательно утвердился на престолѣ и далъ годамъ своего правленія названіе Цзинъ-тай, плѣннаго-же императора онъ сталъ величать Тай-шанъ-хуан'омъ (太上皇), каковой титулъ обыкновенно присвояется въ Китаѣ правителямъ, удалившимся отъ дѣлъ на покой. Эсень, между тѣмъ, положительно тяготился своимъ плѣнникомъ и сталъ зондировать почву, дабы узнать, нельзя-ли придти, по предмету о выдачѣ его, къ какому-либо мирному соглашенію съ пекинскимъ дворомъ. Въ 1450 году Да-тун'скій пограничный начальникъ донесъ, что къ нему явились отъ ойратовъ трое посланцевъ, которые передали желаніе Эсеня заключить мирный договоръ и просили о присылкѣ для этой цѣли китайскихъ чиновниковъ. Противъ командированія такихъ людей

---

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.
2) Алтанъ-Тобчи, стр. 80 (Монг. текста).

горячо возсталъ стоявшій у кормила правленія военный министръ Юй-цянь. Выставляя на видъ все зло, причиненное имперіи ойратами, онъ говорилъ, что глава ихъ, Эсень, сдѣлался смертельнымъ врагомъ Китая, и заключеніе съ нимъ договора ничего кромѣ униженія и убытковъ принести имперіи не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, живя въ мирѣ съ Китаемъ, Эсень будетъ непремѣнно предъявлять пекинскому двору требованія, исполненіе коихъ можетъ въ конецъ разстроить финансы имперіи, неудовлетвореніе-же ихъ неизбѣжно повлечетъ за собою неудовольствія и новыя войны. Въ виду всего этого, Юй-цянь называлъ трусами тѣхъ, кто осмѣливается предлагать миръ съ Эсенемъ и энергично совѣтовалъ не входить съ нимъ ни въ какія соглашенія [1]).

Между тѣмъ ойраты снова начали движеніе на Китай, но дошли только до Да-тун'а, гдѣ Эсень вступилъ въ переговоры съ начальникомъ этого города, Го-дэн'омъ, о возвращеніи императора. Го-дэнъ отвѣтилъ на это предложеніе повтореніемъ своей недавней попытки силою освободить Инъ-цзун'а, что ему, однако, опять не удалось. Въ виду неудачи переговоровъ, Эсень снова ушелъ на сѣверъ, не осмѣливаясь на этотъ разъ двигаться далѣе на Пекинъ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, было сосредоточено не малое количество войска. Видя нерѣшительность ойратовъ и подъ вліяніемъ неоднократно понесенныхъ ими неудачъ, двое союзниковъ Эсеня, То-то-бу-хуа и А-ла-чжи-юань, изъ коихъ послѣдній успѣлъ, между тѣмъ, произвести самостоятельный набѣгъ на провинціи Шэнъ-си и Гань-су [2]), вступили въ переговоры съ китайцами, причемъ самымъ категорическимъ образомъ заявляли о своемъ нежеланіи дѣйствовать далѣе заодно съ ойратами [3]).

Юй-цянь продолжалъ, между тѣмъ, распоряжаться энергически. По его приказанію, пограничнымъ военачальникамъ удалось хитростью заманить и казнить передавшагося на сторону

1) М. Ш. біогр. Юй-цян'я, 170 цз., 5 л.
2) М. Ш. Бэнь-цзи, 11 цз., 4 л.
3) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.

Эсеня евнуха Си-нин'а, много помогавшаго ойратскому предводителю своими совѣтами. Онъ-же, кромѣ того, приставилъ къ Эсеню шпіона въ лицѣ бывшаго въ плѣну у китайцевъ монгола Ба-ба-тай'я. Благодаря всѣмъ этимъ цѣлесообразнымъ и разумнымъ мѣрамъ, дѣятельному министру удалось добиться того, что Эсень, которому, безъ сомнѣнія, сильно надоѣли коварство и интриги китайцевъ, самъ пожелалъ, во что бы-то ни стало, развязаться съ своимъ царственнымъ плѣнникомъ. Въ Пекинъ явился отъ владыки ойратовъ посланецъ съ предложеніемъ возвратить плѣннаго императора и заключить прочный миръ. Когда созванъ былъ совѣтъ для обсужденія вопроса о томъ, какія мѣры слѣдуетъ предпринять для возвращенія плѣннаго Инъ-цзун'а, новый императоръ упрекалъ своихъ министровъ, что они заставили его, вопреки его желанію, принять бразды правленія, а теперь хотятъ возвратить плѣннаго Тай-шанъ-хуан'а, и, слѣдовательно, лишить его престола. Наступило неловкое молчаніе, но Юй-цянь, нисколько не смущаясь, замѣтилъ, что, разъ престолъ утвержденъ за однимъ лицомъ, то измѣнить ничего нельзя; если-же возвращенный изъ плѣна императоръ будетъ питать какія нибудь честолюбивыя намѣренія, то съ нимъ можно будетъ и не согласиться. Успокоенный этими завѣреніями Юй-цян'я императоръ утвердилъ мнѣніе своихъ министровъ о необходимости вернуть плѣннаго Инъ-цзун'а [1]). Къ ойратамъ командированъ былъ Ши-ланъ (侍郎) (чиновн. званіе) Ли-ши (李宝) въ сопровожденіи Ло-ци (羅綺) и Ма-чжэн'а (馬政); посольству этому поручено было разузнать обстоятельно, можно-ли дѣйствительно расчитывать на готовность Эсеня возвратить плѣннаго императора. Въ свойственномъ китайскимъ исторіямъ высокомѣрномъ тонѣ Минъ-ши повѣствуетъ, что означенные посланцы были отправлены къ Эсеню, дабы сообщить ему императорскій указъ, повелѣвающій ойратскому владыкѣ отпустить плѣннаго Тай-шанъ-хуан'а, и усовѣщевать его исполнить повелѣніе Сына Неба.

1) М. Ш. біогр. Юй-цян'я, 170 цз., 6 л.

Собранныя посланцами свѣдѣнія оказались удовлетворительными, и, видя, что китайцы сами дѣлаютъ авансы, Эсень поспѣшилъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, и еще во время пребыванія у него Ли-ши, командировалъ къ китайскому двору нѣкоего Пи-эрръ-ма-хѣй-ма (皮兒馬黑麻), съ предложеніемъ немедленно-же отправить сановниковъ постарше для встрѣчи и сопровожденія обратно въ столицу императора. Въ Пекинѣ рѣшено было обождать возвращенія Ли-ши, по пріѣздѣ коего и снаряжено было посольство къ Эсеню[1]).

Во всѣхъ обстоятельствахъ дѣла объ освобожденіи плѣннаго императора, братъ его выказалъ упорное нежеланіе принять какія-либо серьезныя и дѣйствительныя мѣры къ возвращенію въ столицу своего несчастнаго предшественника. Ему пришлось уступить лишь настояніямъ всѣхъ цензоровъ и многихъ другихъ весьма вліятельныхъ чиновниковъ. Всѣ эти колебанія императора живо описаны въ біографіи одного изъ ближайшихъ придворныхъ совѣтниковъ, Ванъ-чжи (王直)[2]).

Во главѣ посольства, отправленъ былъ Ду-юй-ши (старшій цензоръ) Янъ-шань (楊善), извѣстный своею преданностью Инъ-цзун'у. Въ помощь ему былъ данъ Ши-ланъ Чжао-жунъ (趙榮) и довольно значительная свита, состоявшая изъ военныхъ чиновниковъ разныхъ ранговъ.

По истинѣ, только сознаніе долга и безграничная преданность къ бывшему повелителю могла понудить Янъ-шан'я взяться за столь щекотливое и неблагодарное порученіе въ той обстановкѣ, при которой ему пришлось дѣйствовать. Еще до отъѣзда его изъ столицы, нѣкоторые изъ цензоровъ, а также и другіе чиновники представляли доклады, въ которыхъ говорили о необходимости отправить Инъ-цзун'у какіе нибудь подарки въ видѣ привѣтствія; указывали также, что императоръ уже давно находится въ плѣну, успѣлъ уже, вѣроятно, пообноситься, и что ему недурно было-

---

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.
2) М. Ш. біогр. Ванъ-чжи, 169 цз., 6—7 лл.

бы послать одеждъ. На эти представленія не было, однако, обращено никакого вниманія, и Янъ-шан'я не снабдили даже средствами для покупки подарковъ, поднесеніе которыхъ такъ необходимо на востокѣ; — послу пришлось пріобрѣтать таковые на собственный счетъ. По прибытіи Янъ-шан'я въ ойратскій лагерь, Эсень приставилъ къ нему особаго чиновника, съ которымъ хитрый китаецъ и постарался сблизиться. За разговоромъ, происходившимъ за чаркою вина, ойратъ выразилъ Янъ-шан'ю свое удивленіе, какъ это китайскія войска оказали столь слабое сопротивленіе во время сраженія при Ту-му. Посолъ отвѣчалъ на это цѣлой тирадой: «Какъ разъ въ это время», сказалъ онъ, «отборныя войска наши находились на югѣ; кромѣ того, всѣми дѣлами заправлялъ евнухъ Ванъ-чжэнъ, думавшій болѣе объ угощеніи императора, нежели о военныхъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе чего нарушена была дисциплина, и вамъ удалось одержать побѣду. Нынѣ-же всѣ войска, бывшія на югѣ, возвратились въ столицу и, сверхъ того, образована цѣлая армія изъ наемныхъ солдатъ, которые обучены стрѣльбѣ отравленными стрѣлами, бьющими наповалъ людей и лошадей на разстояніи ста шаговъ. Войска снабжены еще особыми приспособленіями спеціально для умерщвленія лошадей; кромѣ того, всюду разставлены засады, откуда неожиданно выскакиваютъ люди съ обезьяньей скоростью». Слова эти произвели должное впечатлѣніе на наивнаго собесѣдника Янъ-шан'я, но послѣдній поспѣшилъ прибавить съ невозмутимою серьезностью: «жаль, однако, что все это намъ придется оставить безъ употребленія, такъ какъ теперь мы заключимъ миръ и будемъ жить какъ друзья и братья». На другой день, Янъ-шань не преминулъ отправить своему собесѣднику подарки, которымъ тотъ чрезвычайно обрадовался и передалъ Эсеню полностью свой разговоръ съ китайскимъ посломъ. Не поскупился Янъ-шань на подарки и самому ойратскому владыкѣ. Улучивъ удобную минуту, китайскій посолъ началъ съ Эсенемъ разговоръ по поводу возложеннаго на него порученія, причемъ съ истинно китайскою хитростью завелъ бесѣду очень издалека: «когда Тай-

шанъ-хуанъ сидѣлъ еще на престолѣ, то вы, Тай-ши, посылали по два раза въ годъ посольства съ данью; число посланцевъ вашихъ доходило до трехъ тысячъ человѣкъ, и всѣ они были награждаемы несмѣтнымъ количествомъ золота и шелковыхъ матерій; какимъ-же образомъ могли вы выказать столь черную неблагодарность?!». Эсень на это отвѣтилъ: «Зачѣмъ же вы уменьшили цѣны на лошадей и зачѣмъ часто отпускали негодный порченый шелкъ. Кромѣ того, многіе изъ моихъ посланцевъ пропадали безъ вѣсти и вовсе не возвращались домой и вы ежегодно уменьшали отпускаемыя имъ награды». Находчивый Янь-шань, выслушавъ безъ смущенія всѣ эти упреки Эсеня, тотчасъ же возразилъ ему: «не мы виноваты въ томъ, что приходилось давать вамъ менѣе, чѣмъ слѣдовало за лошадей, а вы-же сами, такъ какъ, съ каждымъ годомъ вы приводили ихъ все больше и больше. Мы не желали отклонять вашихъ приношеній, но не имѣли возможности уплачивать за все полностью, а потому поневолѣ должны были уменьшить цѣну. Что-же касается того, что вамъ часто отпускали порченый шелкъ, то въ этомъ виноваты казенные поставщики, и когда злоупотребленіе это обнаруживалось, то ихъ казнили. Вѣдь нельзя-же винить васъ самихъ, Тай-ши, если, иногда, среди поставляемыхъ вами лошадей попадали никуда не годныя клячи. Относительно того, что многіе изъ посланцевъ вашихъ не возвращались домой, можно сказать, что они приходили часто въ количествѣ трехъ-четырехъ тысячъ, и среди нихъ было, конечно, не мало воровъ и разбойниковъ, которые, совершивъ въ пути какое нибудь преступленіе, естественно боялись возвращаться домой; зачѣмъ-же намъ задерживать ихъ? Что-же касается до малаго награжденія вашихъ посланцевъ, то, за послѣднее время, у васъ вошло въ обычай помѣчать въ представляемыхъ спискахъ гораздо больше людей, чѣмъ сколько приходило на самомъ дѣлѣ. Правительство наше считало необходимымъ, въ виду этого, производить повѣрку людей и выдавало жалованіе согласно дѣйствительному, а не фиктивному числу пришедшихъ. Такой образъ дѣйствій съ нашей стороны никакъ

нельзя назвать уменьшеніемъ жалованья». Этой тирадой ловкій китаецъ, очевидно, заговорилъ бѣднаго Эсеня, не привыкшаго, повидимому, выслушивать столь длинныя рѣчи. Грозный владыка ойратовъ все время сидѣлъ молча и только поддакивалъ Янъ-шан'ю. Пользуясь этимъ, посолъ продолжалъ уже гораздо смѣлѣе: «Вы, Тай-ши, два раза вторгались въ наши предѣлы, причемъ погубили многія сотни тысячъ какъ нашихъ, такъ и своихъ подданныхъ. Небо даруетъ жизнь, а вы, Тай-ши, отнимаете ее; вотъ почему въ вашей странѣ часто случаются бури и непогоды. Въ настоящее время вы выражаете желаніе вернуть плѣннаго императора и заключить съ нами мирный договоръ. Тогда, подобно тому какъ было встарину, мы будемъ вамъ жаловать шелка и золото, и въ государствахъ нашихъ будутъ царить веселье и радость».

Мы уже видѣли, что императоръ Цзинъ-тай, хотя и призналъ необходимымъ отправить къ Эсеню посольство для переговоровъ о выдачѣ своего плѣннаго брата, однако, согласіе на такой шагъ дано имъ было очень неохотно, и въ грамотѣ, которою снабдили Янъ-шан'я, даже вовсе не упоминалось о возвратѣ плѣннаго Инъ-цзун'а. Пропуска этого не могъ не замѣтить Эсень и сдѣлалъ, по этому предмету, запросъ китайскому послу. Послѣднему приходилось теперь вилять между двухъ огней, — не скомпрометировать своего правительства и дать, въ то-же время, удовлетворительное объясненіе на вопросъ. Китайскій дипломатъ блестящимъ образомъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія. «Сдѣланъ этотъ пропускъ», отвѣтилъ Эсеню Янъ-шань, «умышленно съ тѣмъ, чтобы больше прославить имя ваше, Тай-ши. Если-бы въ грамотѣ, присланной вамъ, упоминалось объ отпускѣ Тай-шанъ-хуан'а, то это имѣло бы видъ, будто васъ насильно заставляютъ вернуть вашего царственнаго плѣнника; теперь-же выходитъ, что вы дѣлаете это по собственной иниціативѣ, безъ всякаго побужденія извнѣ». Такія рѣчи не могли не понравиться падкому до лести Эсеню, но онъ всетаки спросилъ: «А будетъ-ли Тай-шанъ-хуанъ, по возвращеніи въ Пекинъ, снова возведенъ

на престолъ». На это пришлось отвѣтить прямо, что престолъ уже утвержденъ за новымъ лицомъ, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть сдѣлано никакихъ перемѣнъ. Тутъ вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ присутствовавшихъ приближенныхъ Эсеня. Онъ сразу поставилъ дѣло на болѣе реальную почву и спросилъ Янъ-шан'я, почему онъ не захватилъ съ собою никакихъ драгоцѣнностей для выкупа императора. Ловкій китаецъ и тутъ нашелся: — «если-бы я», возразилъ онъ, «привезъ съ собою выкупъ, то всѣ могли-бы подумать, что Тай-ши одержимъ жаждою къ наживѣ; теперь-же, когда я прибылъ сюда съ пустыми руками, для всѣхъ будутъ очевидны добродѣтель и благородныя чувства Тай-ши; фактъ этотъ запишется въ исторію и имя Тай-ши прославится на десятки тысячъ лѣтъ». Эти льстивыя рѣчи Янъ-шан'я окончательно побѣдили Эсеня, и онъ рѣшилъ отпустить съ римъ плѣннаго императора, несмотря на представленія нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые совѣтовали требовать отъ китайскаго двора, чтобы императоръ Инъ-цзунъ былъ вполнѣ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ [1]).

Окончательно рѣшивъ отпустить императора съ Янъ-шан'емъ, Эсѐнь устроилъ въ честь своего плѣнника угощеніе. Самъ повелитель ойратовъ сидѣлъ на полу и игралъ на четырехъ-струнной гитарѣ, а его жены и наложницы подносили гостямъ вино. Во время пиршества, Эсень пригласилъ Янъ-шан'я сѣсть, но тотъ ни за что не хотѣлъ выказать такую непочтительность по отношенію къ своему повелителю, чѣмъ возбудилъ удивленіе въ простодушномъ кочевникѣ. Послѣ этого угощенія, Бо-янь-Тэмуръ и нѣкоторые другіе изъ ойратскихъ вельможъ также устроивали въ честь Инъ-цзун'а прощальные пиры. По окончаніи этихъ празднествъ, Эсень приказалъ возвести небольшую землянную насыпь, на которую усадилъ Шанъ-хуан'а (т. е. плѣннаго императора), а самъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и родичами совершилъ предъ нимъ поклоненіе и сдѣлалъ приличное подношеніе, состоявшее

---

1) М. Ш. біогр. Янъ-шан'я, 171 цз., 11—13 лл.

преимущественно изъ съѣстныхъ припасовъ. Когда Инъ-цзунъ пустился въ путь, то Эсень провожалъ его на разстояніи полудня пути. Описывая эти событія, китайскій историкъ не могъ, конечно, обойтись безъ преувеличенія: онъ увѣряетъ, между прочимъ, что провожавшіе Инъ-цзун'а ойраты съ владыкою ихъ во главѣ, распростерлись на землѣ и громко плакали причитая: «императоръ уѣхалъ, когда-то намъ снова удастся увидѣть его». Вмѣстѣ съ Инъ-цзун'омъ отправлены были въ Пекинъ на поклонъ семьдесятъ ойратскихъ главарей [1]).

Разговоръ Эсеня съ Янъ-шан'емъ и вообще всѣ эпизоды сопровождавшія паломничество китайскаго цензора къ ойратамъ, переданные мною in extenso и почти въ буквальномъ переводѣ текста Минъ-ши, представляютъ, по моему мнѣнію, значительный интересъ потому, что они въ самыхъ яркихъ краскахъ обрисовываютъ тѣ отношенія, которыя существовали между китайскимъ дворомъ и кочевниками, а также и тѣ недоразумѣнія, которыя, наконецъ привели къ разрыву между ними.

Приходится при этомъ только изумляться долготерпѣнію и покладливости китайскаго правительства, которое, придерживаясь принципа, что худой миръ лучше доброй ссоры, исполняло всѣ требованія надменныхъ кочевниковъ. Въ этомъ отношеніи плѣненіе императора Инъ-цзун'а было даже благодѣтельно для Срединной имперіи, такъ какъ это событіе принудило, наконецъ, китайцевъ оставить свою постыдную трусливую политику и блюсти въ сношеніяхъ съ кочевниками нѣсколько строже свое національное достоинство.

Послѣ возвращенія Инъ-цзун'а, Эсень почиталъ себя совершенно примирившимся съ китайскимъ дворомъ, и началъ очень часто отправлять въ Пекинъ посланцевъ съ данью, причемъ не забывалъ присылать каждый разъ особые подарки своему бывшему плѣннику, отказавшемуся отъ престола въ пользу брата и

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 6 л.

жившему вдали отъ дѣлъ, въ южномъ дворцѣ[1]). Примѣру Эсеня слѣдовали и То-то-бу-хуа, а также А-ла-чжи-юань[2]).

Съ этого времени, между ойратами и монголами снова возникаютъ раздоры, причину возникновенія которыхъ монгольскіе и китайскіе историки объясняютъ различно. Монгольскіе источники утверждаютъ, что неудовольствіе на ойратовъ возникло среди восточныхъ монголовъ, вслѣдствіе безпричинной жестокости Эсеня; — ойратскій предводитель казнилъ будто-бы нѣкоего Бухэ-Сорсона за то, что онъ, несмотря на категорическое приказаніе Эсеня, принесъ въ станъ ойратовъ ранѣе его вѣсть о захватѣ минскаго императора; послѣ этой казни, монголы стали массами отпадать отъ ойратскаго владыки, становясь на сторону Тайсона[3]). Мотивы неудовольствія между этими двумя монгольскими предводителями гораздо естественнѣе объясняются въ Минъ-ши; — китайскій историкъ утверждаетъ, что Эсень добивался, чтобы наслѣдникомъ То-то-бу-хуа (Тайсона) былъ объявленъ сынъ его сестры, которая была замужемъ за монгольскимъ ханомъ. То-то-бу-хуа не хотѣлъ согласиться на это. Кромѣ того, Эсень постоянно подозрѣвалъ послѣдняго въ тайныхъ сношеніяхъ и дружбѣ съ Китаемъ[4]).

Какъ казнь Бухэ-Сорсона, такъ и недоразумѣнія между Эсенемъ и То-то-бу-хуа могли быть, однако, лишь чисто внѣшними причинами раздора между монголами и ойратами; настоящій-же поводъ къ возникшимъ между ними усобицами слѣдуетъ искать гораздо глубже. Между этими двумя народностями снова возгорѣлась племенная вражда, которая никогда собственно не прекращалась, но лишь замолкла на время, вслѣдствіе блестящихъ военныхъ успѣховъ Эсеня. Естественнымъ-же послѣдствіемъ послѣдующей слабой политики ойратскаго предводителя по отношенію къ Китаю было недовольство восточныхъ монголовъ, у ко-

---

1) Mailla, Hist. gén. de la Chine, т. X, стр. 229.
2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 6 л.
3) Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 152—154.
4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

торыхъ возгорѣлось съ новою силою желаніе освободиться отъ ненавистнаго ига ихъ западныхъ сосѣдей.

Столкновеніе между противниками произошло зимою 1451 года въ мѣстности Туруфану-хара[1]). Не имѣя возможности точно опредѣлить положеніе этого пункта, рѣшаюсь, однако, утверждать, что пріуроченіе его къ Турфану (какъ это дѣлаетъ Schmidt. — см. Geschichte der Ost-Mongolen стр. 406, прим. 18) слишкомъ сомнительно, такъ какъ мало вѣроятно, чтобы монголамъ и ойратамъ нужно было сходиться такъ далеко на западѣ, когда занимали они мѣстности, лежащія гораздо восточнѣе.

Сраженіе, происшедшее въ Туруфану-хара, описано съ большими подробностями у Сананъ-сэцэна (Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 154 — 158), къ которому и отсылаю любознательныхъ читателей. Попытка монголовъ освободиться отъ ненавистнаго имъ ига окончилась полною неудачею, — они потерпѣли сильное пораженіе; Тайсонъ-ханъ принужденъ былъ бѣжать и, во время этого бѣгства, былъ убитъ нѣкіимъ Цабдан'омъ, своимъ тестемъ, котораго онъ ранѣе того оскорбилъ, отославъ къ нему обратно дочь. Въ китайскихъ источникахъ вовсе не упоминается объ исторіи съ Цабдан'омъ, и просто говорится, что То-то-бу-хуа палъ въ сраженіи. Поразивъ своего врага, Эсень захватилъ все его имущество и всѣхъ подданныхъ[2]).

Въ это время могущество ойратовъ достигло своего апогея: они были господами степей, и власть ихъ простиралась отъ страны урянхайцевъ (Ляо-дун'а) до Хами.

По отношенію къ Китаю Эсень держался, въ это время, довольно кроткой и выжидательной политики; — очевидно его успѣли достаточно напугать Янъ-шань и подобные ему искуссные дипломаты, которыхъ умѣли выбирать и пускать въ ходъ стоявшіе въ то время у кормила правленія въ Пекинѣ Юй-цянь и Ванъ-чжи. Вмѣсто прежнихъ грозныхъ требованій, ойратскій владыка униженно проситъ разрѣшенія представлять ко двору

1) Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 154.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

дань, и императоръ, понимая, что Эсень не осмѣлится болѣе открыто выступить противъ Китая, даже иногда отказываетъ ему въ этомъ разрѣшеніи.

Ближайшіе совѣтники двора не были довольны такимъ энергичнымъ образомъ дѣйствій своего повелителя и дѣлали ему даже представленія, въ которыхъ указывали, что полное прекращеніе сношеній съ ойратами не можетъ считаться желательнымъ. Императоръ продолжалъ, однако, придерживаться своего мнѣнія, заявляя, въ отвѣтъ на доклады чиновниковъ, что онъ не видитъ никакой пользы отъ постоянной пересылки посланцевъ. Въ это время Эсеню была послана грамота слѣдующаго содержанія: «Ранѣе приходили отъ васъ посланцы, бывшіе подлыми людьми, искажавшими истину и поселявшими между нами недоразумѣнія. Мы, съ своей стороны, не будемъ посылать къ тебѣ никого и не видимъ никакой пользы, чтобы и отъ тебя приходили посланцы».

Получивъ эту грамоту, Эсень смолчалъ, хотя ему, конечно, не приходилось выслушивать, до сихъ поръ, отъ китайскаго правительства столь смѣлыя внушенія. Едва онъ успѣлъ, однако, справиться съ То-то-бу-хуа, какъ поспѣшилъ немедленно отправить посланца къ пекинскому двору. Сему послѣднему были, вѣроятно, вручены очень категорическія инструкціи, о содержаніи коихъ китайскій историкъ умалчиваетъ, но мы знаемъ, что, по случаю прибытія его, Ванъ-чжи сдѣлалъ весьма вѣское представленіе о необходимости возобновить прерванныя сношенія съ ойратами. Императоръ передалъ обсужденіе этого вопроса въ военное министерство, президентъ коего Юй-цянь далъ весьма разумный отзывъ, что онъ можетъ считаться компетентнымъ въ дѣлахъ военныхъ, но никакъ не въ вопросѣ о посланцахъ. Не входя въ дальнѣйшія разсужденія, императоръ рѣшилъ не посылать никакого отвѣтнаго посольства[1]). Такъ дѣло тянулось до 1454 года. Между тѣмъ усобицы между ойратами и монголами

---

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз. 7 л.

не прекращались. У Санан-сэцэна (Schmidt op. cit. стр. 158—164) и въ Алтанъ-Тобчи (стр. 68 и сл. монг. текста) разсказывается подробно о томъ, какъ послѣ смерти Тайсона возведенъ былъ на ханскій престолъ младшій братъ его Акбарчжи или Накбарчжи, передавшійся на сторону Эсеня еще до сраженія при Туруфану-хара. Эсень хитростью сманилъ его къ себѣ и провозгласилъ ханомъ въ противовѣсъ То-то-бу-хуа. Когда-же послѣдній былъ убитъ, то ойратскій предводитель поспѣшилъ отдѣлаться отъ своего новаго ставленника. О смерти Акбарчжи (Накбарчжи) и сына его Хагурцака подробно разсказывается въ обоихъ монгольскихъ источникахъ.

Послѣ смерти ихъ, у Эсеня не оставалось болѣе ни одного сколько-нибудь опаснаго соперника, и онъ рѣшилъ объявить себя ханомъ. Осуществилъ онъ эту свою давнюю мечту въ 1454 г. При этомъ онъ, по примѣру китайскихъ императоровъ, даже далъ годамъ своего правленія названіе Тянь-шэнъ (田盛) и сталъ величать себя великимъ Юань'скимъ Хаганомъ. О своемъ восшествіи на престолъ онъ увѣдомилъ пекинскій дворъ, который, въ отвѣтной грамотѣ, называлъ его ойратскимъ хаганомъ[1]).

Поступокъ этотъ былъ роковымъ для Эсеня; — подвластныя ему племена не могли простить ему этого самовольнаго присвоенія ханскаго титула, на который монголы продолжали смотрѣть какъ на нѣчто священное, принадлежавшее по праву исключительно потомкамъ Чингисова дома. Образовалась партія недовольныхъ, которая и стала изыскивать средства покончить съ ненавистнымъ тираномъ. Поведеніе Эсеня, между тѣмъ, вовсе не было расчитано на то, чтобы ослабить это неудовольствіе. Напротивъ, гордость и самонадѣянность его росли съ каждымъ днемъ. Онъ сталъ самостоятельно распоряжаться судьбою цѣлыхъ племенъ; — такъ, мы имѣемъ свѣдѣніе, что онъ переселилъ на берега Хуанъ-хэ, въ мѣстность Му-на-ди (母納地), одно изъ племенъ урянхайскихъ[2]). Подобныя дѣйствія не могли, ко-

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 7 л.
2) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10 л.

нечно, не вызывать неудовольствія въ подданныхъ. Какъ организовалось и оформилось вспыхнувшее противъ Эсеня возстаніе намъ неизвѣстно ни изъ китайскихъ, ни изъ монгольскихъ источниковъ. Изъ лѣтописей Cананъ-сэцэна (Schmidt, op. cit., стр. 168) и Алтанъ Тобчи (стр. 77 монг. текста) мы узнаемъ, что въ 1455 году противъ ойратскаго владыки возстали двое изъ его военачальниковъ — Алакъ-Чинсангъ (А-ла-чжи-юань) и Тэмуръ-Чинсангъ, которые, судя по смыслу монгольскихъ разсказовъ, не столько были противъ воцаренія самого Эсеня, сколько противъ желанія его сдѣлать свою власть наслѣдственною. Пораженный въ сраженіи съ бунтовщиками, ойратскій владыка бѣжалъ, бросивъ свою семью и имущество и былъ убитъ Богономъ сыномъ того Сорсона, котораго онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ безчеловѣчно казнилъ. Такъ жалко кончилъ человѣкъ, испытавшій на себѣ всѣ милости и превратности судьбы и достигшій такого могущества, что, обладай онъ бóльшими рѣшительностью и энергіею, то могъ бы легко покончить съ мин'скою династіею и основать въ Китаѣ свою собственную. Со смертью Эсеня, кончилось и политическое могущество ойратовъ, по крайней мѣрѣ на время; отнынѣ снова выступаютъ на первый планъ восточные монголы, которымъ удалось скинуть съ себя ненавистное иго западныхъ сосѣдей.

Извѣстія о событіяхъ въ Монголіи послѣ смерти Эсеня переданы въ Минъ-ши чрезвычайно сбивчиво и неполно. Едва-ли не больше сбивчивости и противорѣчій встрѣчаемъ мы, впрочемъ, за этотъ періодъ и въ монгольскихъ источникахъ.

Минъ-ши говоритъ намъ, что возставшій столь успѣшно противъ Эсеня А-ла-чжи-юань былъ убитъ нѣкіимъ Бо-лай'емъ (孛來), однимъ изъ родоначальниковъ племени Да-дань. Бо-лай этотъ захватилъ ханскую яшмовую печать, и, отыскавъ сына То-то-бу-хуа, Ма-эрръ-кэ-эрр'а (麻兒可兒), объявилъ его ханомъ съ титуломъ Сяо-ванъ-цзы (小王子) [1]. Подъ этимъ титуломъ,

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

означающимъ въ буквальномъ переводѣ «маленькій князь», стали извѣстны впослѣдствіи въ китайскихъ источникахъ многіе изъ монгольскихъ хановъ. Ма-эрр-кэ-эрр'а слѣдуетъ, конечно, отожествлять съ Мэргусъ-хасомъ Сананъ-сэцэна (Schmidt, op. cit, стр. 170), а никакъ не съ Молонъ-ханомъ, какъ дѣлаетъ Howorth (см. History of the Mongols, P. I, стр. 367). О Бо-лай'ѣ мы не находимъ никакого упоминанія въ монгольскихъ источникахъ; — надо полагать, что онъ былъ руководителемъ вдовы То-то-бухуа, Самуръ-тайго, въ то время, когда она задумала выставить кандидатуру своего сына на ханскій престолъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вновь поставленный ханъ былъ не болѣе какъ слѣпымъ орудіемъ дѣйствовавшаго за спиною его Бо-лай'я, къ которому присоединился еще и Мао-ли-хай (毛里孩); обѣ эти личности пользовались, по словамъ Минъ-ши, довольно долгое время неограниченнымъ авторитетомъ среди монголовъ [1]).

Глава VII.

Царствованіе императора Тянь-шун'я (天順) (1457—1465 гг.)

Утвердившись во власти, Бо-лай поспѣшилъ отправить посланцевъ къ китайскому двору, заявляя, такимъ образомъ, о желаніи своемъ вступить въ сношенія съ симъ послѣднимъ. Ко времени прибытія въ Пекинъ этого посольства, императоръ Дай-цзунъ (代宗) уже скончался и на престолъ снова вступилъ Инъ-цзунъ, давшій, на этотъ разъ, годамъ своего правленія названіе Тянь-шунь. Наученный горькимъ опытомъ той осторожности, которой слѣдовало держаться въ дѣлахъ съ монголами, онъ не рѣшился продолжать рѣзкую политику своего брата, который прекратилъ всякія дружественныя сношенія съ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

кочевниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не хотѣлъ начинать снова правильную пересылку посольствъ и придумалъ нѣчто среднее, а именно отправилъ посланца съ подарками къ вдовѣ Бо-янь-Тэмура, который, какъ мы видѣли, ласково обходился съ нимъ во время его плѣна. Бо-лай не захотѣлъ, однако, удовлетвориться такимъ компромисомъ и, задержавъ присланнаго китайца, самъ отправилъ посланца въ Пекинъ, предлагая представить ко двору захваченную имъ ханскую яшмовую печать. На это предложеніе, Инъ-цзунъ отвѣтилъ очень сухо, говоря, что печать для него никакого значенія не имѣетъ, что онъ даже сомнѣвается въ ея подлинности; вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ энергично требовалъ отпуска задержаннаго посланца. Былъ-ли отпущенъ сей послѣдній или нѣтъ, неизвѣстно; мы знаемъ только, что вскорѣ послѣ того начались враждебныя дѣйствія со стороны монголовъ [1]). Минъ-ши перечисляетъ здѣсь рядъ нападеній Бо-лай'я и подвѣдомственныхъ ему племенъ на различные пункты китайской границы. Подъ 1457 годомъ встрѣчается упоминаніе о набѣгѣ на Вэй-юань (威遠) [2]) и нѣкоторые другіе пограничные посёлки. Нападеніе это было благополучно отбито китайскими войсками подъ начальствомъ Ши-бяо (石彪). Набѣгъ-же произведенный въ слѣдующемъ году на мѣстность, лежащую въ сѣверной части провинціи Шэнъ-си, былъ болѣе удаченъ для монголовъ. Посланный противъ нихъ китайскій военачальникъ Лю-пу (柳溥) позорно бѣжалъ, отправивъ ложное донесеніе, что имъ одержана побѣда. Въ слѣдующемъ 1459 году монголы сдѣлали набѣгъ на укрѣпленіе Ань-бянь (安邊), лежавшее въ провинціи Гань-су, въ области Цинъ-янъ-фу [3]). Высланныя противъ нихъ китайскія войска потерпѣли большой уронъ. Такія легкія побѣды не могли не придавать бодрости кочевникамъ. Набѣги ихъ стали повто-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

2) Вэй-юань лежало въ провинціи Шань-си, въ обл. Да-тунъ-фу, уѣзда Тянь-чжэнь (天鎮). Л. Д. Д. Л. Ч.

3) Ли-дай-ди-ли-чжи.

ряться все чаще и чаще, причемъ предпринимались они все въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и съ болѣе многочисленными войсками. Въ 1460 году Бо-лай произвелъ значительное нападеніе на пограничную область Юй-линь во главѣ 20-ти тысячнаго орряда, причемъ отступилъ только послѣ упорной борьбы съ китайскимъ полководцемъ Янъ-син'емъ (楊信). Независимо отъ сего, монголы сдѣлали вторженіе во многіе другіе пункты провинція Шэнъ-си. Въ 1461 году они произвели нападеніе на Пинъ-ло-чэнъ [1]). Предводитель этого монгольскаго отряда заманилъ китайскаго командира Сюй-юн'а (許顒) въ западню, гдѣ китайцы были всѣ вырѣзаны. Эти безпрестанные набѣги вывели, наконецъ, изъ терпѣнья пекинскій дворъ, и, для разслѣдованія пограничныхъ дѣлъ на мѣстѣ, были командированы Ши-ланъ Бо-гуй (白圭) и Ду-юй-ши Ванъ-хунъ (王竑). Какъ разъ въ это время, Бо-лай, по свѣдѣніямъ Минъ-ши, запросилъ о мирѣ. Слѣдуетъ думать, что помянутымъ чиновникамъ было поручено вступить съ нимъ въ переговоры. Позондировавъ почву, они нашли ее, повидимому, благопріятною, и тогда, по императорскому повелѣнію, къ монголамъ былъ отправленъ Чжань-шэнъ (詹昇), которому и приказано было приступить къ заключенію мира. Болай также прислалъ своего посланца къ китайскому двору, и послѣ этого взаимнаго обмѣна любезностей и не безъ обильныхъ, вѣроятно, подарковъ съ китайской стороны, заключенъ былъ миръ, изъ условій коего намъ извѣстно лишь одно, а именно, — монголы выговорили себѣ право являться періодически ко двору съ данью, и притомъ не чрезъ Да-тунъ, какъ то было установлено раньше (когда именно, неизвѣстно), а черезъ округъ Гао-лань (皐蘭), находящійся въ провинціи Гань-су, въ области Лань-чжоу [2]).

---

1) Въ Л. Д. Д. Л. Ч. упоминается о двухъ мѣстностяхъ этого имени — одна находилась въ пр. Шань-си, въ обл. Шо-пинъ (朔平), уѣздѣ Пинъ-лу (平魯), вторая-же въ пров. Гань-су, въ обл. Нинъ-ся въ уѣздѣ Пинъ-ло (平羅).

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 10 л.

Цѣль этого постановленія, выговореннаго въ свою пользу Болай'емъ, вполнѣ понятна: во-первыхъ, посланцы монгольскіе, сопровождаемые, конечно, очень многочисленной свитой, получали, такимъ образомъ, право проходить, на законномъ основаніи, на громадномъ протяженіи по китайской территоріи; это давало имъ возможность свободно грабить чуть-ли не по всей сѣверной границѣ Китая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прося о разрѣшеніи проходить чрезъ Гань-су, Бо-лай имѣлъ въ виду отвлечь вниманіе китайскаго правительства отъ ближайшихъ областей, лежавшихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ со столицею, на которыя онъ, повидимому, расчитывалъ произвести нападеніе въ ближайшимъ будущемъ. Уже въ 1462 году монголы сдѣлали набѣгъ на Хэ-си (河西) (пров. Шань-си), но расчетъ ихъ застать защитниковъ врасплохъ не оправдался. Они встрѣтили сильный отпоръ въ лицѣ Бо-гуй'я и Ванъ-хун'а, которые оставлены были въ пограничныхъ мѣстностяхъ для надзора за войсками. Въ двухъ сраженіяхъ — при Гу-юань-чуан'и (固原川) и Яй-цзы-чуан'и (崖字川) кочевники потерпѣли пораженія и, вѣроятно, очень чувствительныя, такъ какъ въ концѣ того же 1462 года Бо-лай запросилъ о мирѣ [1]). Пользуясь своимъ успѣхомъ, китайцы порѣшили взять назадъ данное ими ранѣе того разрѣшеніе, — Бо-лай долженъ былъ снова посылать ко двору своихъ посланцевъ не иначе какъ черезъ Да-тунъ [2]).

Монгольскій предводитель поспѣшилъ заключить миръ съ китайцами, — главнымъ образомъ въ виду усобицъ, которыя начались въ это время среди монголовъ. Ма-эрръ-кэ-эрръ былъ убитъ во время этихъ безпорядковъ и ханомъ объявленъ Ма-гу-кэ-эрръцзи-сы (馬古可兒吉思) [3]), сего послѣдняго слѣдуетъ, вѣро-

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 12 цз., 6 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 10 л.

3) Убійство Мэргусъ-хаса было совершено, по словамъ Cананъ-сэцэна, Доголанъ-Тайчжіемъ Тумэтскимъ. Не есть-ли этотъ Доголанъ — До-ло-кань, предводитель Урянхайскихъ монголовъ, имя котораго встрѣчается въ китайскихъ источникахъ?

ятно, отожествлять съ Махагурки-ханомъ, упоминаемымъ въ Алтанъ-Тобчи; Сананъ-сэцэнъ не говоритъ о немъ ни слова. Въ этомъ мѣстѣ замѣчается значительная разница въ хронологическихъ данныхъ между китайскими и монгольскими источниками. По Сананъ-сэцэну, Мэргусъ-хасъ былъ убитъ въ 1453 г., тогда какъ въ Минъ-ши событіе это пріурочено къ 1462 году; съ другой стороны, Алтанъ-Тобчи сообщаетъ, что Махагурки-ханъ царствовалъ до 1453 года; изъ китайскихъ-же свѣдѣній явствуетъ, что убитъ онъ былъ не ранѣе 1466 года. Какъ мы уже имѣли случай неоднократно наблюдать раньше, монгольскіе источники вообще не балуютъ насъ точностью своихъ хронологическихъ данныхъ, въ виду чего слѣдуетъ, по моему мнѣнію, относиться съ гораздо бо̀льшимъ довѣріемъ къ свѣдѣніямъ сообщаемымъ китайскимъ историкомъ, тѣмъ болѣе, что какъ Алтанъ-Тобчи, такъ и Сананъ-сэцэнъ страдаютъ, въ этомъ мѣстѣ особенною неполнотою и сбивчивостью.

Доведя разсказъ до 1462 года, историкъ Минъ-Ши спѣшитъ оговориться, что, послѣ этого времени, монгольскіе ханы, носившіе титулъ Сяо-ванъ-цзы, стали смѣняться очень часто, а потому не представляется возможности точно услѣдить за ними [1]). Изъ послѣдующаго изложенія мы убѣдимся, однако, что китайскій лѣтописецъ все таки слѣдитъ довольно внимательно за событіями въ Монголіи и повѣствуетъ о нихъ съ большею обстоятельностью, чѣмъ даже сами монгольскіе историки.

Характеризуя этотъ періодъ, авторъ Минъ-ши говоритъ, что, съ этого времени, монгольскіе предводители стали проявлять большую независимость другъ отъ друга [2]). Замѣчаніе это безспорно совершенно вѣрно и началась эта децентрализація немедленно послѣ смерти властвовавшаго единолично надъ всѣми кочевниками, ойратскаго Эсеня. Въ часто цитируемомъ мною трудѣ В. М. Успенскаго о Кукэ-норѣ (стр. 98—99) находятся под-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 337 цз., 10 л.
2) Ibid.

робныя свѣдѣнія о разселеніи монгольскихъ племенъ того времени. Въ общихъ-же чертахъ картина разселенія монгольскихъ племенъ, въ этотъ періодъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: самую восточную часть Монголіи занимали племена урянхайскія, раздѣленныя, какъ мы видѣли выше, на три военныя поселенія— До-янь, Фу-юй и Тай-нинъ. Племена эти, при первыхъ императорахъ мин'ской династіи, были въ полномъ почти подчиненіи у Китая, но затѣмъ стали понемногу добиваться самостоятельности, признавая надъ собою попеременно главенство тѣхъ изъ монгольскихъ предводителей, которые играли въ данное время наиболѣе выдающуюся роль. Такъ, послѣ смерти Эсеня, они завязали дружбу съ Бо-лай'емъ и, вмѣстѣ съ его посланцами, посылали и своихъ, причемъ требовали себѣ такихъ-же подарковъ, какіе отпускались самому Бо-лай'ю. Они причиняли въ то-же время не мало хлопотъ китайскому двору, являясь съ данью чаще, чѣмъ то полагалось по закону и притомъ не указными путями. Въ прежнее время, посланцы урянхайцевъ, какъ наиболѣе преданныхъ Китаю изъ всѣхъ монголовъ, допускались ко двору съ данью по три раза въ годъ, но имъ было дозволено проходить лишь чрезъ укрѣпленіе Си-фынъ-коу (喜峰口) и, въ крайнемъ только случаѣ, чрезъ область Юнъ-пинъ-фу. Ободренные своимъ союзомъ съ Бо-лай'емъ они стали являться также чрезъ Ду-ши-коу и Вань-цюань-вэй (萬全衛)[1], причемъ грабили, конечно, все, что плохо лежало, причиняя вообще не мало безпокойства китайскимъ пограничнымъ начальникамъ.

Непосредственно къ западу отъ урянхайцевъ кочевали племена, признававшія надъ собою власть хановъ, носившихъ титулъ «Сяо-ванъ-цзы»; они раздѣлялись на множество большихъ и малыхъ родовъ, каждый изъ коихъ пользовался долею самостоятельности. Кочевья этихъ монголовъ тянулись узкою полосою вдоль тогдашней сѣверной границы Китая, а именно у областей Сюань-хуа-фу, Да-тунъ-фу, по сѣверному побережью Жел-

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10—11 лл.

той рѣки и вдоль почти всей границы провинціи Гань-су. Какъ мы увидимъ ниже, не далѣе какъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XV-го вѣка племена, принадлежавшія къ этому отдѣлу, перешли на южный берегъ Хуанъ-хэ и заняли Хэ-тао или Ордосъ.

Крайній западный флангъ монгольскихъ племенъ составляли ойраты. Послѣ смерти Эсеня, могущество ихъ пало также быстро, какъ и создалось. Остатки этого народа не хотѣли, однако, подчиниться вліянію Китая и рѣшили отстоять свою самостоятельность. Минъ-ши сообщаетъ, что прямые потомки Эсеня, съ сыномъ его Хо-эрръ-ху-да (火兒忽答) во главѣ, ушли на сѣверъ и осѣли на рѣкѣ Гань-гань (干趕)[1]; рѣку эту, судя по картѣ Ша-мо, помѣщенной въ Цзю-бянь-юй-ту, слѣдуетъ отожествлять съ Орхономъ, а потому я сомнѣваюсь, чтобы опредѣленіе В. М. Успенскаго, утверждающаго, что здѣсь подразумѣваются верховья Енисея, было правильно. Опредѣленіе это кажется мнѣ тѣмъ болѣе сомнительнымъ, что впослѣдствіи встрѣчаются упоминанія о довольно частыхъ набѣгахъ ойратовъ на китайскія пограничныя области, чтó имъ было-бы трудно дѣлать, если-бы они дѣйствительно поселились такъ далеко на сѣверо-западѣ. Непосредственно вслѣдъ за смертью Эсеня, ойраты продолжали еще сношенія съ Китаемъ, и пекинскій дворъ, памятуя ихъ прежнее могущество, довольно щедро одарялъ ихъ посланцевъ. Съ возрастаніемъ-же могущества Бо-лай'я они были отрѣзаны отъ Срединной имперіи сплошною стѣною восточныхъ монголовъ, съ которыми у нихъ происходили неоднократныя столкновенія, причемъ во главѣ ойратовъ стоялъ нѣкто Чэ-ли-кэ (扯力克)[2]. Другая-же часть этого племени, подъ предводительствомъ Эсенева брата Бо-ду-ван'а (伯都) и племянника У-ху-на (兀忽納), ушла въ Хами. Какъ извѣстно, между хамійскимъ и ойратскимъ владѣтельными домами существовали узы родства: Бо-ду-ванъ приходился младшимъ братомъ матери хамійскаго князя[3]).

---

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 7 л.

2) Ibid.

3) Ibid.

Исторію этого оазиса я прервалъ на времени княженія Дао-ва-да-ши-ли. Какъ мы видѣли выше, князь этотъ, до похода Эсеня на Китай, окончательно подпалъ подъ вліяніе ойратскаго владыки. Съ такимъ подчиненнымъ положеніемъ онъ мирился, однако, не долго. Послѣ возвращенія изъ плѣна мин'скаго императора и унизительнаго мира заключеннаго ойратами съ Китаемъ, Дао-ва-да-ши-ли рѣшилъ, что Эсеня уже нечего болѣе опасаться, тѣмъ болѣе, что, какъ разъ въ это время, ойраты были заняты внутренними раздорами. Въ 1452 году хамійскій князь отправилъ къ китайскому двору чиновника своего Нѣ-лѣ-ша (揑列沙), которому поручено было просить для князя чиновнаго званія. При обсужденіи этого вопроса счелъ своимъ долгомъ вставить слово президентъ военнаго министерства, Юй-цянь, который хотя и говорилъ ранѣе, что онъ не можетъ быть признанъ компетентнымъ въ дѣлахъ о посольствахъ, почелъ, въ настоящемъ случаѣ, возможнымъ отступить отъ этого правила. Въ энергической рѣчи онъ ярко обрисовалъ коварство хамійскаго князя и убѣждалъ императора не жаловать ему никакихъ наградъ изъ опасенія, чтобы милости, раздаваемыя пекинскимъ дворомъ, не утратили, вообще, своей цѣны. Юй-цян'я послушались, и хамійскій посланецъ, вернулся во свояси ни съ чѣмъ. Не болѣе успѣшно было и другое посольство Дао-ва-да-ши-ли, приходившее въ Пекинъ во время правленія Цзинъ-тай'я. Въ 1547 году этотъ князь умеръ и ему наслѣдовалъ братъ его Бу-лѣ-гэ (卜列革), который немедленно отправилъ посланца къ китайскому двору съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи въ управленіе. Вновь восшедшій на престолъ императоръ Инъ-цзунъ оказался уступчивѣе своего брата, — онъ немедленно возвелъ Бу-лѣ-гэ въ званіе Чжунъ-шунь-ван'а. Въ 1460 году князь этотъ умеръ не оставивъ наслѣдниковъ, и дѣлами правленія стала завѣдывать мать его Нувэнь-да-ши-ли (弩温答失里). Какъ разъ около этого времени явились въ Хами ея младшій братъ Бо-ду-ванъ и племянникъ У-хуна. Ханша выхлопотала у китайскаго правительства первому изъ нихъ званіе Ду-ду (都督), а второму — Чжи-хуй'я (指揮).

По смерти Бу-лѣ-гэ, возникъ въ княжествѣ вопросъ о престолонаслѣдіи; образовалось двѣ партіи: одна—національная требовала, чтобы ван'омъ объявленъ былъ внукъ То-хуань-Тэмура съ женской стороны, нѣкто Ба-та-му-эрръ (把塔木兒); кандидатурѣ его противилась, главнымъ образомъ, мать умершаго князя, приводившая тотъ доводъ, что Ба-та-му-эрръ, какъ бывшій подданный князя, не можетъ наслѣдовать ему [1]). Съ своей стороны, она предлагала избрать въ князья одного изъ Ань-дин'скихъ вановъ. Мы уже встрѣчали ранѣе [2]) упоминаніе объ одномъ изъ главарей этой общины, Сань-гэ; въ 1438 году онъ умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ его На-нань-бэнь (那南本), отличавшійся очень самостоятельнымъ и даже дерзкимъ характеромъ, — такъ, онъ не постѣснялся ограбить присланное къ нему однажды китайское посольство. Ни Сань-гэ, ни На-нань-бэнь, игравшіе дѣятельную и видную роль въ исторіи Ань-дин'скаго княжества, не были, однако, главами его. Настоящимъ правителемъ былъ, въ то время, нѣкто И-пань-дань (亦攀丹), внукъ перваго поддавшагося мин'-цамъ Ань-дин'скаго князя Бу-инь-Тэмура (卜烟). И-пань-дань умеръ въ 1446 году и ему наслѣдовалъ сынъ его Линъ-чжань-хань-сѣ-эрръ (領占斡些兒), правившій до 1490 года [3]). За время его княженія и возникъ въ Хами вопросъ о престолонаслѣдіи.

Въ 1463 году правительница оазиса Ну-вэнь-да-ши-ли отправила подробное донесеніе въ Пекинъ, перечисляя всѣ бѣды, грозившія Хами отъ безначалія, причемъ выставляла на видъ, что монголы, видя въ какомъ безпомощномъ положеніи находится княжество, начинаютъ зариться на него. Пекинскій дворъ принималъ къ свѣдѣнію донесенія ханши и прилагалъ старанія возстановить въ Хами порядокъ, поддерживая при этомъ кандидата, предложеннаго Ну-вэнь-да-ши-ли, Ань-дин'скаго князя А-эрръ-ча (阿兒察). Посылались даже два раза отряды на границу,

---

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 5 л.

2) См. выше стр. 56.

3) М. Ш. отд. Ань-динъ, 330 цз., 15 л.

но они были настолько незначительны, что не осмѣливались показываться за предѣлы собственнаго Китая. Самъ А-эрръ-ча, въ виду столь плачевнаго положенія дѣлъ, всѣми силами отнѣкивался отъ навязываемой ему кандидатуры. Вслѣдствіе безначалія, въ Хами не замедлили возникнуть серьезные безпорядки. Княжество это слабѣло не по днямъ, а по часамъ, и не могло противустоять нападеніямъ монголовъ подъ начальствомъ Цзя-цзя-сы-лан'я (乩加思蘭), который сталъ производить здѣсь страшныя опустошенія. Положеніе дѣлъ ухудшилось вскорѣ на столько, что ханша Ну-вэнь-да-ши-ли бѣжала со всею своею роднею въ недавно отстроенную крѣпость Ку-юй (苦峪). Оттуда она неоднократно взывала къ пекинскому правительству, умоляя его помочь ея несчастной родинѣ. Послѣ неудачи своихъ первыхъ попытокъ, китайцы выказали, однако, полное нежеланіе принимать активное участіе въ междоусобіяхъ, происходившихъ въ Хами, и ограничивались лишь преподаніемъ благихъ, но мало дѣйствительныхъ совѣтовъ главарямъ этого княжества, убѣждая ихъ покончить ссоры и несогласія и выбрать себѣ главу. Наконецъ, въ Пекинѣ поняли, что неудобно долѣе оставлять дѣла въ такомъ положеніи, и, несмотря на оппозицію ханши Ну-вэнь-да-ши-ли, Ба-та-му-эрръ былъ утвержденъ въ княжескомъ званіи. Въ Минъ-ши упоминается лишь одинъ фактъ изъ времени его правленія, — это прибытіе отъ него посольства, совмѣстно съ посланцами ойратовъ и турфанцевъ. Послѣ весьма длинныхъ переговоровъ на границѣ, посольство это было допущено (въ ограниченномъ, впрочемъ, числѣ, — по одному изъ десяти человѣкъ) въ Пекинъ. Въ 1472 году Ба-та-му-эрръ умеръ и сынъ его Хань-шэнъ (罕慎) отправилъ въ Пекинъ посланца съ просьбою дозволить ему вступить въ управленіе княжествомъ. Ему было разрѣшено наслѣдовать званіе отца, но заниматься дѣлами правленія ему не позволили. Чѣмъ объяснить такое распоряженіе китайскаго правительства, объяснить не берусь. Можно, во всякомъ случаѣ, утверждать, что оно не могло клониться къ упроченію порядка въ Хами, и положеніе дѣлъ въ этомъ княжествѣ

продолжало оставаться неудовлетворительнымъ. Самъ историкъ Минъ-ши находитъ, что, къ тому времени, въ Хами не было рѣшительно никого, кто бы держалъ власть въ своихъ рукахъ [1]).

Не болѣе заботливости выказывало пекинское правительство о сохраненіи порядка и въ другихъ княжествахъ, образовавшихся на сѣверо-западной границѣ Гань-су. Хань-дун'скій правитель Чо-эрръ-цзя (綽兒加) продолжалъ совмѣстно съ своимъ единоплеменникомъ Бань-ма-сы-цзѣ нападенія на Хами, причемъ держалъ себя по отношенію къ Китаю чрезвычайно самостоятельно, ничуть не смущаясь внушеніями, дѣлаемыми ему изъ Пекина касательно непристойности его поведенія и необходимости возвратить награбленное. Сдѣлавъ эту характеристику Хань-дун'цевъ, авторъ Минъ-ши пускается въ разсужденіе о томъ, что духъ грабежа настолько внѣдрился въ натуру этихъ племенъ, что даже увѣщанія самого императора не могли искоренить ихъ грабительскихъ наклонностей [1]). Это сѣтованіе китайскаго историка даетъ намъ возможность составить себѣ представленіе о томъ, какого сорта были эти увѣщанія, дѣлаемыя Сыномъ Неба; немудрено поэтому, что они не пользовались особеннымъ вѣсомъ среди кочевыхъ полуразбойничьихъ племенъ. Въ 1444 году Чо-эрръ-цзя умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ его Шанъ-бу-эрръ-цзя (賞卜兒加), умѣвшій ладить съ пекинскимъ дворомъ и часто выпрашивавшій себѣ подачки въ видѣ хлѣба, холста и чая, которые довольно охотно отпускались ему [2]).

Единственными вѣрными и постоянными приверженцами Китая были главари Чи-цзинь'скихъ монголовъ. Въ 1444 году Цѣ-ванъ-ши-цзя [3]), вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ, удалился на покой и предоставилъ управленіе народомъ сыну своему А-су (阿速). Этотъ послѣдній оказался особенно вѣрнымъ другомъ Китая. Онъ не согласился на заманчивыя предложенія Эсеня заключить съ нимъ союзъ и даже породниться. Въ 1451 году ойратскій

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 6 л.
2) М. Ш. отд. Хань-дунъ, 330 цз., 26 л.
3) Упоминаніе о немъ см. выше стр. 58.

предводитель повторилъ свою попытку сблизиться съ А-су, но письмо его вѣрный Чи-цзин'ецъ прислалъ китайцамъ, и президентъ военнаго министерства, Юй-цянь, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы яркими красками расписать все коварство Эсеня и выставить на видъ необходимость оказать помощь А-су. Пограничнымъ начальникамъ предписано было держать войска на готовѣ, дабы имѣть возможность во время выступить для поддержки Чи-цзинь'цевъ. Эсень, однако, не успокоился и еще разъ засылалъ пословъ къ А-су, но также безуспѣшно. Повидимому, среди Чи-цзинь'скихъ монголовъ было въ то время нѣсколько самостоятельныхъ главарей. Въ У-бянь-дянь-цзэ, подъ 1453 годомъ, находимъ извѣстіе, что Тайши Эсень отправилъ къ Чи-цзинь'скому начальнику И-лу-бо (亦魯伯) письмо съ извѣщеніемъ, что онъ поразилъ Кэ-хан'я (Хагана), раззорилъ его домъ и хочетъ заключить мирный договоръ съ нимъ для покоренія Си-фан'ей (西番). И-лу-бо не прельстился, однако, предложеніями Эсеня и письмо послѣдняго тайно переслалъ китайскимъ властямъ [1]). Вскорѣ ойратскій предводитель умеръ, и только съ его смертью прекратились его происки. Въ 1466 г. умеръ и А-су и ему наслѣдовалъ малолѣтній сынъ Ва-сань-та-эрръ (瓦撒塔兒). Тотчасъ-же у Чи-цзинь'цевъ начались смуты и неурядицы. Одинъ изъ подчиненныхъ князю родовыхъ начальниковъ, Гань-бань (敢班), сталъ производить грабежи на китайской границѣ, но былъ захваченъ. Вмѣсто того, чтобы примѣрно наказать его и поддержать, такимъ образомъ, авторитетъ князя, помимо воли коего было сдѣлано это нападеніе, пограничные начальники китайскіе обошлись съ нимъ мягко и, наградивъ, отправили обратно. Такой образъ дѣйствій не могъ, конечно, способствовать упроченію уже нарушеннаго порядка въ княжествѣ.

Въ 1470 году Чи-цзинь'цы просили о назначеніи завѣдующими дѣлами правленія дядю Ва-сань-та-эрр'а, Ци-ба (乞巴), и еще другого родственника правителя. Къ этой просьбѣ, Ва-сань-

1) У. Б. Д. Ц. 11 цз., 26 л.

та-эрръ, несомнѣнно находившійся подъ вліяніемъ этихъ лицъ, присоединилъ и свою. Китайское правительство не замедлило выразить свое согласіе на такую мѣру, и оба означенные родственника князя получили почетныя званья[1]). Видимъ, такимъ образомъ, что къ началу 70-хъ годовъ XV вѣка въ княжествѣ этомъ установилось двоевластіе, которое не могло, конечно, способствовать водворенію въ немъ спокойствія и благоустройства.

И такъ вотъ каково, въ общихъ чертахъ, было положеніе дѣлъ на западной границѣ Китая ко второй половинѣ XV вѣка. Въ это время стало усиливаться политическое могущество Турфана.

Первое упоминаніе о Турфанѣ и турфанцахъ мы встрѣчаемъ въ китайскихъ источникахъ лишь въ 1377 году. Подъ этимъ годомъ мы находимъ извѣстіе о походѣ, предпринятомъ китайскими войсками противъ жителей этой страны въ наказаніе за ихъ постоянные грабежи. Правильныя сношенія съ китайскимъ дворомъ турфанскіе владѣтели начали лишь съ XV вѣка. Въ это время отъ нихъ стали приходить въ Пекинъ посланцы съ денью, состоявшею бо́льшею частью изъ необдѣланной яшмы. Въ 1408 году въ качествѣ такого посланца явился ко двору буддійскій монахъ Цинъ-лай (清來) съ учениками Фа-цюан'емъ и другими. Съ тѣхъ поръ посольства турфанскія проходили въ Пекинъ часто, доставляя въ качествѣ дани между прочимъ отборныхъ лошадей и кречетовъ. Участились сношенія и упрочились дружественныя связи между Турфаномъ и пекинскимъ дворомъ, главнымъ образомъ, благодаря усиленію Бѣ-ши-па-ли'скаго (別失八里) (Могулистанскаго) князя Вай-сы (歪思)[2]), который производилъ бурные набѣги на сосѣдей и не пощадилъ Турфана. Тогдашній владѣлецъ этого оазиса, Инъ-цзи-эрръ-ча (尹吉兒察), искалъ защиты у китайцевъ и, при содѣйствіи по-

1) М. Ш. отд. Чи-цзинь, 330 цз., 21 л.

2) Объ этомъ Вай-сы (Вэйсъ-ханъ) см. подробно у д-ра Бретшнейдера, op. cit. т. II, стр. 233, въ примѣчаніи.

слѣднихъ, ему удалось вернуть всѣ утраченныя имъ раньше земли. Въ 1427 году Инъ-цзи-эрръ-ча умеръ и ему наслѣдовалъ сынъ его Мань-гэ-Тэмуръ (滿哥), который въ началѣ своего правленія довольно аккуратно присылалъ дань въ Пекинъ. Впослѣдствіи, однако, когда, со смертью Вай-сы, нападенія со стороны Бѣ-ши-па-ли'сцевъ прекратились, турфанскій владѣтель началъ манкировать своими обязанностями по отношенію къ Китаю. Уже подъ 1441 годомъ мы находимъ извѣстіе въ Минъ-ши, что въ Пекинѣ начали замѣчать продолжительное отсутствіе изъ столицы турфанскихъ посланцевъ, и китайское правительство само первое отправило къ тамошнему владѣльцу Ба-ла-ма-эрр'у (巴剌麻兒) подарки, состоявшіе изъ шелковыхъ матерій. Правда, подарки эти были завезены только по пути посольствомъ, возвращавшимся изъ страны Ми-си-эрръ (米昔兒) (Египта), но во всякомъ случаѣ, самый фактъ прибытія китайскаго посольства является замѣчательнымъ, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ усиленіи политическаго значенія Турфана. Причину этого усиленія указываетъ самъ историкъ Минъ-ши: «въ началѣ мин'ской династіи, говоритъ онъ, «Турфанъ, находясь между двумя сильными государствами, Хотаномъ и Могулистаномъ, былъ слабъ. Впослѣдствіе-же, съ паденіемъ могущества этихъ двухъ сосѣдей, Турфанъ сталъ понемногу усиливаться и даже подчинилъ себѣ два небольшихъ сосѣднихъ княжества, Хо-чжоу и Лю-чэнъ». Съ этого времени главный владѣлецъ оазиса, Ѣ-ми-ли-хо-чжэ (也密力火者), сталъ величать себя ван'омъ [1]); вмѣстѣ съ усиленіемъ его, начинается новая эра въ сношеніяхъ Турфана съ пекинскимъ дворомъ, — они дѣлаются болѣе частыми, но носятъ уже на себѣ тотъ отпечатокъ требовательности и вымогательства, которыя характеризуютъ всѣ сношенія сильныхъ сосѣдей Срединной имперіи съ ея повелителями. Въ 1452 году были отправлены въ Пекинъ посланцы съ подарками не только отъ самого владѣльца Турфана, но даже и отъ женъ его, а также

1) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 20 л.

отъ другихъ родовыхъ начальниковъ. Въ 1459 году такихъ посланцовъ явилось въ Пекинъ уже 24 человѣка. Китайцы, съ своей стороны, также не разъ отправляли отвѣтныя посольства, но уже въ 1465 году возбужденъ былъ вопросъ объ урегулированіи этого дѣла, а именно, нѣкоторые изъ придворныхъ сановниковъ предложили, чтобы турфанскимъ посольствамъ разрѣшено было являться лишь разъ въ три года или даже въ пять лѣтъ и притомъ въ составѣ не болѣе десяти человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, до 1469 года турфанскіе владѣльцы, въ своихъ отношеніяхъ къ Китаю, оказывались достаточно покорными и смиренными. Со вступленіемъ-же въ 1469 году въ управленіе А-ли (阿力) все это рѣзко перемѣнилось [1]).

Глава VIII.

Царствованіе императора Чэнъ-хуа (成化) (1465—1488 гг.) [2]).

Желая представить въ сколько-нибудь полномъ видѣ событія, совершавшіяся за послѣдній періодъ времени на сѣверо-западной границѣ Китая, я позволилъ себѣ нѣсколько захватить въ предъидущей главѣ время царствованія императора Чэнъ-хуа, а именно, довелъ разсказъ до 70-хъ годовъ XV столѣтія. Возвращаюсь теперь къ исторіи монголовъ.

Послѣ своей послѣдней неудачи [3]), Бо-лай рѣшилъ дѣйствовать болѣе осторожно; не рискуя начинать снова открытыя враждебныя дѣйствія противъ китайцевъ, а пользуясь лишь своимъ правомъ представлять дань, часто отправлялъ въ Пекинъ посланцевъ, которые производили по дорогѣ многочисленные грабежи. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія Сынъ Неба приказалъ за-

1) М. Ш. отд. Турфанъ, 329 цз., 21 л.

2) Къ этой-же главѣ пріурочены два послѣдніе года правленія императора Тянь-шун'я 1463—1464 гг.

3) См. стр. 88.

держать на границѣ одного изъ такихъ посланцевъ, явившагося съ многочисленною свитою въ 1463 году. Отмѣнилъ свое рѣшеніе императоръ только благодаря представленіямъ одного изъ министровъ Ли-сян'я (李 賢), который, въ виду неподготовленности китайскихъ войскъ и укрѣпленій, совѣтовалъ не доводить дѣла до открытаго разрыва съ монголами. Печальное положеніе китайскихъ вооруженныхъ силъ того времени весьма ярко обрисовано въ докладѣ, представленномъ въ 1464 году цензоромъ Чэнь-сюан'емъ (陳 選): «среди Да-дан'ей», говорится въ этомъ документѣ, «есть нѣкій Бо-лай, пользующійся большимъ вліяніемъ; онъ склоняетъ на свою сторону всѣхъ монголовъ, между прочимъ, также и тѣхъ, кои населяютъ три военныя поселенія (урянхайцевъ) и заводитъ съ ними дружественныя сношенія. Прошлою осенью отъ него явились ко двору посланцы, которыхъ мы принуждены были кормить и одарять, а они, между тѣмъ, высматривали положеніе нашихъ дѣлъ. Всѣмъ извѣстна склонность монголовъ производить грабежи, а наши пограничные чиновники слѣдуютъ рутиннымъ обычаямъ и совершенно излѣнились. Города и укрѣпленія не ремонтируются, аммуниція и оружіе находятся въ жалкомъ состояніи. Практикуются вопіющія злоупотребленія: богатые солдаты ежемѣсячно даютъ взятки своимъ начальникамъ, откупаясь такимъ образомъ отъ службы, бѣдные-же терпятъ холодъ и голодъ и разбѣгаются. Вслѣдствіе того, что дѣло охраненія границъ находится въ столь печальномъ положеніи, кто будетъ заботиться о защитѣ въ случаѣ нужды?! Въ виду всего вышеизложеннаго, прошу Ваше Величество издать указъ о перемѣнѣ, по возможности, всего состава пограничныхъ чиновниковъ; вновь назначенныхъ-же слѣдуетъ наказывать и повышать по заслугамъ. Только такимъ образомъ можно выработать способныхъ чиновниковъ и устрашить лѣнивыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало-бы болѣе цѣлесообразно распредѣлить какъ укрѣпленія, такъ и гарнизоны ихъ; слѣдуетъ также позаботиться объ увеличеніи численности сторожевыхъ башенъ. Ежегодно должно отправлять изъ столицы инспекторовъ для осмотра гра-

ницы. Если дѣло защиты будетъ поставлено на такую ногу, то можно расчитывать, что постоянно повторяющіяся на границѣ смуты пріостановятся»[1]).

Докладъ этотъ, не смотря на свою практичность, не обратилъ, повидимому на себя вниманія императора, который, впрочемъ, страдалъ въ то время уже болѣзнью, сведшею его въ могилу, и уже сыну его, Сянь-цзун'у (憲宗), давшему годамъ своего правленія названіе Чэнъ-хуа, довелось испытать новые набѣги кочевниковъ.

Очевидно недовольный милостями, которыми одаряли его въ Пекинѣ, Бо-лай задумалъ произвести большое нападеніе на китайскую границу, но, не чувствуя себя достаточно сильнымъ для такого предпріятія, заключилъ союзъ съ урянхайскимъ главаремъ То-ло-ган'емъ (脫羅干)[2]), который выставилъ отъ себя 90 тысячъ конницы. Собравъ, такимъ образомъ, довольно значительное войско, Бо-лай предпринялъ набѣгъ на Ляо-хэ (遼河)[3]).

Можно думать, что походъ этотъ былъ удаченъ, такъ какъ ни о какомъ значительномъ сраженіи, Минъ-ши въ это время не упоминаетъ; въ китайской исторіи говорится только кратко, что одинъ изъ китайскихъ военачальниковъ, Чжэнь-хунъ (鄭宏), остановилъ нападавшихъ (вѣроятно тогда, когда и грабить было уже нечего). Осенью того-же года полчища кочевниковъ сдѣлали нападеніе на Янь и Суй (т. е. область Янь-ань-фу и округъ Суй-дэ-чжоу пров. Шэнъ-си) также не безуспѣшно и зимою возобновили свой набѣгъ. Высланныя противъ нихъ войска двухъ провинцій дѣйствовали крайне неудачно. Въ разсказѣ объ этомъ набѣгѣ китайскій историкъ говоритъ, что монголы отступили «немного»; фразу эту, очевидно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что китайскія войска потерпѣли полное пораженіе. Въ томъ-же

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 10—11 лл.

2) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 11 л.

3) Если подъ этимъ именемъ слѣдуетъ понимать область, орошаемую р. Ляо-хэ, то здѣсь, вѣроятно, подразумѣвается Ляо-дунъ.

1465 году или, можетъ быть, весною 1466 года Бо-лай переправился чрезъ Хуанъ-хэ и осадилъ крѣпость Хуанъ-фу-чуань (黃甫川)[1]. Къ дѣлу осады монголы оказались, однако, недостаточно подготовленными, и были отбиты китайскимъ гарнизономъ[2]).

По поводу этого нападенія Бо-лай'я, являющагося первымъ большимъ набѣгомъ послѣ похода, предпринятаго Эсен'емъ, авторъ Минъ-ши даетъ общій обзоръ наступательнаго движенія монголовъ на Китай за послѣдніе годы.

Въ началѣ, кочевники ограничивались нападеніями исключительно на пограничныя мѣстности, причемъ набѣги ихъ отличались неправильностью и отсутствіемъ какой либо общей системы. Съ начала-же годовъ правленія Цзинъ-тай'я (1450 г.) движеніе монголовъ на югъ становится болѣе упорнымъ, и бывали даже случаи нападенія ихъ на Янъ-цинъ, лежавшій въ теперешней области Цинъ-янъ-фу, провинціи Гань-су, верстъ на триста къ югу отъ г. Нинъ-ся. Всѣ эти набѣги всетаки не имѣли серьезнаго значенія, такъ какъ дѣлались они малочисленными летучими отрядами. Явленіе гораздо болѣе серьезное началось со временъ правленія Тянь-шун'я (1457 г.), когда монголы, подъ предводительствомъ А-ло-чу (阿羅出), потихоньку, не торопясь стали пробираться въ Хэ-тао (Ордосъ) и начали прочно осѣдать тамъ[3]). Какъ ни тяжело было китайцамъ покидать плодородныя и привольныя степи Ордоса, доставлявшія пограничнымъ войскамъ провіантъ и фуражъ, а также изобиловавшія солеными озерами, представлявшими большую цѣнность, но пришлось уступить предъ силою обстоятельствъ. Уже со второй половины XV-го вѣка китайскіе аванпосты и поселенія постепенно переводятся на югъ, и Хэ-тао заселяется постоянно надвигавшимися монголами.

---

1) По картѣ Цзю-бянь-юй-ту Хуань-фу-чуань лежитъ къ сѣверо-западу отъ Хэ-цюй, на правомъ берегу Хуанъ-хэ.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 11 л.

3) Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Цзю-бянь-юй-ту, явствуетъ, что это заселеніе монголами Хэ-тао началось уже при императорѣ Чжэнъ-тун'ѣ, и въ то время уже многіе чиновники представляли проекты о болѣе тщательной оборонѣ этой мѣстности.

Между тѣмъ, Бо-лай продолжалъ свои нападенія съ неослабною энергіею; наряду съ нимъ, въ числѣ нападавшихъ упоминаются Мао-ли-хай и самъ Сяо-ванъ-цзы. Набѣги ихъ сосредоточивались преимущественно на области Янь-суй. Вторженія свои въ эту пограничную мѣстность они повторяли неоднократно, что заставило китайское правительство сосредоточить здѣсь до 20 тысячъ человѣкъ. Кочевники всегда тщательно избѣгали прямой встрѣчи съ регулярными войсками въ открытомъ полѣ, и въ этомъ случаѣ они поспѣшили разсыпаться мелкими шайками по всей границѣ провинціи Гань-су, вторглись въ Пинъ-лянъ (平涼), Линъ-чжоу (靈州), Гу-юань и производили опустошительныя грабежи въ Нинъ-цзинъ'ѣ (寧靜)[1], Лунъ-дэ (隆德) и другихъ мѣстностяхъ. Во время этихъ нападеній, китайцы понесли весьма значительныя потери. Отъ дальнѣйшихъ разгромовъ спасли ихъ усобицы, начавшіяся вскорѣ среди монголовъ. Бо-лай убилъ Сяо-ванъ-цзы Ма-кэ-гу-эрръ-цзи-сы, а, немного спустя, самъ палъ отъ руки Мао-ли-хай'я, который, отдѣлавшись отъ опаснаго соперника, возвелъ на престолъ другого хана[2]). Этотъ новый Сяо-ванъ-цзы и есть тотъ Молонъ-ханъ, который, по свѣдѣніямъ Сананъ-сэцэна, былъ возведенъ на престолъ въ 1453 году. Такимъ образомъ, разница между китайскими и монгольскими хронологіями получается въ 13 лѣтъ; принимая во вниманіе, что китайцы, по дальности разстоянія и медленности сообщеній, могли весьма легко занести извѣстіе о возведеніи на престолъ Молонъ-хана, на годъ позже, чѣмъ это событіе совершилось на самомъ дѣлѣ, мы получимъ разницу въ 12 лѣтъ, а такая ошибка со стороны монгольскаго лѣтописца весьма легко объясняется, такъ какъ оба года какъ 1453, такъ и 1465, суть годы «курицы». Что Мао-ли-хай'емъ былъ возведенъ на престолъ именно Молонъ-ханъ, а никто другой — явствуетъ уже изъ того, что, по свѣдѣніямъ Минъ-ши, Мао-ли-хай въ томъ-же 1466 году убилъ сво-

---

1) Нинъ-цзинь лежитъ въ пров. Гань-су, обл. Цинъ-янъ-фу.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 11 л.

его ставленника[1]); фактъ этотъ совершенно согласуется съ извѣстіемъ, сообщаемымъ Cананъ-сэцэномъ[2]). Упомянувъ о смерти Молонъ-хана, случившейся, по китайскимъ свѣдѣніямъ, въ 1466 году, историкъ Минъ-ши сообщаетъ, что послѣ него произошло междуцарствіе, во время коего верховную власть захватилъ въ свои руки Мао-ли-хай. Для утвержденія своей власти, Мао-ли-хай не брезгалъ никакими средствами. Такъ, во время похода, предпринятаго на Китай однимъ изъ монгольскихъ главарей, А-ло-чу въ У-бянь-дянь-цзэ его имя пишется А-лао-чу (阿老出), онъ напалъ на его ставку и разгромилъ ее, захвативъ множество плѣнныхъ и скота[3]). По крайней мѣрѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ объ этомъ монгольскомъ предводителѣ упоминается какъ объ единственномъ сильномъ вершителѣ судебъ Монголіи. Ближайшимъ его союзникомъ былъ предводитель урянхайцевъ, То-ло-гань, съ которымъ онъ и совершалъ свои частые набѣги на Китай. Тотчасъ послѣ захвата имъ власти, а именно весною 1467 года, Мао-ли-хай произвелъ опустошительный набѣгъ на Датунъ. Будучи отвлеченъ внутренними дѣлами, онъ вскорѣ, однако, заключилъ миръ. Положеніе монголовъ въ этотъ моментъ и отношенія ихъ къ Китаю довольно ярко рисуются въ докладѣ, представленномъ цензоромъ Чэнъ-вань-ли (程萬里). Документъ этотъ не лишнимъ считаю привести здѣсь цѣликомъ: «Мао-ли-хай уже давно не приходилъ съ данью. Онъ высматриваетъ положеніе дѣлъ на нашей границѣ. Я полагаю, что слѣдуетъ, не теряя времени, двинуться противъ него, причемъ надѣюсь, что намъ удастся разбить его по тремъ причинамъ: 1) Мао-ли-хай находится отъ нашей границы въ разстояніи всего двухъ, трехъ дней пути, являясь тамъ гостемъ (т. е. человѣкомъ не знакомымъ съ мѣстностью); мы-же тамъ хозяева[4]). 2) Для покоренія всѣхъ

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 11—12 лл.

2) Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 172.

3) У. Б. Д. Ц., 11 цз., 64—65 лл.

4) Это мѣсто въ докладѣ цензора доказываетъ, что монголы только въ самое недавнее время направились къ югу и поселились недалеко отъ тогдаш-

племенъ монгольскихъ, онъ разсыпаетъ всюду свои войска, не давая имъ времени отдыхать и, по причинѣ этой его гордости, силы его слабѣютъ [1]). 3) Всѣ племена монгольскія разсѣяны въ поискахъ за водою и хорошими пастбищами, и войска ихъ не соединены. Въ виду всего этого, я предлагаю набрать отборнаго войска до 20 тысячъ человѣкъ и раздѣлить его на отряды, приблизительно по три тысячи человѣкъ въ каждомъ, назначить надъ ними искуссныхъ начальниковъ и ввести въ войскахъ строгую дисциплину. Слѣдуетъ отправить соглядатаевъ разузнать, въ какомъ именно мѣстѣ расположился Мао-ли-хай и произвести на него тамъ внезапное нападеніе. Успѣхъ будетъ обезпеченъ».

Въ 1469 году Мао-ли-хай дважды дѣлалъ набѣги на Яньсуй, Юй-линь и другія мѣстности, причемъ главнымъ сподвижникомъ его являлся все тотъ-же То-ло-гань урянхайскій. Оба они не встрѣчали никакого серьезнаго сопротивленія со стороны китайцевъ. Базою при своихъ нападеніяхъ на пограничныя китайскія мѣстности Мао-ли-хай избралъ Хэ-тао, гдѣ онъ распоряжался полнымъ хозяиномъ. Вскорѣ къ нему сюда прикочевали еще Бо-лу-най (孛 魯 乃), А-ло-чу, Цзя-цзя-сы-лань и Бо-лоху (孛 羅 忽) [2]). Всѣ они здѣсь осѣли и устроились для продолжительнаго пребыванія. Такое скопленіе монгольскихъ племенъ въ Хэ-тао произвело на китайскій дворъ удручающее впечатлѣніе; въ Пекинѣ никакъ не могли помириться съ мыслью, что область эта

ней границы Китая. Правители Срединной имперіи никакъ не могли еще свыкнуться съ мыслью, что монголы вовсе не собираются быть тамъ на положеніи «гостей», а поселились прочно на этихъ облюбованныхъ ими мѣстахъ.

1) Эти слова не лишены интереса, ибо обрисовываютъ ясно тотъ духъ разобщенности, который царилъ, въ то время, среди монголовъ. Всѣ попытки Мао-ли-хай'я соединить во-едино племена кочевниковъ не приводили ни къ какимъ прочнымъ результатамъ.

2) Изъ всѣхъ этихъ именъ только послѣднее можно пріурочить къ Болхочжинонгу С. Сэцэна (см. Schmidt, op. cit стр. 174), всѣ же прочія упоминаемыя здѣсь лица или вовсе не встрѣчаются у монгольскихъ лѣтописцевъ, или-же извѣстны у нихъ подъ другими именами.

окончательно утеряна [1]). Собранные на совѣтъ высшіе столичные чиновники пришли къ заключенію, что, до очищенія Хэ-тао отъ враговъ, не можетъ быть достигнуто спокойствія на границѣ. Рѣшено было назначить одного общаго главнокомандующаго и снабдить его обширными полномочіями. Таковымъ былъ избранъ Чжао-фу (趙輔); ему поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе тремя пограничными областями Шэнъ-си, Нинъ-ся и Яньсуй. Ближайшимъ помощникомъ его состоялъ Ванъ-юэ, который и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой кампаніи. Скоро китайцамъ пришлось убѣдиться, однако, что не такъ-то легко заставить монголовъ очистить разъ занятыя ими мѣста. Осѣвшія въ Хэ-тао кочевники были слишкомъ сильны для того, чтобы уступить безъ упорной борьбы, и не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ китайскіе военачальники представили докладъ, въ которомъ высказывали мнѣніе, что трудно достигнуть сколько нибудь утѣшительныхъ результатовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи менѣе 150 тысячъ войска. Постоянное содержаніе столь значительной арміи представлялось затруднительнымъ въ финансовомъ отношеніи; временно-же распускать войска признавалось невозможнымъ въ виду своеобразнаго способа веденія войны кочевниками, которые дѣлаютъ внезапныя нападенія и, затѣмъ, поспѣшно ретируются, а, между тѣмъ, войска не успѣваютъ своевременно собраться для отраженія ихъ. Въ виду всего этого, Ванъ-юэ просилъ не задаваться непремѣнно цѣлью очистить Хэ-тао отъ непріятеля и удовлетвориться однимъ охраненіемъ пограничныхъ мѣстностей. Этотъ докладъ начальниковъ дѣйствующей арміи не могъ конечно быть принятъ благосклонно при дворѣ, но поневолѣ пришлось покориться необходимости. Какъ бы то ни было, главнокомандующій Чжао-фу былъ отозванъ, и на мѣсто его назначенъ Лю-цзюй (劉聚), который дѣйствовалъ не болѣе удачно, чѣмъ его предмѣстникъ. Монголы, убѣдившись, что китайцы намѣрены ограничиваться оборонительнымъ обра-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 12 л.

зомъ дѣйствій, стали держать себя еще смѣлѣе прежняго и производили очень частые набѣги почти исключительно на мѣстности, лежащія къ югу и западу отъ Хэ-тао [1]).

Въ Минъ-ши подробно перечисляются всѣ стычки, происходившія за это время между китайскими войсками и монголами. Въ виду крайняго однообразія этихъ разсказовъ, я не стану передавать ихъ здѣсь подробно. Важенъ лишь фактъ, что 1470 и 1471 гг. прошли цѣликомъ именно въ такихъ непрестанныхъ нападеніяхъ монголовъ на разные пункты границы, причемъ главное вниманіе свое кочевники продолжали сосредоточивать на Хэ-тао.

Въ началѣ, какъ мы видѣли, тамъ кочевалъ одинъ Мао-ли-хай. Потомъ понемногу къ нему присоединились и многіе другіе начальники родовъ. Единство интересовъ сблизило и сплотило осѣвшихъ здѣсь монголовъ, вслѣдствіе чего у нихъ, весьма естественно, могла явиться мысль объ избраніи общаго руководителя. Такимъ поставленъ былъ Мань-ду-лу (滿都魯) (Маньдагулъ-ханъ Сананъ-Сэцэна, который называетъ его дядей Молона, см. Schmidt, op. cit., стр. 174). Избраніемъ своимъ онъ былъ, главнымъ образомъ, обязанъ содѣйствію своего тестя Цзя-цзя-сы-лан'я [2]). Случилось это, по свѣдѣніямъ Минъ-ши, въ 1473 году [3]).

Власть не могла, конечно, даромъ достаться Мань-ду-лу;— послѣ своего избранія, ему пришлось помѣряться силами съ Мао-ли-хай'емъ, который, какъ извѣстно, ранѣе того самъ питалъ честолюбивые замыслы и помышлялъ о верховномъ владычествѣ среди всѣхъ монголовъ. Другимъ серьезнымъ соперникомъ его являлся То-ло-гань, предводитель урянхайцевъ (Доголанъ-тайчжи Сананъ-сэцэна, см. Schmidt, op. cit., стр. 170 и

---

1) М. Ш. біогр. Ванъ-юэ (王越) 171 цз., 17 л.

2) Эти свѣдѣнія даютъ намъ возможность отожествлять Цзя-цзя-сы-лан'я съ однимъ изъ тестей Маньдагулъ-хана, у котораго по Сананъ-сэцэну, ихъ было два — ойратскій Бэкэрисунь-тайчжи и Энгутскій — Цоракбай-Тэмуръ-чинсангъ (Schmidt, op. cit. стр. 174)

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.

174), который, какъ мы видѣли выше, былъ ревностнымъ союзникомъ Мао-ли-хай'я и производилъ съ нимъ частыя нападенія на китайскія пограничныя области. Противъ него-то и двинулся прежде всего Мань-ду-лу. Спасаясь отъ его нападеній, урянхайцы откочевали на югъ, къ самой границѣ Китая, и стали заискивать въ пекинскомъ дворѣ, умоляя Сына Неба сжалиться надъ ихъ безпомощнымъ положеніемъ и дозволить, въ видѣ вспомоществованія, снова открыть существовавшіе прежде конные рынки, закрытые вслѣдствіе враждебныхъ отношеній урянхайцевъ къ Китаю [1]).

Уже ранѣе, то есть въ началѣ XV вѣка были устроены въ предѣлахъ военныхъ поселеній рынки, на которые мѣстные монголы могли приводить своихъ лошадей и получать отъ китайцевъ необходимые для нихъ предметы, какъ-то хлѣбъ, одежды и разную утварь. Торгъ этотъ былъ не вольный, а носилъ унизительный для китайцевъ характеръ, такъ какъ они обязывались принимать лошадей по извѣстной, заранѣе опредѣленной цѣнѣ, причемъ оцѣнка дѣлалась чрезвычайно высокая, двойная и даже тройная противъ того, чего лошади дѣйствительно стоили. Трудно себѣ представить, чѣмъ руководствовалось китайское правительство, соглашаясь на учрежденіе такихъ рынковъ. Какъ мы увидимъ изъ послѣдующей исторіи сношеній Китая съ монголами, рынки эти открывались правителями Срединной имперіи каждый разъ по принужденію, причемъ открытіе ихъ ставилось монголами въ видѣ необходимаго условія мира. При сношеніяхъ-же съ урянхайцами, пекинское правительство, какъ видимъ, выражало, по собственной иниціативѣ, временами желаніе устроивать конные рынки, уничтожая ихъ немедленно по возникновеніи какихъ-либо недоразумѣній съ этими сосѣдями.

Въ одномъ изъ предписаній своихъ, отправленныхъ пограничнымъ начальникамъ, императоръ Сюань-цзунъ высказывалъ въ 1429 г. мнѣніе, что учрежденіе рынковъ въ восточной Монголіи

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 11 л.

дѣлалось исключительно съ благотворительною цѣлью, дабы кочевники не нуждались въ предметахъ первой необходимости [1]).

Несомнѣнно, однако, что пекинское правительство руководствовалось при этомъ соображеніями и болѣе практическаго характера; а именно — китайцы вѣроятно желали скупать у урянхайцевъ какъ можно больше лошадей и уменьшать, такимъ образомъ, численность монгольской кавалеріи, которая являлась болѣе всего опасною для китайскихъ войскъ. Другое вѣроятное объясненіе этой готовности китайцевъ открывать конные рынки можно видѣть въ ихъ желаніи ограничить, по возможности, приходъ въ столицу монгольскихъ посольствъ, которыя нерѣдко занимались по дорогѣ грабежомъ. Учреждая рынки, китайское правительство имѣло въ виду одарять монголовъ на мѣстѣ, не заставляя ихъ являться за подарками въ Пекинъ.

Въ борьбѣ съ Мань-ду-лу То-ло-гань потерпѣлъ полное пораженіе. Покончивъ съ нимъ, вновь поставленный монгольскій ханъ напалъ на Мао-ли-хай'я, который и былъ убитъ въ сраженіи [2]). Сдѣлавшись, послѣ пораженія своихъ соперниковъ, полнымъ властелиномъ восточныхъ монголовъ, Мань-ду-лу тотчасъ-же предпринялъ набѣгъ на Китай. Особенно много такихъ набѣговъ въ сообществѣ съ Бо-ло-ху и Цзя-цзя-сы-лан'емъ было сдѣлано въ 1473 году [3]), причемъ одинъ изъ нихъ окончился крайне плачевно для монголовъ, благодаря коварству китайскаго полководца Ванъ-юэ. Послѣдній, узнавъ о движеніи Мань-ду-лу, отправилъ соглядатаевъ, которые донесли, что всѣ старики, жены и дѣти монголовъ покинуты ими на берегу озера Хунъ-янь-чи (紅鹽池). Ванъ-юэ поспѣшилъ воспользоваться этими свѣдѣніями и направился къ этой ставкѣ кочевниковъ [4]). Отрядъ вышелъ изъ Юйлин'я и, пройдя въ двое сутокъ разстояніе въ 400 верстъ, былъ

1) У. Б. Д. Ц., 1 цз., 5 л.

2) См. Schmidt, op. cit., стр. 174; Минъ-ши ничего не говоритъ о смерти Мао-ли-хай'я. Алтанъ-тобчи говоритъ, что онъ умеръ естественною смертью (стр. 84 монг. текста).

3) У. Б. Д. Ц. 5 цз. 70 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.

уже близокъ къ цѣли; вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, залѣплявшій глаза пылью; уже смятеніе успѣло обуять Китайцевъ, какъ одинъ старый солдатъ сказалъ: «эта погода благопріятна намъ, ибо поможетъ намъ приблизиться незамѣтно къ непріятельской ставкѣ; на обратномъ-же пути мы встрѣтимъ враговъ и несомнѣнно побѣдимъ». Ванъ-юэ слѣзъ съ коня и поклонился въ ноги этому старику, который за свою рѣчь былъ произведенъ въ тысячники. Войско было раздѣлено на десять малыхъ отрядовъ, по 1000 всадниковъ въ каждомъ, и нападеніе было произведено съ двухъ сторонъ, причемъ одержана была блестящая побѣда,— убито и захвачено въ плѣнъ 350 человѣкъ, сожжены монгольскія юрты и отбито неисчислимое количество скота и другой добычи. На обратномъ пути отрядъ Ванъ-юэ пошелъ противъ Мань-ду-лу, возвращавшагося съ своего набѣга на Вэй-чжоу (韋 州), и разбилъ его. Узнавъ объ избіеніи своихъ женъ и дѣтей, несчастные монголы бѣжали со слезами на глазахъ и послѣ того долго не показывались въ Хэ-тао [1]).

Разсказъ этотъ представляющій собою несомнѣнно сплошную цитату изъ донесенія Ванъ-юэ, можетъ служить яркою иллюстраціею того страха, который испытывали китайцы предъ монголами.—Уже далеки были времена Юнъ-ло, когда войска Сына Неба нерѣдко встрѣчались съ кочевниками лицомъ къ лицу, въ ихъ родныхъ степяхъ. Теперь-же маленькій походъ за предѣлы пограничныхъ карауловъ считается какимъ-то необыкновеннымъ геройскимъ подвигомъ. Конечно, къ красивымъ фразамъ о слезахъ, пролитыхъ монголами, а также объ оставленіи ими на долгое время Хэ-тао слѣдуетъ относиться съ должною осторожностью. Какъ-бы то ни было, избіеніе женъ, дѣтей и стариковъ должно было удручающимъ образомъ повліять на кочевниковъ, которые, послѣ этого набѣга нѣсколько затихли. Объясняется это спокойствіе отчасти и домашними усобицами, возникшими какъ разъ въ то время въ Монголіи.

---

1) М. Ш. біогр. Ванъ-юэ, 171 цз., 17 л.

Въ повѣствованіяхъ объ этихъ распряхъ замѣчается большая разница между монгольскими и китайскими источниками. Не вдаваясь въ критику отечественныхъ лѣтописей монголовъ, считаю не лишнимъ сказать, однако, что факты, сообщаемые въ Минъ-ши, значительно дополняютъ разсказы Сананъ-сэцэна и Алтанъ-тобчи. Существеннымъ отличіемъ китайскаго историка отъ Монгольскихъ лѣтописцевъ является введеніе у перваго новаго дѣйствующаго лица, а именно Цзя-цзя-сы-лан'я, котораго я не могу отожествить съ точностью ни съ однимъ изъ лицъ, упоминаемыхъ у Сананъ-сэцэна и Алтанъ-тобчи [1]).

О фиктивности этого Цзя-цзя-сы-лан'я не можетъ быть и рѣчи, ибо онъ совершенно опредѣленно и ясно упоминается въ Минъ-ши и въ У-бянь-дянь-цзэ наряду съ Мань-ду-лу, Бо-ло-ху и другими лицами съ именами коихъ мы встрѣчаемся и у монгольскихъ лѣтописцевъ. Въ У-бянь-дянь-цзэ упоминается между прочимъ о Цзя-цзя-сы-лан'ѣ, какъ о выходцѣ изъ Турфана [2]).

Разсказъ свой объ усобицахъ, происшедшихъ среди монголовъ, Минъ-ши начинаетъ съ повѣствованія о томъ, что Цзя-цзя-сы-лань ранѣе отдалъ дочь свою въ замужество Мань-ду-лу и, заинтересовавшись въ его судьбѣ благодаря такимъ родственнымъ связямъ, поставилъ его хаганомъ [3]). Это извѣстіе совершенно опущено какъ у Сананъ-сэцэна, такъ и въ Алтанъ-тобчи. Положеніе Цзя-цзя-сы-лан'я, какъ тестя Мань-ду-лу, должно было сразу поставить его во враждебныя отношенія къ пріютившемуся у новаго хана внуку Эсеня и сыну Харгоцокъ-тайчжія, Баянъ-мункэ, которому ханъ далъ новое прозваніе Болху и титулъ чжинонга [4]). Въ виду бездѣтности Маньдугула, можно было предполагать, что, послѣ его смерти, ему наслѣдуетъ Баянъ-мункэ, что далеко не улыбалось Цзя-цзя-сы-лан'ю, а потому есть полное основаніе предполагать, что послѣдній и является инціа-

1) См., впрочемъ, выше (стр. 107) сдѣланное мною предположеніе.
2) У. В. Д. Ц., 1 цз., 34 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.
4) Schmidt, op. cit., стр. 174.

торомъ тѣхъ недоразумѣній, которыя дважды возникали между ханомъ и чжинонгомъ. Упоминаемые-же монгольскими историками Хонхолай и Исама-тайши были, вѣроятно, лишь орудіями, при помощи коихъ дѣйствовалъ этотъ главный интриганъ. Въ Минъ-ши тутъ-же сообщается, что Цзя-цзя-сы-лань вскорѣ убилъ Бо-ло-ху [1]). Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма существеннымъ разногласіемъ между китайскими и монгольскими источниками. Причиною его является, по моему мнѣнію, путаница, создавшаяся благодаря тому, что одно и то-же лицо было извѣстно въ Монголіи подъ двумя именами (Болху-чжинонгъ и Баянъ-мункэ). Китайскій историкъ, повидимому, не усвоиваетъ себѣ этого дѣйствительно страннаго, на первый взглядъ, явленія и почитаетъ Баянъ-мункэ и Болху-чжинонга за двухъ различныхъ личностей. По Минъ-ши выходитъ, что Бо-ло-ху былъ убитъ Цзя-цзя-сы-лан'емъ еще до смерти Мань-ду-лу, а о Ба-янъ-мэнъ-кэ мы встрѣчаемъ еще упоминанія до самаго конца XV вѣка. Не задаваясь пока цѣлью оріентироваться въ этой путаницѣ, считаю, однако, несомнѣннымъ фактомъ, что, благодаря происками Цзя-цзя-сы-лан'я, вліяніе Бо-ло-ху на дѣла было, на время по крайней мѣрѣ, устранено.

По свѣдѣніямъ Минъ-ши, послѣ смерти Бо-ло-ху, Цзя-цзя-сы-лань началъ быстро усиливаться, причемъ сталъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, не обращая вниманія на хана, порѣшивъ, вѣроятно, рано или поздно свергнуть своего непокорнаго ставленника. Въ это время То-ло-гань и И-сы-ма-инь (亦思馬因) (несомн. Исама-тайши Сананъ-сэцэна и Исмаилъ Алтанъ-тобчи), будучи недовольны Цзя-цзя-сы-лан'емъ, составили противъ него заговоръ, который увѣнчался успѣхомъ, и имъ удалось убить его [2]). Съ этого времени начинается возвышеніе И-сы-ма-ин'я, съ которымъ, какъ съ могущественнымъ монгольскимъ полководцемъ, мы будемъ встрѣчаться неоднократно впослѣд-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.
2) Ibid.

ствіи. Весьма вѣроятно, что въ дѣлѣ убійства Цзя-цзя-сы-лан'я не обошлось и безъ косвеннаго участья самаго хана, имѣвшаго несомнѣнно основаніе опасаться усиленія своего тестя. Вскорѣ умеръ и Мань-ду-лу и, по поводу его смерти, китайскій историкъ съ облегченіемъ восклицаетъ, что съ его кончиною сошелъ со сцены одинъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ военачальниковъ, и смуты въ пограничныхъ областяхъ нѣсколько поутихли. На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ Сананъ-сэцэномъ, который говоритъ, что Маньдагулъ-ханъ правилъ всего пять лѣтъ, можно пріурочить годъ его смерти къ 1479 году.

О послѣдующихъ событіяхъ Минъ-ши даетъ весьма отрывочныя свѣдѣнія, которыя, не смотря на свою неполноту, являются, впрочемъ, единственными за этотъ періодъ времени, такъ какъ ни Сананъ-сэцэнъ, ни Алтанъ-тобчи не сообщаютъ почти ничего объ исторіи Монголіи за время малолѣтства Даянъ-хана. Разсказы монгольскихъ историковъ блещутъ въ этомъ мѣстѣ полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо хронологическихъ данныхъ, а потому тутъ является возможность примирить китайскую хронологію съ монгольскою.—Годомъ рожденія Даянъ-хана является по монгольскимъ источникамъ 1466 годъ [1]). Съ этою датою можно согласить всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ Минъ-ши. Только, въ такомъ случаѣ, придется отказаться отъ передаваемой Сананъ-сэцэномъ поэтической легенды о раннемъ бракѣ Даянъ-хана съ Мандугай-сэцэнъ-хатунь [2]).

Послѣ смерти Маньдагулъ-хана, признаннаго большею частью кочевниковъ, Монголія снова представляется намъ раздѣленною на два враждебныхъ лагеря. Во главѣ одного изъ нихъ стоялъ Даянъ-ханъ (Бату-мункэ), сынъ Баянъ-мункэ, а предводителемъ другаго былъ Исама-тайши (по китайской транскрипціи И-сы-ма-инь). Сей послѣдній успѣлъ пріобрѣсти себѣ извѣстный авторитетъ, благодаря своей побѣдѣ надъ Цзя-цзя-сы-лан'емъ и коче-

---

1) См. Schmidt, op. cit., стр. 180.
2) Ibid.

валъ на востокѣ въ мѣстности, лежащей непосредственно къ сѣверо-западу отъ Ляо-дун'а. Монголы-же, признавшіе надъ собою власть хана, заняли мѣста къ западу отъ него, а именно степи, тянущіяся къ сѣверу отъ Хэ-тао и провинціи Гань-су. Между ханомъ и Исама-тайши весьма естественно возгорѣлась вражда; — каждый изъ соперниковъ старался, по возможности, расширить свое вліяніе. Надежнѣйшимъ путемъ для достиженія популярности являлись, конечно, успѣшные походы на Китай. Вотъ чѣмъ объясняются, слѣдовательно, тѣ непрерывные набѣги на пограничныя области Срединной имперіи, которыя начинаются именно съ этого времени. По свидѣтельству Минъ-ши, съ 1480 года и до конца годовъ правленія Чэнъ-хуа на сѣверной границѣ не было ни одного спокойнаго года. Особеннымъ успѣхомъ въ своихъ нападеніяхъ пользовался И-сы-ма-инь. Въ 1480 году онъ произвелъ набѣгъ на Ляо-дунъ, а также съ значительнымъ войскомъ вторгся въ Да-тунъ. Послѣдній отрядъ монголовъ былъ настолько значителенъ, что лагерь его занималъ цѣлыхъ 50 ли. Здѣсь, съ китайской стороны, кочевникамъ не было оказано никакого серьезнаго сопротивленія. Цзунъ-бинъ Сюй-нинъ (許 寧) сразился съ монголами и потерпѣлъ пораженіе, но, боясь за свою голову, донесъ въ Пекинъ, что одержалъ побѣду. Монголы-же бурнымъ потокомъ разлились по Шань-си и появились даже въ Чжи-ли, а именно въ Шунь-шэнъ-чуань (順 聖 川)[1]; страшныя опустошенія произвели они также въ Хунь-юан'и (渾 源) и Шо-пин'ѣ (朔 平). Наконецъ губернатору области Сюань-хуа-фу удалось, послѣ упорнаго сраженія, остановить побѣдоносное шествіе монголовъ. Губернаторъ провинціи Шань-си, Бянь-юнъ (邊 鏞), также только послѣ неимовѣрныхъ усилій удержалъ непріятеля[2]).

Производя набѣги на сѣверо-восточныя области Китая, И-сыма-инь не могъ, конечно, оставить въ покоѣ и монголовъ-урян-

---

1) Шунь-шэнъ-чуань находится въ пров. Чжи-ли, въ области Сюань-хуа-фу, на 30 в. къ востоку отъ уѣзднаго города Су-нинъ (肅 甯). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 11 л.

хайцевъ; — въ теченіи многихъ лѣтъ у него происходили съ ними постоянныя столкновенія. Въ 1486 году нападенія этого монгольскаго начальника смѣнились набѣгами другого предводителя того-же племени, На-хай'я (那孩), который во главѣ 30-ти тысячнаго войска перешелъ чрезъ рѣку Ляо-хэ и сильно разгромилъ урянхайцевъ, убивъ ихъ главаря Бо-ян'я (伯顏) и угнавъ слишкомъ десять тысячъ головъ скота. Какъ мы уже неоднократно видѣли выше, урянхайцы умѣли всегда весьма ловко пользоваться своимъ положеніемъ между сѣверными монголами и Китаемъ. Въ данномъ случаѣ, страдая отъ нападеній своихъ сѣверныхъ сосѣдей, они поспѣшили прибѣгнуть къ помощи Китая; они стали укрываться въ пограничныхъ областяхъ, умоляя Сына Неба оказать имъ поддержку. Пограничный чиновникъ Лю-цзань (劉潺) донесъ объ этомъ печальномъ положеніи уряпхайцевъ, съумѣвшихъ при этомъ удобномъ случаѣ притвориться смиренными подданными Китая, и пекинское правительство вняло ихъ мольбамъ, распорядившись отпускать имъ даровой хлѣбъ и фуражъ для скота [1]). Возможно энергичная поддержка урянхайцевъ была, конечно, прямо въ интересахъ пекинскаго двора; — хотя сосѣди эти иногда и безпокоили пограничныя китайскія области, но они могли служить, въ то-же время, опорою для Срединной имперіи противъ нападенія сильныхъ сѣверныхъ кочевниковъ.

Западная часть монголовъ также не бездѣйствовала за это время. Онп производили немаловажные набѣги на провинціи Гань-су и западную часть Шань-си. Здѣсь нападенія кочевниковъ не были, однако, столь-же успѣшны, какъ на востокѣ. — Когда въ 1480 году они вздумали переправиться чрезъ Хуанъ-хэ, то были разбиты китайскими войсками при Вэй-нинъ-хай-цзы (威寧海子) [2]). Довольно успѣшно отражены были монголы и въ Да-тунѣ [3]). Сомнительно, однако, чтобы всѣ эти пораженія, на-

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 11 л.

2) Ли-дай-ди-ли-чжи. Гань-су, Цинъ-янъ-фу, Ань-хуа-сянь.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.

несенныя китайцами кочевникамъ имѣли рѣшительный характеръ; вѣроятнѣе предположить, что монгольскія полчища возвращались въ свои родныя степи, лишь вдоволь награбивъ.

Послѣ этого непрерывнаго ряда набѣговъ на Китай, обѣ монгольскія партіи почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы начать между собою борьбу изъ за гегемоніи.

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія данныхъ, сообщаемыхъ какъ Сананъ-сэцэномъ и Алтанъ-тобчи, такъ и Минъ-ши, весьма легко придти къ заключенію, что столкновеніе Даянъ-хана съ Исама-тайши есть ничто иное, какъ борьба западной половины монголовъ съ восточною. Изъ монгольскихъ лѣтописей узнаемъ, что побѣда осталась на сторонѣ хана [1]). Это превосходство западныхъ монголовъ надъ восточными легко объясняется тѣмъ, что послѣдніе находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Китая, и, кочуя у самыхъ границъ его, успѣли нѣсколько деморализоваться и утратить свою природную отвагу. Разслабленію восточныхъ монголовъ способствовалъ также несомнѣнно значительный успѣхъ ихъ послѣднихъ нападеній на китайскую границу. Упоенные своими побѣдами и нагруженные богатой добычей, они перестали думать о военныхъ подвигахъ. Историкъ Минъ-ши ни слова не говоритъ о борьбѣ между западными и восточными монголами, но за то даетъ намъ возможность опредѣлить хотя-бы приблизительно время ея окончанія. Изъ Минъ-ши мы узнаемъ, что И-сы-ма-инь (т. е. Исама-тайши), который, по свѣдѣніямъ Сананъ-сэцэна, палъ сражаясь противъ Даянъ-хана [2]), былъ убитъ до вступленія на престолъ императора Хунъ-чжи (弘治), т. е. до 1488 года.

Въ У-бянь-дянь-цзэ еще точнѣе опредѣляется годъ окончанія борьбы между Сяо-ванъ-цзы (Даянъ-ханомъ) и И-сы-ма-ин'емъ; — случилось это въ 1483 году [3]).

1) См. Schmidt, op. cit, стр. 182.
2) Ibid.
3) У. Б. Д. Ц., 1 цз., 69 л.

Со смертью И-сы-ма-ин'я, вѣроятно, окончилась междоусобная война, а потому къ этому именно времени слѣдуетъ, по моему мнѣнію, пріурочить объединеніе Монголіи подъ властью Даянъ-хана. Между тѣмъ, свѣдѣнія, сообщаемыя Сананъ-сэцэномъ и Алтанъ-тобчи, даютъ поводъ заключать, что важное событіе это слѣдуетъ относить къ эпохѣ гораздо позднѣйшей, такъ какъ о походѣ Даянъ-хана противъ Исама-тайши упоминается у монгольскихъ лѣтописцевъ лишь послѣ перечисленія всѣхъ родившихся у хана сыновей.

Глава IX.

Царствованіе императора Хунъ-чжи (弘治) (1488—1506 гг.) и событія на сѣверо-западной границѣ Китая за время 1470—1506 гг.

Справившись со своими внутренними врагами, побѣдоносная часть монголовъ поспѣшила начать правильныя сношенія съ китайскимъ дворомъ. Подъ первымъ годомъ правленія Хунъ-чжи (1488 г.) Минъ-ши отмѣчаетъ фактъ прибытія посольства отъ монголовъ съ данью и грамотою, въ которой монгольскій владыка титуловалъ себя Великимъ Юань'скимъ Хаганомъ. Хотя ранѣе того китайское правительство и не имѣло обыкновенія разрѣшать монголамъ такое злоупотребленіе громко звучащими титулами, однако, на этотъ разъ, въ Пекинѣ посмотрѣли на это снисходительно и дали разрѣшеніе представлять дань[1]). Между тѣмъ, сами пограничные начальники обратили вниманіе на то, что докладъ написанный на монгольскомъ языкѣ, былъ составленъ въ грубой формѣ[2]). Это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что непосредственно предшествовавшія тому нападенія кочевни-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.
2) У. Б. Д. Ц. 5 цз., 36 л.

ковъ на пограничныя области показались китайцамъ довольно тяжелыми и заставили пекинское правительство предпочесть худой миръ доброй ссорѣ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Минъ-ши, Сяованъ-цзы вмѣстѣ съ Бо-янь-мэнъ-кэ-ван'омъ (въ этомъ мѣстѣ встрѣчается послѣднее упоминаніе о Бо-янь-мэнъ-кэ) неоднократно являлись съ данью [1]). Эти дружественныя отношенія не мѣшали, однако, монголамъ, при случаѣ, производить мелкіе набѣги на китайскія пограничныя области. Такъ въ 1488 году они одновременно напали на округъ Шань-дань (пров. Гань-су), и на проходъ Ду-ши-коу. Въ обоихъ случаяхъ нападенія эти были успѣшны [2]). Кромѣ этихъ мелкихъ грабительскихъ набѣговъ, монголы пользовались своимъ правомъ періодически являться ко двору въ Пекинъ еще и для того, чтобы присмотрѣться къ новымъ мѣстамъ въ Хэ-тао, которыя они облюбовали уже давно, но вынуждены были покинуть на нѣкоторое время.

Восточный отдѣлъ монголовъ также проявлялъ въ это время недюжинную дѣятельность. Нѣсколько оправившись отъ разгромовъ И-сы-ма-ин'я и На-хай'я, урянхайцы производили частыя нападенія на Кай-юань и Гу-бэй-коу (古 北). Пограничные чиновники не рѣшались выступать открыто противъ этихъ грабительскихъ шаекъ, предпочитая дѣйствовать хитростью. Они коварно заманили въ западню 300 человѣкъ урянхайцевъ, явившихся съ совершенно мирными торговыми цѣлями, и варварски умертвили ихъ. Раздраженные этимъ предательскимъ поступкомъ, урянхайцы обратились къ предводителю восточнаго отдѣла монголовъ То-ло-ган'ю, бывшему, какъ мы видѣли, сподвижникомъ И-сы-ма-ин'я въ его заговорѣ противъ Цзя-цзя-сы-лан'я. То-логань весьма обрадовался этому приглашенію и поспѣшилъ вступиться за обиженныхъ. Онъ сталъ производить набѣги на Гуаньнинъ и Нинъ-юань (寧 遠) [3]). Этотъ союзъ съ урянхайцами, по-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 15 цз., 2 л.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 11 л.

видимому, очень усилилъ То-ло-ган'я и онъ, вѣроятно, сталъ держать себя независимо отъ Сяо-ванъ-цзы (Даянъ-хана); заключаю я объ этомъ изъ того, что подъ 1495 годомъ Минъ-ши сообщаетъ о союзѣ, заключенномъ между Сяо-ванъ-цзы, т. е. Даянъ-ханомъ, съ одной стороны, и Хо-шай'емъ (火篩), сыномъ То-ло-ган'я, съ другой[1]). Разъ дѣло дошло до заключенія союзовъ, то, очевидно, о подчиненности То-ло-ган'я Сяо-ванъ-цзы не можетъ быть и рѣчи. Объ этомъ Хо-шай'ѣ, имя котораго очень часто встрѣчается на страницахъ Минъ-ши, упоминается также и у монгольскихъ историковъ, какъ о зятѣ Маньдагулъ-хана, женившагося на его дочери Ишигэ[2]). Союзъ былъ, очевидно, заключенъ съ наступательными цѣлями. Усилившись помощью такого добровольнаго соглашенія, кочевники начали дѣлать вторженія вдоль всей сѣверной границы Китая. Въ томъ же 1495 году въ Минъ-ши упоминается о нападеніяхъ, сдѣланныхъ одновременно на Ляо-дунъ[3]) и въ Гань-су[4]). Въ слѣдующемъ 1496 году были совершенно разгромлены области Да-тунъ, Сюань-хуа и Янь-суй. Всѣ эти набѣги производились кочевниками совершенно безнаказанно. По крайней мѣрѣ, Минъ-ши не упоминаетъ, чтобы китайцы организовали сколько-нибудь серьезную оборону. Въ 1498 году завѣдующимъ всѣми пограничными дѣлами былъ назначенъ генералъ Ванъ-юэ, съ именемъ котораго намъ приходилось уже не разъ встрѣчаться. Онъ организовалъ небольшой, легко вооруженный, отборный отрядъ и, раздѣливъ его на три части, зашелъ кочевникамъ въ тылъ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе въ мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ горъ Хэ-лань-шань[5]). Насколько, однако, должно было быть дѣйствительнымъ это пораженіе, о которомъ авторъ Минъ-ши считаетъ необходимымъ повѣствовать

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.
2) Schmidt, op. cit, стр. 176.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.
4) М. Ш. Бэнь-цзи, 15 цз., 6 л.
5) Горы Хэ-лань-шань, по картѣ Цзю-бянь-юй-ту, лежали къ западу отъ города Нинъ-ся.

съ большими подробностями, можно заключить изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ тѣмъ-же китайскимъ источникомъ, который говоритъ, что во время этой знаменательной побѣды китайцамъ удалось положить на мѣстѣ 43 монголовъ (!). Этимъ доблестнымъ подвигомъ и кончилась карьера Ванъ-юэ; — въ томъ-же 1498 году, зимою, онъ умеръ въ городѣ Гань-чжоу [1]). Побѣды, одержанныя имъ, выходившія столь громкими на бумагѣ, не могли, конечно, внушить должный страхъ кочевникамъ. Вторженія ихъ въ китайскіе предѣлы продолжались все съ тою-же непрерывностью и настойчивостью. Они произвели значительные грабежи и опустошенія въ Да-тун'ѣ и Нинъ-ся, причемъ смѣнилось много китайскихъ военачальниковъ, перечислять коихъ я считаю излишнимъ; всѣ они показали себя совершенно неспособными къ дѣлу обороны границы. Наконецъ въ 1500 году во главѣ китайскихъ войскъ были поставлены Бао-го-гунъ (保國公) (чин. зв) Чжу-хуй (朱暉), Шиланъ Ши-линъ (史琳) и евнухъ Мяо-куй (苗逵) [2]). Дѣятельность этого тріумвирата въ дѣлѣ борьбы съ монголами была поистинѣ замѣчательною по отрицательности своихъ результатовъ. Пріобрѣсти славу великаго полководца Чжу-хуй'ю, вѣроятно, помогло слѣдующее обстоятельство. Когда его назначили главнокомандующимъ на мѣсто стольких неудачныхъ предмѣстниковъ, то, не успѣлъ онъ доѣхать до театра военныхъ дѣйствій, какъ пришла вѣсть объ удаленіи враговъ [3]). Этотъ случай заставилъ китайцевъ подумать, что монголы отступили, когда до нихъ дошелъ лишь слухъ о назначеніи новаго главнокомандующаго. Между тѣмъ, кочевники стали прибѣгать къ новой тактикѣ: не довольствуясь одними набѣгами, они начали понемногу укрѣплять за собою цѣлыя области. Прежде всего, взоры ихъ обратились на Хэ-тао, гдѣ передовые отряды монголовъ уже неоднократно появлялись со второй половины пятнадцатаго столѣтія. Въ 1500 году Сяо-ванъ-цзы поселяется въ Хэ-тао. Вмѣстѣ съ этимъ дви-

1) М. Ш. біогр. Ванъ-юэ, 171 цз., 22 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.
3) М. Ш. біогр. Чжу-хуй'я.

женіемъ на сѣверо-западной границѣ кочевники сдѣлали такой-же шагъ и на востокѣ; въ количествѣ 8 тысячъ человѣкъ они осѣли въ мѣстности Ляо-дунъ, откуда и производили многочисленные набѣги на окрестныя мѣстности, между прочимъ, на Гань-шэнь-пу [1]), гдѣ совершили страшныя опустошенія. Это движеніе монголовъ съ цѣлью обосноваться прочно на самой границѣ Китая не замедлило произвести должное впечатлѣніе на пекинскій дворъ. Немедленно по полученіи извѣстія объ этихъ двухъ захватахъ одинъ изъ столичныхъ чиновниковъ, Ши-ланъ Ванъ-ао (王鏊), представилъ императору докладъ, ярко обрисовывавшій отчаянное положеніе китайскихъ пограничныхъ дѣлъ того времени [2]). «Имперія», говорится въ этомъ докладѣ, «не можетъ быть спокойна ни утромъ, ни вечеромъ. Пограничные чиновники сидятъ по городамъ, ожидая прихода враговъ, и нѣтъ никого, кто-бы осмѣлился открыто сразиться съ ними, это даже непонятно. Въ настоящее время Хо-шай и Сяо-ванъ-цзы не такъ страшны, какъ любимцы царскіе, которые производятъ путаницу въ дѣлахъ государственныхъ, не дѣлая никакой разницы между заслугами и преступленіями. Нѣтъ полномочныхъ полководцевъ, никто не слушаетъ повелѣній царскихъ. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ нѣтъ защитниковъ. Такого положенія дѣлъ должно опасаться болѣе всего. Вслѣдствіе чрезмѣрной снисходительности столичныхъ властей, пограничные чиновники совершенно излѣнились и храбрость войскъ съ каждымъ днемъ уменьшается. Въ виду этого, прошу Ваше Величество, сообразно съ обстоятельствами и по возможности часто созывать старыхъ сановниковъ и совѣщаться съ ними о пограничныхъ дѣлахъ. При этомъ слѣдуетъ разбирать, кто храбръ и кто трусъ. Преступленія необходимо непремѣнно наказывать, а заслуги награждать. Должно назначить главнокомандующаго съ самыми широкими полномочіями и раздѣлять

---

1) По картѣ Цзю-бянь-юй-ту крѣпость эта лежала къ юго-западу отъ Кай-юан'я.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

таковыя нельзя. Слѣдуетъ щедро награждать семьи лицъ, павшихъ въ сраженіяхъ. Въ войска должно набирать солдатъ изъ пограничнаго населенія и притомъ изъ храбрѣйшихъ людей. Слѣдуетъ пускать въ ходъ шпіоновъ и употреблять агентовъ для поселенія раздора между отдѣльными племенами монголовъ. Войска должно направлять разными путями, устраивать засады и внезапныя нападенія. Только при этихъ условіяхъ непріятель не осмѣлится вторгаться глубоко въ предѣлы государства [1])».

Докладъ этотъ былъ одобренъ императоромъ, но практическаго примѣненія ему не дали. Судить объ этомъ мы можемъ изъ того, что никакихъ важныхъ распоряженій относительно пограничныхъ дѣлъ не послѣдовало, и все оставлено было по старому.

Проникнувшій въ Хэ-тао Сяо-ванъ-цзы сдѣлалъ изъ этой плодородной мѣстности базу для своихъ нападеній на китайскіе предѣлы. Въ 1501 году онъ совершилъ опустошительный набѣгъ на Нинъ-ся. Тамъ его встрѣтилъ Чжу-хуй съ Ши-лин'омъ и Мяо-куй'емъ. Когда китайцы приблизились къ Нинъ-ся, то монголы, успѣвшіе тѣмъ временемъ досыта награбить, поспѣшили удалиться нагруженные добычей [2]). Гоняясь за военной славою, Чжу-хуй рѣшилъ, однако, сдѣлать нападеніе на самое гнѣздо кочевниковъ въ Хэ-тао. Прослышавъ объ этомъ движеніи, монголы стали отступать весьма быстро, и китайскій историкъ съ горестью сообщаетъ, что за всю эту компанію было убито всего трое кочевниковъ [3]). Объ этомъ походѣ на Хэ-тао и о быстромъ отступленіи монголовъ мы находимъ извѣстіе и въ Алтанъ-тобчи (стр. 95 монг. текста). Отступленіе это было, конечно, притворнымъ. Весьма скоро кочевники вернулись обратно и произвели нападенія на Пинъ-лянъ и Цинъ-янъ. Все пограничное населеніе было въ ужасѣ; военачальники заперлись въ городахъ; самъ главнокомандующій Чжу-хуй оказался не храбрѣе своихъ сподвижниковъ, и не торопился идти на выручку опустошаемыхъ мѣст-

1) М. Ш. біогр. Ванъ-ао, 181 цз., 21 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.
3) М. Ш. біогр. Чжу-хуй'я.

ностей. Впрочемъ, онъ имѣлъ маленькую стычку съ монголами, и въ ней убито было всего 12 человѣкъ непріятелей, причемъ этого было, конечно, достаточно для составленія напыщенной реляціи о блестящей побѣдѣ. По этому поводу историкъ Минъ-ши, не сдерживая своего негодованія, откровенно порицаетъ поведеніе Чжу-хуй'я и ярко обрисовываетъ всю тяжесть поборовъ, которые были налагаемы на народъ, а также описываетъ страданія населенія отъ страшнаго буйства плохо дисциплинированныхъ солдатъ. «Все это», восклицаетъ китайскій историкъ, «было сдѣлано для того, чтобы убить пятнадцать человѣкъ непріятелей»! Не смотря на представленія столичныхъ чиновниковъ о необходимости строго отнестись къ поведенію Чжу-хуй'я и его сподвижниковъ, императоръ продолжалъ вѣрить симъ послѣднимъ, и на представленія ихъ о блестящихъ побѣдахъ надъ врагами отвѣчалъ щедрыми наградами. Не менѣе 210 офицеровъ получило при этомъ повышеніе, а самому Чжу-хуй'ю, при возвращеніи его въ столицу, была устроена торжественная встрѣча [1]). Несомнѣнно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу китайское правительство не могло расчитывать на удачу въ отраженіи монгольскихъ набѣговъ. Характеристичною чертою нападеній кочевниковъ того времени является ихъ строгая систематичность, съ которою намъ не приходилось встрѣчаться раньше. Ихъ нельзя уже считать случайными разбойничьими набѣгами, а скорѣе строго расчитанными и правильно организованными военными предпріятіями. Именно такой правильный характеръ является отличительной чертой нападенія, совершеннаго монголами въ 1502 году.—Изъ Ляо-дун'а они вторглись въ Цинъ-хэ-пу (清河堡) [2]) и достигли Ми-юн'я; оттуда прошли чрезъ сѣверную часть Чжи-ли и Шань-си и разграбили Пянь-тоу-гуань (偏頭關) [3]). Осенью того же года кочевники вознамѣрились повторить нападеніе и

1) М. Ш. біогр. Чжу-хуй'я.

2) Цинъ-хэ-пу лежало въ пр. Чжи-ли, обл. Гуанъ-пинъ-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

3) По картѣ Ц. Б. Ю. Т. укрѣпленіе Пянь-тоу-гуань находилось къ юго-зап. отъ Гуй-хуа-чэн'а.

вторглись снова въ Ляо-дунъ съ 5.000 конницы, но, на этотъ разъ, набѣгъ ихъ окончился неудачно; — цзунъ-бин'у Лю-сян'у (劉祥) удалось отразить непріятеля[1]). Слѣдующій годъ былъ сравнительно спокойнымъ, и въ Минъ-ши нѣтъ упоминанія о какихъ-либо значительныхъ набѣгахъ со стороны монголовъ.

Столь рѣзкіе переходы отъ воинственности къ почти полному миролюбію свидѣтельствуютъ, по моему мнѣнію, о существованіи среди монголовъ двухъ партій, находившихся въ прямой оппозиціи другъ къ другу. Одна изъ нихъ стояла за войну, другая за миръ. Если придерживаться мнѣнія китайцевъ по этому предмету, то надо думать, что сторонниками мирныхъ сношеній были князья монгольскіе; за войну-же стояли ихъ подданные, которые получали свою долю награбленной добычи и не видѣли для себя никакой пользы отъ подарковъ, жалуемыхъ пекинскимъ дворомъ ихъ предводителямъ[2]). Въ 1503 г. и началѣ 1504 г. партія мира успѣла, повидимому, одержать верхъ. — Было даже отправлено къ китайскому двору посольство съ просьбою о разрѣшеніи являться съ данью. Позволеніе было дано, но оказалось напраснымъ, такъ какъ ко времени полученія его, народная партія уже успѣла взять перевѣсъ, и снова предпринятъ былъ походъ, во время коего разграблена была область Да-тунъ[3]). Въ 1505 г., весною, кочевники совершили набѣгъ на провинцію Гань-су, захватили Хуа-ма-чи, разграбили цѣлый рядъ пограничныхъ поселеній и широкимъ потокомъ разлились по всей окрестной странѣ[4]). Всѣ попытки китайскихъ военачальниковъ остановить непріятеля окончились полною неудачею. Монголы распространили свои нападенія на востокѣ до Сюань-хуа-фу[5]). Во время такого критическаго положенія дѣлъ, умеръ императоръ Сяо-цзунъ (孝宗) (Хунъ-чжи) и вступилъ на престолъ сынъ его У-цзунъ (武宗).

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13—14 лл.
2) У. Б. Д. Ц. 8 цз., 46 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.
4) М. Ш. Бэнь-цзи, 12 цз., 12 л.
5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

Въ VII-ой главѣ я закончилъ разсказъ о событіяхъ на сѣверо-западной границѣ Китая упоминаніемъ объ усиленіи Турфана. Въ 1469 году вступилъ въ управленіе этимъ княжествомъ А-ли (阿力). Онъ первый началъ величать себя султаномъ и въ обращеніяхъ своихъ къ китайскому двору выказывалъ крайнюю требовательность и дерзость. Посланцы его прямо заявляли пекинскимъ чиновникамъ, чтó собственно имъ желательно было-бы получить въ даръ, причемъ просили такихъ предметовъ, которые являются въ Китаѣ аттрибутами императорскаго достоинства, а именно—кречетовъ, шитыхъ драконами платьевъ и т. п. Уже одного предъявленія такихъ требованій было достаточно для того, чтобы поссорить турфанскаго владѣльца съ пекинскимъ дворомъ и поселить въ послѣднемъ подозрѣніе относительно благонадежности дружбы этого княжества. Между тѣмъ, близорукая политика Сына Неба способствовала развитію честолюбивыхъ замысловъ А-ли. Мы уже видѣли[1]), что къ началу 70-хъ годовъ XV-го столѣтія всѣ сосѣднія съ Турфаномъ небольшія княжества были въ такомъ безпомощномъ положеніи, что не могли, конечно, оказывать своему сосѣду сколько нибудь серьезное сопротивленіе. Задавшись честолюбивыми цѣлями, А-ли долженъ былъ естественно обратить прежде всего вниманіе на Хами. Тамъ, по смерти Ба-та-му-эрр'а, княжеское достоинство наслѣдовалъ сынъ его Хань-шэнь, который, какъ мы видѣли выше, былъ утвержденъ китайцами въ этомъ званіи лишь условно, безъ разрѣшенія ему заниматься дѣлами правленія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого распоряженія явилась неурядица, которою и поспѣшилъ воспользоваться А-ли. Онъ напалъ на Хами, гдѣ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія, и захватилъ бывшую регентшу Ну-вэнь-да-ши-ли, а также княжескую золотую печать[2]). Одолѣвъ Хами, А-ли немедленно-же сталъ помышлять о подчиненіи другихъ мелкихъ сосѣднихъ княжествъ. Онъ отправилъ, между прочимъ,

1) См. выше стр 98.
2) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 21 л.

посланца къ одному изъ Чи-цзинь'скихъ правителей, Кунь-цзан'у, (昆 藏), гдѣ встрѣтилъ, однако, неожиданный отпоръ. Кунь-цзанъ не только не поддался на приглашеніе А-ли, но даже убилъ его посланца и представилъ въ Пекинъ письмо турфанскаго владѣльца. Императоръ остался, конечно, чрезвычайно доволенъ этимъ проявленіемъ вѣрности и счелъ своимъ долгомъ выразить Чи-цзинь'скому владѣльцу свое удовольствіе, причемъ убѣждалъ его прямо перейти въ наступленіе и начать противъ Турфана враждебныя дѣйствія. На это Кунь-цзанъ, однако, не согласился и выразилъ лишь готовность присоединиться къ китайской экспедиціи, когда таковая будетъ снаряжена [1]). Вскорѣ пограничному начальнику Ли-вэн'ю (李 文) было поручено ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Думая, что вліяніе и престижъ Сына Неба еще достаточно велики здѣсь, Ли-вэнь отправилъ изъ Су-чжоу чиновника Ма-цзюн'я (馬 俊) съ порученіемъ убѣдить А-ли возвратить все незаконно захваченное имъ. Взявъ съ собою составленный въ этомъ дидактическомъ духѣ императорскій указъ, Ма-цзюнь отправился въ Хами. Тамъ онъ уже не засталъ А-ли; — послѣдній вернулся въ Турфанъ, оставивъ охранителемъ Хами своего зятя Я-лан'я (牙 蘭) съ большимъ гарнизономъ. Я-лань встрѣтилъ китайскаго посланца далеко недружелюбно и продержалъ его взаперти мѣсяцъ слишкомъ. Худшей участи Ма-цзюнь избѣгъ лишь благодаря внезапно распространившейся вѣсти о приближеніи 30.000-го китайскаго корпуса. Услышавъ объ этомъ, А-ли поспѣшилъ въ Хами, выпустилъ китайскаго посланца изъ тюрьмы, угостилъ его и разрѣшилъ повидаться съ матерью хана. Послѣдняя въ присутствіи турфанскаго князя не осмѣлилась, конечно, ничего сказать, но затѣмъ ночью нашла случай снестись съ Ма-цзюн'емъ, причемъ умоляла его передать императору о необходимости сдѣлать рѣшительный шагъ для освобожденія Хами. Мольба энергичной ханши возымѣла, повидимому, должное дѣйствіе на китайское правительство.—Ли-вэн'ю

---

1) М. Ш. отд. Чи-цзинь, 330 цз., 21 л.

было предписано организовать походъ противъ турфанцевъ, вступивъ предварительно въ соглашеніе съ Чи-цзинь'цами, Хань-дун'-цами и уцѣлѣвшими отъ погрома Хамійцами. Набравъ не безъ труда такую смѣшанную армію, китайцы начали въ концѣ 1474 года движеніе на Турфанъ, но, дойдя до мѣстности Бу-лунъ-цзи-эрръ-чуань (卜隆吉兒川), остановились. Здѣсь было получено извѣстіе, что А-ли, нисколько не страшась дѣлаемыхъ противъ него приготовленій, самъ собираетъ войско и намѣренъ, между прочимъ, сдѣлать нападеніе на земли Хань-дун'цевъ и Чи-цзин'цевъ. Вѣсть эта не замедлила произвести панику въ сбродномъ отрядѣ, и солдаты, принадлежавшіе къ двумъ этимъ племенамъ, поспѣшили возвратиться во свояси для защиты своихъ домовъ. Оставшееся-же войско было недостаточно сильно, чтобы противустоять врагамъ, и китайскій военачальникъ рѣшилъ возвратиться въ пограничныя укрѣпленія Су-чжоу и Ку-юй. Въ послѣднемъ имѣлъ свое временное мѣстопребываніе хамійскій владѣлецъ Хань-шэнь[1]). Такъ печально окончилась эта демонстрація китайцевъ противъ возраставшаго не по днямъ, а по часамъ могущества Турфана. Послѣ того, пекинское правительство ограничивалось лишь пассивною дѣятельностью по отношенію къ этому безпокойному сосѣду, оказывая подъ рукою поддержку притѣсняемымъ имъ небольшимъ княжествамъ. Такъ матеріальная поддержка была оказана главарю племени Мѣ-кэ-ли (乜克力), То-то-бу-хуа (脫脫卜花), Хань-дун'скому начальнику Чи-бу (聆卜), а также изгнанному хамійскому владѣльцу Хань-шэн'ю, который, хотя и пострадалъ болѣе другихъ, однако, не терялъ бодрости и продолжалъ надѣяться на возвращеніе своего княжества[2]). Видя, что въ Пекинѣ отказались, повидимому, отъ мысли серьезно противиться ему, А-ли продолжалъ свои сношенія съ императоромъ, отправляя въ столицу его по прежнему посольства, но уже не стѣсняясь при этомъ, конечно, ни временемъ посылки таковыхъ,

---

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 6 л.
2) У. Б. Д. Ц. 13 цз., 38 л.

ни количествомъ отправляемыхъ посланцевъ. Въ Пекинѣ турфанцевъ принимали очень милостиво, не задавали имъ лишнихъ вопросовъ и удовлетворяли, по возможности, всѣмъ ихъ требованіямъ, которыя росли пропорціонально уступчивости китайцевъ. Историкъ Минъ-ши съ негодованіемъ сообщаетъ при этомъ, что, наконецъ, дошло до того, что турфанцы потребовали себѣ въ даръ слоновъ, но имъ на это отвѣтили, что слоны составляютъ принадлежность императорскаго кортежа и могутъ быть приносимы въ даръ Сыну Неба, но раздавать ихъ послѣдній никакъ не можетъ. Не удовольствовавшись такимъ категорическимъ отказомъ, турфанскіе посланцы продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ, причемъ нашли возможнымъ даже поставить на видъ китайскому правительству, что ему слѣдовало-бы стараться жить въ мирѣ съ султаномъ турфанскимъ, который усилился настолько, что могъ захватить Хами и 10,000 ойратовъ[1]). Изъ этого отрывка рѣчи турфанскаго посланца мы узнаемъ, что и значительное число ойратовъ подпало подъ власть этого вновь усилившагося княжества. То были, несомнѣнно, тѣ изъ ойратовъ, которые находились въ союзѣ съ хамійцами и, вмѣстѣ съ ними, являлись съ данью въ Пекинъ. О сношеніяхъ, происходившихъ въ это время между ойратами и хамійцами, мы узнаемъ, между прочимъ, изъ донесенія цзунъ-бин'а Цзянъ-юан'я (蔣 琬). Этотъ пограничный начальникъ сообщаетъ въ 1469 году своему правительству, что ойратскій главарь Бай-и-са-ха (拜 亦 撒 哈) явился съ 400 вооруженными людьми въ Хами, и сталъ уговаривать мѣстныхъ жителей избрать изъ своей среды посольство для представленія дани[2]). Эта дружба хамійцевъ съ ойратами не могла очевидно нравиться турфанскому султану, который, покоривъ Хами, постарался подчинить себѣ и нѣкоторыя изъ ойратскихъ племенъ. Хотя турфанскіе посланцы и позволяли себѣ въ сношеніяхъ съ пекинскимъ дворомъ такой высокомѣрный тонъ,

---

1) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 21 л.
2) У. Б. Д. Ц. 129 цз., 9 л.

однако, А-ли не считалъ себя еще достаточно сильнымъ для того, чтобы выступить открытымъ противникомъ китайцевъ, полагая не безъ основанія, что поддерживать, при такихъ обстоятельствахъ, дружественныя отношенія выгоднѣе и желательнѣе полнаго разрыва. Руководствуясь этими соображеніями, турфанскій князь продолжалъ отправлять въ столицу Богдохана своихъ посланцевъ и не отказывался отъ подачекъ китайцевъ. Такое неопредѣленное положеніе дѣлъ тянулось довольно долго, но, наконецъ, это надоѣло китайцамъ, и они рѣшили обставить болѣе правильно свои отношенія къ Турфану. Случай для этого не замедлилъ представиться, а именно: А-ли обратился къ пекинскому правительству съ просьбою признать его султаномъ. Условіями такого признанія императоръ поставилъ освобожденіе хамійской ханши-регентши и возвращеніе золотой ханской печати. Въ 1476 году въ Пекинъ пришло извѣстіе, что ханша Ну-вэнь-даши-ли скончалась въ плѣну, а А-ли не выказываетъ желанія возвращать золотую печать. Въ виду этого императоръ приказалъ прекратить на будущее время пріемъ турфанскихъ посланцевъ. Между тѣмъ, въ 1478 году А-ли умеръ и наслѣдовалъ ему сынъ его А-хѣй-ма, который не замедлилъ послать въ Пекинъ увѣдомленіе о своемъ вступленіи въ управленіе [1]).

Хамійскій князь Хань-шэнь, повидимому, не даромъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ отведенномъ ему китайцами пріютѣ, Ку-юй'ѣ. Здѣсь подъ крылышкомъ и непосредственною защитою Китая, онъ успѣлъ окрѣпнуть и даже сталъ питать смѣлые замыслы о возвращеніи своего княжества. Онъ успѣлъ условиться съ Хань-дун'цами и Чи-цзинь'цами, собралъ около 12.000 войска и произвелъ неожиданное ночное нападеніе на Хами [2]). Въ осуществленіи этого смѣлаго предпріятія ему помогли также Гань-су'скіе пограничные начальники [3]). Я-лань, сидѣвшій тамъ турфанскимъ намѣстникомъ, не выдержалъ этого внезапнаго нападенія и бѣ-

1) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 21 л.
2) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 7 л.
3) У. Б. Д. Ц. 13 цз., 42 л.

жалъ. Пользуясь происшедшимъ смятеніемъ, Хань-шэнь захватилъ и еще 8 городовъ, занявъ такимъ образомъ всѣ принадлежавшія ему прежде земли. Пограничный губернаторъ Ванъ-чао-юань (王朝遠) не замедлилъ сдѣлать представленіе объ этомъ въ Пекинъ, гдѣ, конечно, чрезвычайно обрадовались такому обороту дѣла и поспѣшили пожаловать Хань-шэн'ю награду. Губернаторъ желалъ, между тѣмъ, воспользоваться успѣхомъ хамійцевъ, дабы водворить прочный порядокъ въ пограничныхъ областяхъ. Съ этою цѣлью, онъ предложилъ пекинскому правительству взять на себя роль посредника между Турфаномъ и Хами, воспользоваться неудачею турфанцевъ и побудить ихъ возвратить Хань-шэн'ю захваченную имъ ханскую золотую печать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторъ просилъ о возведеніи Хань-шэн'я въ ханское достоинство, дабы онъ могъ, такимъ образомъ, сдѣлаться полновластнымъ и вполнѣ законнымъ владѣльцемъ своего удѣла. Къ просьбѣ губернатора присоединили свое ходатайство и сами хамійцы, но какъ разъ когда слѣдовало дѣйствовать быстро и энергично, въ Пекинѣ почему-то медлили; ханское достоинство не сочли возможнымъ даровать Хань-шэн'ю, а ограничились лишь пожалованіемъ ему ничтожнаго денежнаго подарка въ размѣрѣ 100 ланъ и 10 шелковыхъ одеждъ [1]). Всѣ эти событія имѣли мѣсто въ 1482 году, и такое неопредѣленное положеніе продолжалось до 1488 года. Наконецъ, чрезъ шесть лѣтъ только, китайцы надумались и возвели Хань-шэн'я въ званіе Чжунъ-шунь-ван'а, узаконивъ, такимъ образомъ, его власть въ княжествѣ. Но было уже слишкомъ поздно. Турфанцы окончательно оправились отъ пораженія, нанесеннаго имъ хамійскимъ княземъ; наслѣдникъ А-ли, А-хэй-ма (阿黑麻), успѣлъ утвердиться во власти, и взоры его снова обратились на Хами. При этомъ онъ дѣйствовалъ, повидимому, въ союзѣ съ ойратами. Мы имѣемъ извѣстіе, что Хань-шэнь въ 1487 году донесъ пограничному начальнику Чжоу-юй'ю (周玉), что ойратскій главарь Янъ-хань

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 7 л.

(養罕) угрожаетъ ему во главѣ 7.000 отряда, расположеннаго въ мѣстности Ба-сы-ко (把思闊)(?); съ другой стороны, въ мѣстности Ча-хань-а-ла-тѣ-эрръ (察罕阿刺帖兒) (?) собрались еще полчища ойратовъ подъ предводительствомъ Тайши А-шао (阿沙) съ подчиненными ему Ба-ту-са (把禿撒) и У-ма-шэ (兀麻捨)[1]. Не вполнѣ надѣясь на силы свои въ открытой борьбѣ, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Собравъ небольшое войско, онъ явился подъ стѣны Хами и, подъ предлогомъ сватовства, выманилъ Хань-шэн'я изъ города и убилъ. Съ извѣстіемъ объ этомъ явился въ Пекинъ одинъ изъ хамійскихъ главарей, А-му-лань (阿木郎)[2].

Китайское правительство и въ этомъ случаѣ не рѣшилось лично принять какое либо участіе въ этомъ дѣлѣ и предпочло, оставаясь въ сторонѣ, дѣйствовать лишь своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Находившемуся въ то время въ Гань-чжоу турфанскому посланцу было приказано вернуться во свояси и передать князю повелѣніе императора, чтобы захваченныя области были возвращены. А-хѣй-ма отлично зналъ, однако, цѣну китайскимъ угрозамъ, и относился къ нимъ довольно равнодушно. Турфанцы вскорѣ снова появились съ данью, и у пекинскаго правительства не хватило достаточно послѣдовательности и настойчивости, чтобы придерживаться по отношенію къ этимъ заносчивымъ сосѣдямъ сколько-нибудь твердаго и достойнаго образа дѣйствій. Какъ-бы то ни было, китайцы всетаки рѣшились на полумѣру, и, по предложенію чиновниковъ, завѣдующихъ церемоніальными дѣлами, турфанскимъ посланцамъ были уменьшены нѣсколько награды и ихъ даже задержали не на долго въ столицѣ[3]). Такая, повидимому, невинная репрессалія со стороны пекинскаго двора, возъимѣла, однако, свое дѣйствіе и заставила турфанцевъ, какъ увидимъ ниже, значительно спустить тонъ.

---

1) У. Б. Д. Ц. 14 цз., 12 л.

2) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 7 л.

3) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 12 л.

Этому способствовало, впрочемъ, главнымъ образомъ, движеніе, начавшееся въ Хами и имѣвшее неблагопріятный для турфана оборотъ. Несмотря на постоянныя и жестокія неудачи, понесенныя хамійцами, въ нихъ продолжало жить стремленіе къ самостоятельности. Мы уже видѣли, что въ Хами постоянно появлялись энергичныя личности, дѣйствовавшія умѣло и удачно. Выше я упоминалъ объ А-му-лан'ѣ, бѣжавшемъ въ Пекинъ съ извѣстіемъ о гибели Хань-шэн'я. Пока онъ поддерживалъ дѣло своихъ соотечественниковъ въ китайской столицѣ, соплеменники его на мѣстѣ тоже не сидѣли сложа руки. Не далѣе какъ въ 1489 году нѣкто Чжо-бу-ду поднялъ знамя возстанія противъ ненавистнаго ига турфанцевъ. Собравъ горсть храбрецовъ онъ двинулся на Хами, разбилъ Я-лан'я, который былъ снова поставленъ здѣсь турфанскимъ намѣстникомъ, убилъ его младшаго брата и нѣсколько передавшихся турфанцамъ хамійскихъ главарей и возвратилъ многихъ плѣнныхъ и угнанный скотъ. Узнавъ объ этомъ, пекинское правительство роздало побѣдителямъ чиновныя званья и пожаловало имъ награды. Болѣе существенной поддержки оказано не было, и хамійцы были опять-таки предоставлены собственнымъ силамъ. Дѣятельнымъ лицомъ во время этого возстанія явился также А-му-лань. Узнавъ объ успѣхѣ Чжо-бу-ду, онъ поспѣшилъ изъ Пекина на границу. Здѣсь онъ узналъ, что весь гарнизонъ, оставленный въ Хами турфанцами, состоитъ лишь изъ 60 человѣкъ и что, слѣдовательно, съ нимъ не трудно справиться. Ему удалось уговорить пограничныхъ чиновниковъ сдѣлать распоряженіе, чтобы Чи-цзинь'цы и Хань-дун'цы оказали ему помощь, и, при ихъ содѣйствіи, ночью напалъ на Хами. Атака его увѣнчалась успѣхомъ: Я-лань былъ разбитъ и городъ захваченъ. Какъ разъ въ это время произошла вышепомянутая задержка турфанскихъ посланцевъ въ Пекинѣ. Успѣхъ хамійцевъ заставилъ А-хэй-ма сдѣлаться болѣе уступчивымъ и покорнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ Сыномъ Неба. Тотчасъ-же онъ снарядилъ въ Пекинъ новое посольство, которое представило, между прочимъ, въ дань львовъ. Подарокъ этотъ такъ понра-

вился императору, что онъ готовъ былъ за него простить турфанцамъ всѣ ихъ прежнія провинности. Къ счастью, однако, этотъ великодушный порывъ былъ во время остановленъ ближайшими совѣтниками Сына Неба, которые поставили на видъ своему повелителю необходимость обращаться съ меньшею предупредительностью съ инородческими посланцами вообще, а съ заносчивыми турфанцами въ особенности. Въ виду постоянныхъ успѣховъ хамійцевъ, которые, понемногу отбивали у турфанцевъ всѣ свои города, послѣдніе продолжали заискивать у Китая. Въ 1491 году А-хѣй-ма снова прислалъ въ даръ императору львовъ и предложилъ возвратить золотую хамійскую печать, а также всѣ захваченные ранѣе одинадцать городовъ ихъ [1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, къ тому времени, когда предложеніе это было сдѣлано, города эти находились фактически въ рукахъ хамійцевъ. На этотъ разъ пекинское правительство постаралось, по возможности, быстро уладить хамійское дѣло. Главнымъ дѣятельнымъ лицомъ въ столицѣ явился при этомъ нѣкто Ма-вэнь-шэнъ (馬文升). Интересна та рѣчь, которую онъ держалъ въ совѣтѣ государственныхъ чиновъ, при обсужденіи этого вопроса: «Въ Хами», говорилъ онъ, «съиздавна живутъ совмѣстно самые разнородные элементы; здѣсь есть мусульмане, уйгуры, въ горахъ къ сѣверу отъ Хами живутъ еще Сяо-лѣ-ту (小列秃) и Мѣкэ-ли. Всѣ эти народности постоянно притѣсняютъ другъ друга и никто изъ нихъ не имѣетъ достаточно силы, чтобы окончательно одержать верхъ надъ другими. *Одни монголы пользуются въ этихъ мѣстахъ несомнѣннымъ авторитетомъ, и безъ ихъ помощи добиться тамъ порядка невозможно.* Вотъ почему нужно избрать какого-нибудь потомка монгольскихъ хановъ, котораго и слѣдуетъ поставить управителемъ Хами. Самымъ подходящимъ кандидатомъ для этого мѣста слѣдуетъ признать внучатнаго племянника покойнаго Чжунъ-и-ван'а То-то, по имени Шань-ба (陕巴) [2])».

---

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 8 л.
2) Ibid.

Интересъ этой рѣчи заключается въ категорическомъ утвержденіи Ма-вэнь-шэн'а, что монголы пользовались въ Притяньшаньи большимъ авторитетомъ. Не вдаваясь въ дальнія разсужденія о цѣлесообразности предлагаемаго Ма-вэнь-шэн'омъ образа дѣйствій, императоръ одобрилъ его планъ, тѣмъ болѣе, что и сами заинтересованныя въ дѣлѣ выбора князя хамійцы просили, чтобы ханомъ имъ былъ назначенъ именно Шань-ба, а никто другой. Въ 1492 году это и было исполнено. Шань-ба былъ возведенъ въ званіе Чжунъ-шунь-ван'а, и императоръ пожаловалъ ему шапку, форменное платье, а также орудія для укрѣпленія города. Ближайшими помощниками новаго князя явились А-му-лань и Янь-кэ-бо-ла (奄克孛剌), коимъ также пожалованы были чиновныя званья. Оказалось, однако, что китайцы слишкомъ поздно взялись за умъ и позволили анархіи пустить въ Хами слишкомъ глубокіе корни. Различныя племена, составлявшія населеніе оазиса, расчитывали, повидимому, поживиться отъ своего новаго владѣльца и стали требовать отъ Шань-ба подарковъ и милостей для своихъ главарей. Шань-ба не имѣлъ, конечно, возможности удовлетворить всѣхъ, и они стали питать къ своему новому князю далеко не дружелюбныя чувства. Весьма естественно поэтому, что, вмѣсто того, чтобы заботиться объ утвержденіи порядка, Шань-ба долженъ былъ снисходительно относиться къ грабительскимъ наклонностямъ своихъ новыхъ подданныхъ. Въ томъ-же 1492 году одинъ изъ главныхъ его помощниковъ А-му-лань, съ шайкою Мѣ-кэ-лис'цевъ, напалъ на турфанскіе табуны и угналъ отъ нихъ изрядное количество лошадей и коровъ. Вражда между двумя княжествами возгорѣлась немедленно съ новою силою. По той быстротѣ, съ которою турфанцы появились подъ стѣнами Хами, можно думать, что они только ожидали предлога, для того, чтобы начать военныя дѣйствія. Весною 1493 года А-хѣй-ма ночью напалъ на Хами и взялъ городъ, убивъ слишкомъ сотню его защитниковъ; половина хамійскаго населенія покорилась, а остальные бѣжали. Шань-ба съ А-му-лан'емъ укрѣпились въ мѣстечкѣ Да-ту-ла (大土剌) и засѣли тамъ по-

видимому, довольно прочно, такъ какъ А-хѣй-ма въ теченіи трехъ дней не могъ захватить занятую ими позицію. А-му-лань даже успѣлъ призвать на помощь войско Мѣ-кэ-ли'сцевъ и ойратовъ, но ихъ вспомогательные отряды были отбиты турфанцами. Наконецъ, укрѣпленіе Да-ту-ла было взято и Шань-ба захваченъ въ плѣнъ. Власть Турфана была снова возстановлена въ полной силѣ въ хамійской области и Я-лань былъ опять назначенъ здѣшнимъ намѣстникомъ. Немедленно-же полетѣли донесенія въ Пекинъ, причемъ наиболѣе энергичные изъ пограничныхъ чиновниковъ предлагали принять рѣшительныя мѣры противъ Турфана, — набрать значительное войско и разбить Я-лан'я, а затѣмъ начать движеніе и противъ самаго А-хѣй-ма. Менѣе рѣшительные предлагали ограничиться однимъ лишь нравственнымъ давленіемъ на турфанцевъ и заставить ихъ выдать плѣннаго хамійскаго князя. Какъ и нужно было предполагать, пекинское правительство предпочло дѣйствовать согласно послѣднему, болѣе безопасному плану. Послѣдовало распоряженіе о задержаніи пришедшихъ изъ турфана посланцевъ съ данью, причемъ приказано было отпустить изъ нихъ лишь нѣсколько человѣкъ, которые должны были возвратиться во свояси и объявить о повелѣніи императора. Для выясненія всего этого дѣла, со стороны китайцевъ, были командированы Ши-ланъ военнаго министерства Чжанъ-хай (張海) и еще нѣкто Хоу-цянь (緱謙). Оба эти чиновника не имѣли, повидимому, никакого понятія о пограничныхъ дѣлахъ и не рѣшились ни въ чемъ преступить букву своихъ инструкцій. Прибывъ въ Гань-чжоу, они распорядились лишь отправкою обратно въ Турфанъ нѣкоторыхъ изъ пришедшихъ въ этотъ пограничный городъ посланцевъ А-хѣй-ма. Въ слѣдующемъ 1494 году турфанскій князь снова прислалъ людей съ данью; они подошли къ пограничному сторожевому посту, увѣряли, что повелитель ихъ намѣренъ освободить плѣннаго хамійскаго князя и просили объ отпускѣ задержанныхъ ранѣе посланцевъ. По полученіи объ этомъ донесенія отъ Чжанъ-хай'я, въ Пекинѣ собранъ былъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было придерживаться въ турфано-хамій-

скомъ вопросѣ прежней выжидательной и пассивной политики. Отказываясь отъ прямаго участія въ этомъ дѣлѣ, пекинское правительство не прочь было, однако, загребать жаръ чужими руками, и пограничнымъ чиновникамъ было предписано подговаривать Чи-цзинь'скихъ монголовъ и Хань-дун'цевъ, собрать войско, напасть на Хами и постараться убить тамошняго турфанскаго вамѣстника Я-лан'я. Въ тоже время рѣшено было запереть проходъ Цзя-юй-гуань и укрѣпить городъ Ку-юй, гдѣ, между прочимъ, предположено было поселить разношерстное инородческое населеніе, жившее, до тѣхъ поръ, въ разныхъ округахъ Гань-чжоу и Лань-чжоу. Для прочнаго насажденія здѣсь колонизаціи, проектировалось даже выдать этимъ будущимъ поселенцамъ скотъ и полевыя орудія. Что-же касается до вновь поставленнаго хамійскаго князя Шань-ба, то въ Пекинѣ не затруднились отступиться отъ него. Было послано предписаніе лишить его только что дарованнаго ему ханскаго титула и поселить его въ Гань-чжоу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и вся система подчиненія разнородныхъ хамійскихъ племенъ одному главѣ признана была несостоятельною. Вмѣсто того, предполагалось ввѣрить управленіе Хами Янь-кэ-бо-ла совмѣстно съ мусульманскимъ начальникомъ Сѣ-и-ху-сян'емъ (寫亦虎仙) и Ха-ла-хуй'скимъ (哈刺灰) главаремъ Бай-дѣ-ли-ми-ши (拜迭力迷失). Узнавъ изъ составленнаго именно въ такомъ духѣ предписанія, что въ Пекинѣ отказались отъ всякаго активнаго участія въ пограничныхъ дѣлахъ, Чжанъ-хай и Хоу-цянь чрезвычайно обрадовались, закрыли Цзя-юй-гуань'скій проходъ, укрѣпили городъ Ку-юй, озаботились кое-какъ основаніемъ въ окрестностяхъ его колоній инородцевъ и поспѣшили пуститься въ обратный путь. Въ Пекинъ они прибыли осенью 1495 года. Здѣсь на нихъ обрушились всѣ столичные цензоры, обвиняя ихъ въ бездѣятельности, лѣности, глупости и прося о примѣрномъ ихъ наказаніи; Чжанъ-хай'я и Хоу-цян'я лишили чиновнаго званья [1]).

---

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 9 л.

Въ это время выступилъ съ новымъ предложеніемъ Мавэнь-шэнъ, который, какъ мы видѣли выше, уже игралъ ранѣе видную роль при обсужденіи хамійскаго вопроса. Не довольствуясь безцѣльнымъ столичнымъ разглагольствованіемъ, онъ вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ пограничныхъ чиновниковъ, по имени Янъ-чжу (楊翥), прося его высказать свое мнѣніе по этому вопросу. Знакомый съ мѣстными условіями Янъ-чжу заявилъ, что нападеніе на Хами не представляетъ особенныхъ затрудненій тѣмъ болѣе, что существуетъ хорошо знакомая ему дорога чрезъ Хань-дунъ, по которой до Хами можно добраться не болѣе какъ въ 10 дней. Успѣхъ въ этомъ случаѣ представлялся несомнѣннымъ, такъ какъ движеніе въ этомъ направленіи можно было предпринять безъ вѣдома непріятеля. Составленъ былъ планъ, условились въ подробностяхъ и посланы были инструкціи пограничному губернатору Сюй-цзин'ю (許進). Благодаря нѣкоторому промедленію, случившемуся при отдачѣ распоряженій помянутымъ губернаторомъ, планъ прохода окольною дорогою не удался, и турфанцы, прослышавъ заблаговременно о приближеніи китайскаго войска, успѣли бѣжать. Цѣль похода была, во всякомъ случаѣ, достигнута, и Хами взятъ[1]). Этотъ смѣлый шагъ китайцевъ несомнѣнно произвелъ должное впечатлѣніе на турфанскаго князя А-хѣй-ма, но держать въ Хами постоянный гарнизонъ китайцы не могли и не хотѣли, а, съ удаленіемъ ихъ, снова начались нападенія турфанцевъ. Скоро жизнь въ злополучномъ оазисѣ стала совершенно невыносимою, и населеніе его массами приходило въ пограничный городъ Су-чжоу съ просьбою о помощи. Правительство распорядилось выдавать этимъ несчастнымъ скотъ и сѣмена. Заселивъ этими пришлецами изъ Хами окрестности Су-чжоу, китайцы приложили также старанія къ колонизаціи округовъ Гуа-чжоу (瓜) и Ша-чжоу (沙) и съ этою цѣлью они пытались привлечь туда всѣ полукочевыя племена, населявшія въ то время страну, лежащую къ западу отъ провинціи

1) М. Ш. отд. Хань-хунъ, 330 цз., 27 л.

Гань-су. Сдѣлано это было, какъ говоритъ самъ историкъ Минъ-ши, съ цѣлью образовать прочный базисъ, съ котораго можно было-бы впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, начать рѣшительныя дѣйствія для возвращенія Хами. Между тѣмъ, городъ этотъ продолжалъ оставаться безъ князя, и дѣлами заправлялъ уже давно знакомый намъ Ань-кэ-бо-ла. Въ 1497 году его товарищъ по управленію, Сѣ-и-ху-сянь, съ толпою спутниковъ явился для представленія дани въ Пекинъ, гдѣ ихъ отдарили очень щедро, а именно 5.000 кусками шелковыхъ матерій. Вмѣсто того, чтобы возвратиться во своязи, посольство это затянуло свой отъѣздъ и продолжало пребывать въ столицѣ, гдѣ учиняло не мало безобразій. На это, наконецъ, обратило вниманіе министерство церемоній, и назойливые посланцы были съ позоромъ изгнаны [1]). Между тѣмъ на западной границѣ началось сильное движеніе противъ Турфана. Всѣ инородческія племена, населявшія мѣстности къ сѣверо-западу отъ провинціи Гань-су, явно стали выказывать неудовольствіе на А-хѣй-ма, благодаря враждебнымъ дѣйствіямъ коего китайское правительство распорядилось закрыть Цзя-юй-гуань'скій проходъ, лишивъ, такимъ образомъ, всѣхъ инородцевъ возможности являться съ данью въ Пекинъ и пользоваться щедрыми отдариваніями китайцевъ. Прежде и больше всѣхъ другихъ ощутилъ неудобство такого положенія дѣлъ самъ А-хѣй-ма и, предпочитая дурной миръ доброй ссорѣ, онъ выразилъ готовность возвратить плѣннаго Шань-ба и другихъ захваченныхъ имъ хамійцевъ, прося о возстановленіи прежнихъ дружественныхъ отношеній [2]). При этомъ произошелъ интересный инцидентъ, ярко характеризующій отношенія пекинскаго двора къ инородческимъ племенамъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія. Просьба А-хѣй-ма о возобновленіи дружеской пересылки посольствъ не была сразу уважена въ Пекинѣ, такъ какъ грамота, присланная турфанскимъ владѣльцемъ,

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 10 л.
2) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 23 л.

была написана лишь по китайски, безъ приложенія туземнаго текста, что, по заведенному обычаю, считалось обязательнымъ, такъ какъ, вѣроятно, безъ соблюденія этого условія, возникали многія недоразумѣнія и злоупотребленія, а именно — не рѣдко являлись самозванцы, выдававшія себя за посланцевъ;—они изготовляли себѣ грамоты при помощи китайскихъ писарей, забирали императорскіе подарки и удалялись во-свояси. При первыхъ императорахъ мин'ской династіи частый приходъ иностранныхъ посольствъ съ данью льстилъ китайскому самолюбію, давая возможность придворнымъ историкамъ заносить въ свои лѣтописи лишшій разъ о случаѣ выраженія преданности со стороны отдаленныхъ и мало извѣстныхъ вассаловъ, но впослѣдствіи китайцы стали разборчивѣе и начали предъявлять къ являвшимся въ столицу многочисленнымъ посольствамъ различныя требованія въ родѣ, напримѣръ, представленія подлинныхъ грамотъ, написанныхъ на ихъ родномъ языкѣ. Намъ извѣстно, однако, что и эти правила часто обходились, и приходившіе въ Пекинъ разнообразныя болѣе или менѣе сомнительнаго свойства посольства всетаки нерѣдко прибѣгали къ уловкамъ, отъискивая искуссныхъ писарей, которые за приличное вознагражденіе брались составлять грамоты на какомъ угодно языкѣ. Образецъ такой грамоты, написанной по монгольски, съ приложеніемъ китайскаго перевода, мнѣ пришлось имѣть въ рукахъ. Составитель ея имѣлъ, очевидно, весьма поверхностное понятіе о монгольскомъ языкѣ, и вся она является почти сплошною транскрипціею китайскихъ іероглифовъ монгольскими буквами.

Съ возвращеннымъ изъ плѣна Шань-ба китайцы, должно быть, сами не знали хорошенько что дѣлать и рѣшили поселить его пока въ Гань-чжоу, расчитывая, что онъ съумѣетъ склонить на свою сторону всѣхъ хамійскихъ главарей и, только при этомъ условіи, намѣревались дозволить ему принять активное участіе въ тамошнихъ дѣлахъ. Такой выжидательной политикѣ китайское правительство измѣнило только благодаря настоянію вновь назначеннаго главнозавѣдующимъ тремя сѣверо-западными

пограничными областями, Ванъ-юэ (王越), который настоялъ на томъ, что оставлять Хами и бывшаго владѣльца этого княжества безъ вниманія рѣшительно невозможно. Въ докладѣ, представленномъ имъ по этому предмету, Ванъ-юэ высказывалъ мнѣніе, что Шань-ба долженъ быть возстановленъ въ его прежнемъ княжескомъ званьи и что, кромѣ того, ему слѣдуетъ помочь матеріально, а именно снабдить деньгами, необходимыми для исправленія городскихъ стѣнъ, а также для постройки домовъ. Помимо того, онъ находилъ нужнымъ заручиться дружбою сосѣднихъ съ Хами племенъ, а именно — Чи-цзинь'скихъ монголовъ, Хань-дун'цевъ, Сяо-лѣ-ту, Мѣ-кэ-ли и прочихъ. Императоръ одобрилъ планъ, изложенный въ донесеніяхъ Ванъ-юэ; мысль его была приведена въ исполненіе, и для Хами насталъ небольшой періодъ спокойствія, которое продолжалось, однако, не долго. Скоро въ княжествѣ снова начались внутренніе нелады. Янь-кэ-бо-ла, который, какъ мы видѣли выше, пользовался въ отсутствіи князя полною самостоятельностью, не могъ, конечно, быть доволенъ возвращеніемъ Шань-ба и имѣлъ съ нимъ постоянныя пререканія. Всѣ старанья пограничныхъ чиновниковъ, пытавшихся разыгрывать въ этомъ дѣлѣ роль посредниковъ, оказались тщетными. Примиренія устроить не удалось, и Янь-кэ-бо-ла съ Сѣ-и-ху-сян'емъ должны были удалиться въ Су-чжоу. Между тѣмъ, оставшись, по удаленіи соперниковъ, хозяиномъ Хами, Шань-ба не замедлилъ выказать свою полную неспособность къ дѣламъ правленія. Онъ любилъ вино и обращался крайне заносчиво съ подчиненными, такъ что вскорѣ отъ него отвратились почти всѣ. Между прочимъ, одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему главарей, А-бо-ла (阿孛剌), вошелъ въ сношенія съ турфанскимъ княземъ и привезъ въ Хами молодаго сына А-хѣй-ма Чжэнь-Тэмура (眞), котораго надѣялся, при поддержкѣ со стороны своихъ единомышленниковъ, объявить княземъ. Шань-ба испугался и вмѣстѣ съ семействомъ бѣжалъ въ пограничный городъ Ку-юй. Въ виду такого критическаго положенія дѣлъ, пограничные чиновники порѣшили прибѣгнуть къ помощи Янь-кэ-бо-ла и Сѣ-и-ху-сян'я, которымъ и

приказано было возвратиться и помогать князю въ дѣлахъ правленія. А-бо-ла, не желая подчиняться такому порядку вещей, порѣшилъ со своими приспѣшниками умертвить Ань-кэ-бо-ла и Сѣ-и-ху-сян'я. Послѣдніе, однако, предупредили заговорщиковъ, пригласили ихъ какъ-бы для совѣщанья и всѣхъ перерѣзали. Такимъ образомъ, власть, Шань-ба была возстановлена; Чжэнь-Тэмуръ долженъ былъ вернуться обратно въ Турфанъ. Между тѣмъ, отецъ его А-хѣй-ма умеръ. Узнавъ объ его кончинѣ, а также о звѣрствахъ чинимыхъ сыномъ покойнаго, Мань-су-эрр'омъ (滿速兒), который, овладѣвъ престоломъ, пытался истребить свою родню, Чжэнь-Тэмуръ возвратился опять въ Хами и остался у Ань-кэ-бо-ла, котораго онъ называлъ своимъ дѣдомъ по матери (Ань-кэ-бо-ла былъ младшимъ братомъ Хань-шэн'я, дочь котораго была матерью Чжэнь-Тэмура). По распоряженію китайскихъ пограничныхъ властей, Чжэнь-Тэмуръ былъ, впрочемъ, вскорѣ переведенъ на поселеніе въ Гань-чжоу. Въ 1505 году зимою Шань-ба умеръ; ему наслѣдовалъ сынъ его Бай-я-цзи (拜牙郎), которому пекинское правительство даровало титулъ Чжунъ-шунь-ван'а; самъ онъ величалъ себя султаномъ. Это былъ послѣдній самостоятельный владѣтель Хами.—Вліяніе Китая падало здѣсь съ каждымъ годомъ и, наконецъ, въ 1513 году оазисъ этотъ былъ окончательно покоренъ Турфаномъ[1]).

Глава X.

Царствованіе императора Чжэнъ-дэ (正德) (1506—1522 гг.)

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, при какихъ критическихъ обстоятельствахъ заключилось царствованіе императора Хунъчжи. Вся сѣверная граница отъ Гань-су до ближайшихъ окре-

---

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 11—11 лл.

стностей Пекина подвергалась упорнымъ и непрерывнымъ нападеніямъ монголовъ подъ предводительствомъ Сяо-ванъ-цзы. Попытки китайскихъ полководцевъ отражать эти набѣги были безуспѣшны; нападенія кочевниковъ продолжались и зимою 1505 г., причемъ сосредоточивались, главнымъ образомъ, на западѣ, на провинціи Гань-су, гдѣ взято было укрѣпленіе Чжэнь-и-со (鎮夷所)[1] и разграблены уѣзды Лунъ-дэ (隆德), Цзинъ-нинъ (靜寧), Хуй-нинъ (會寧) и другія мѣстности. Въ началѣ 1506 года вновь вступившій на престолъ императоръ Чжэнъ-дэ назначилъ главнозавѣдующимъ дѣлами на границѣ Янъ-и-цин'а (楊一清)[2].

Онъ успѣлъ уже ранѣе заявить себя въ качествѣ искуснаго администратора, занимая должность губернатора провинціи Шэнъ-си, а именно—ему удалось урегулировать существовавшую тамъ еще съ конца XIV вѣка оживленную торговлю чаемъ, который доставлялся въ Шэнъ-си изъ провинціи Сы-чуань и сбывался охотно покупавшимъ его кочевникамъ. Всѣ выгоды, пріобрѣтавшіяся отъ этой торговли частными лицами, онъ привлекъ къ казнѣ, причемъ монголы платили за чай лошадьми, въ которыхъ сильно нуждалась китайская армія. Немедленно по назначеніи своемъ на важный пограничный постъ, Янъ-и-цинъ представилъ императору обширный докладъ, въ которомъ предлагалъ, между прочимъ, заняться сооруженіемъ цѣлаго ряда солидныхъ укрѣпленій для обороны сѣверо-западной границы имперіи, причемъ ставилъ на видъ предпочтительность такой мѣры предъ необходимостью постоянно содержать на границѣ большое войско, которому, кстати сказать, никогда не удавалось угоняться за летучими отрядами монголовъ. Императоръ сочувственно отнесся къ этому проекту, были даже отпущены значительныя суммы на приведеніе въ исполненіе предложенныхъ имъ мѣръ, но все это

---

1) Чжэнъ-и-со находилось въ пров. Гань-су въ 100 ли къ с.-з. отъ нынѣшняго города Гао-тай-сянь (高臺). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

окончилось ничѣмъ, такъ какъ Янъ-и-цинъ не ладилъ съ однимъ изъ стоявшихъ тогда у кормила правленія евнуховъ. Послѣдній сталъ интриговать противъ него, и вновь назначенный главнокомандующій долженъ былъ очень скоро оставить свой постъ, ничего не исполнивъ [1]). Положеніе дѣлъ на границѣ продолжало оставаться крайне неутѣшительнымъ, и въ 1507 году монголы производили опустошительные набѣги, какъ на границѣ провинціи Гань-су, такъ и на востокѣ, гдѣ они нападали на мѣстность Динъ-ляо (定遼) [2]); всѣ начальники горнизоновъ въ этой области были лишены чиновъ и отправлены на допросъ въ Пекинъ. Наконецъ, цзунъ-бин'у Ма-ан'у (馬昂) удалось нанести пораженіе у горы Му-гуа (木瓜) (?) монголамъ, находившимся подъ начальствомъ И-бу-ла (亦卜剌). Этотъ успѣхъ китайскаго оружія слѣдуетъ объяснять усобицами, начавшимися среди кочевниковъ. Минъ-ши сообщаетъ, что въ это время среди предводителей сѣверныхъ монгольскихъ племенъ произошли раздоры, причемъ И-бу-ла, не поладивъ съ Сяо-ванъ-цзы, бѣжалъ въ Си-хай (西海) (Кукэ-норъ) [4]). Затѣмъ онъ заключилъ союзъ съ племенемъ А-эрръ-ту-сы (阿爾禿厮) и, вмѣстѣ съ нимъ, покорилъ «Фан'ей» (инородцевъ) [5]), жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ, а также производилъ частые набѣги на китайскіе предѣлы. Губернаторъ Чжанъ-и (張翼) не могъ противустоять имъ, и всѣ пограничные жители жестоко страдали отъ ихъ нападеній [6]). Свѣдѣнія эти во всѣхъ отношеніяхъ совпадаютъ съ разсказомъ Сананъ-сэцэна [7]). И-бу-ла китайскаго историка есть несомнѣнно Ибири-тайши мон-

---

1) М. Ш. біогр. Янъ-и-цин'а, 198 цз., 1—4 лл.

2) Динъ-ляо лежало въ нынѣшней Мукденьской провинціи въ округѣ Ляоянъ-чжоу. Л. Д. Д. Л. Ч.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

4) Впрочемъ въ Л. Д. Д. Л. Ч. находимъ прямое указаніе, что существовала особая мѣстность, именовавшаяся Си-хай, лежавшая въ предѣлахъ нынѣшней области Гань-чжоу-фу.

5) Подробности о нихъ смотри «страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай» В. М. Успенскаго, стр. 67—68.

6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

7) См. Schmidt, op. cit., стр. 184—186; Алтанъ-тобчи, стр. 101.

гольскаго лѣтописца, а племя А-эрръ-ту-сы—Ордосъ, къ которому, по монгольскому разсказу, принадлежалъ союзникъ Ибири-тайши, Маньдулай-агулху. Оба эти главаря, недовольные назначеніемъ къ нимъ Даянъ-ханомъ намѣстника въ лицѣ одного изъ его сыновей Улусъ-болода, рѣшили возмутиться. Подъ благовиднымъ предлогомъ затѣяна была ссора, окончившаяся общей свалкой, во время коей Улусъ-болодъ былъ убитъ. Точной хронологіи этого періода не даютъ намъ ни монгольскіе, ни китайскіе источники; во всякомъ случаѣ, изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Минъ-ши, можно заключить, что событія эти происходили между 1507 и 1512 гг. Не смотря на видимый успѣхъ, которымъ сопровождалось возмущеніе Ибири и Маньдулая и на смерть ненавистнаго имъ намѣстника Улусъ-болода, непокорные главари должны были отдѣлиться отъ своихъ соплеменниковъ и бѣжали на юго-западъ къ Кукэ-нору, гдѣ представлялось больше простора ихъ предпріимчивости и удали. Здѣсь они дѣйствительно дали себѣ полную волю и навели ужасъ на туземныя поселенія (Си-фан'ей). В. М. Успенскій въ своемъ не разъ уже цитированномъ мною трудѣ «Кукэ-норъ» даетъ яркую картину бѣдствій, постигшихъ въ то время жителей этихъ странъ[1]). Не довольствуясь покореніемъ Си-фан'ей, монголы произвели въ 1513 году рядъ набѣговъ на пограничныя области провинціи Шэнъ-си и Сы-чуань. Губернаторъ Чжанъ-и, чувствуя себя недостаточно сильнымъ для отраженія этихъ разбойническихъ набѣговъ, предпочелъ откупиться и послалъ монголамъ богатые дары, состоявшіе изъ золота и шелковыхъ матерій. И-бу-ла удовлетворился этими подарками и, двинувшись со своими полчищами на западъ, вторгся въъ Тибетъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ снова вернулся къ китайской границѣ и сталъ производить опустошительные грабежи въ мѣстностяхъ Тао (洮), Минь (岷) и Сунъ-пань (松潘)[2]), жители ко-

1) См. страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 101—102.

2) Всѣ эти мѣстности находятся въ южной части пров. Гань-су и въ сѣв.-западной части Сы-чуань.

ихъ не имѣли съ тѣхъ поръ ни одного спокойнаго года[1]) Благодаря чинимымъ ими неистовствамъ, эти племена монголовъ получили прозваніе Хай-коу (海寇) (морскіе разбойники); въ этомъ имени, очевидно, пропущено слово «си» «западный», т. е. монголы эти должны были-бы именоваться Си-хай-коу, «Кукэ-норскіе разбойники». Сѣверо-восточная граница Китая также не оставалась въ это время спокойною отъ нападеній со стороны главныхъ монгольскихъ племенъ, находившихся подъ начальствомъ Сяо-ванъ-цзы. Нападенія послѣдняго были направлены на провинцію Шань-си; въ 1514 г. разгромлены были области, Да-тунъ, Шочжоу[2]) и Нинъ-у[3]). По повелѣнію императора, главнокомандующимъ былъ назначенъ Чоу-юэ (仇鉞), дѣятельность коего не была успѣшнѣе его предшественниковъ; онъ сразился съ монголами у Вань-цюань-вэй (萬全衞), причемъ непріятеля было убито лишь три человѣка, что не помѣшало ему донести о блестящей побѣдѣ. Успѣшность операцій противъ китайской границы очевидно ободрила кочевниковъ, и въ слѣдующемъ 1515 году Сяо-ванъ-цзы прибѣгъ къ совершенно новой системѣ нападенія, до тѣхъ поръ еще не практиковавшейся монголами: а именно вдоль границы областей Сюань-хуа и Да-тунъ были выстроены въ рядъ нѣсколько десятковъ укрѣпленныхъ лагерей, откуда кочевники производили набѣги на пограничныя мѣстности. Кромѣ того, былъ образованъ еще летучій отрядъ въ количествѣ 15 тысячъ коннаго войска, спеціально назначенный для нападенія на Сюань-хуа-фу. При столь критическихъ обстоятельствахъ пекинское правительство не нашло ничего лучшаго, какъ назначить главнымъ руководителемъ обороны евнуха Чжанъ-юн'а (張永) коему въ качествѣ помощниковъ были назначены военные люди Бо-юй (白玉) и другіе. Подъ руководствомъ евнуха положеніе

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.
2) Ibid.
3) М. Ш. Бэнь-цзи, 16 цз., 8 л.
4) Ванъ-цюань-вэй — нынѣшній Калганъ (Чжанъ-цзя-коу). Л. Д. Д. Л.

дѣлъ не могло, конечно, улучшиться, и непріятель все ближе и ближе подходилъ къ Пекину, окружая столицу со всѣхъ сторонъ какъ бы желѣзнымъ кольцомъ. Чрезъ Хуай-ань (懷安) монголы понемногу проникли въ Вэй-чжоу (蔚) и дошли до Пинъ-ло-чэн'а[1]). Такое обходное движеніе непріятеля произвело не малое смятеніе въ столицѣ, гдѣ приняты были строгія мѣры предосторожности. Съ другой стороны, и начальники арміи сочли возможнымъ прибѣгнуть къ героическимъ мѣрамъ для отраженія врага. Они распорядились приготовить большое количество отравленной пищи, которая и была поставлена на поляхъ яко-бы въ видѣ угощенія отъ земледѣльцевъ. Со свойственной имъ жадностью, монголы набросились на ѣду, а этимъ удобнымъ моментомъ воспользовались китайскія войска, предательски напавъ и истребивъ отравленныхъ ими непріятелей. Пораженіе это не произвело, повидимому, сильнаго впечатлѣнія на монголовъ; — недалѣе какъ въ слѣдующемъ году, осенью, Сяо-ванъ-цзы напалъ на границу съ 70 тысячами конницы, раздѣленными на нѣсколько отрядовъ[2]). На этотъ разъ, были разгромлены области, лежавшія къ востоку отъ столицы, а именно Цзи-чжоу и Бо-янь-коу[1]). Высланные противъ кочевниковъ китайскіе военачальники терпѣли сильныя пораженія, и монголы широкимъ потокомъ разлились по всей сѣверной половинѣ провинціи Чжи-ли, причемъ въ одной области Сюань-фу было раззорено ими до 20 городовъ и крѣпостей. Въ 1517 году Сяо-ванъ-цзы снова сдѣлалъ нападеніе съ 50 тысячами конницы, вторгся изъ Юй-линя и осадилъ цзунъ-бин'а Ванъ-сюн'я (王勛) въ Инъ-чжоу (應)[3]). Не довѣряя своимъ полководцамъ, императоръ самъ пошелъ на помощь къ осажденнымъ и, остановившись въ Янъ-хэ[4]), руководилъ движе-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 16 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 16 цз., 8 л.; Бо-янь-коу лежало къ С.-З. отъ города Юнъ-пин'а. См. карту Цзю-бянь-юй-ту.

3) Въ области Да-тунъ — см. карту Матусовскаго.

4) Янъ-хэ находилось въ области Да-тунъ, въ уѣздѣ Янь-гао-сянь. Л. Д. Д. Л. Ч.

ніемъ войскъ. Произошло кровопролитное сраженіе, длившееся двое сутокъ. Монголы принуждены были отступить, и императоръ преслѣдовалъ ихъ до Пинъ-лу и Шо-чжоу. «Съ тѣхъ поръ,» говоритъ историкъ Минъ-ши, «хотя и происходили вражескія нападенія на границу, но, во всякомъ случаѣ, непріятель не осмѣливался наступать съ большимъ войскомъ»[1]). Въ самомъ дѣлѣ до самаго конца царствованія императора Чжэнъ-дэ, т. е. до 1522 г., мы встрѣчаемъ упоминаніе лишь о двухъ незначительныхъ набѣгахъ Сяо-ванъ-цзы на Да-тунъ-фу и Сюань-хуа-фу[2]). Затишье это, наступившее непосредственно послѣ блестящихъ побѣдъ Сяо-ванъ-цзы, вынудившихъ даже самаго Сына Неба лично двинуться противъ безпокойнаго сосѣда, является послѣдствіемъ внутреннихъ раздоровъ, начавшихся въ то время среди монголовъ. Подробности объ этихъ усобицахъ намъ сообщаютъ лѣтописи Сананъ-сэцэн'а и Алтанъ-тобчи. Преступленіе Ибири и Маньдулай, убившихъ назначеннаго Даянъ-ханомъ въ качествѣ намѣстника Улусъ-болода, не могло оставаться ненаказаннымъ. Обѣ монгольскія лѣтописи упоминаютъ о походахъ Даянъ-хана противъ непокорныхъ ему главарей. Сананъ-сэцэнъ разсказываетъ о двухъ такихъ походахъ: первый изъ нихъ былъ предпринятъ тотчасъ-же послѣ убіенія Улусъ-болода и окончился неудачно для хана. Въ мѣстности Онгону-субэ войско его повстрѣчалось съ Багатуръ-нэгуресхейемъ племени Далатовъ, гнавшимъ передъ собою большое стадо быковъ и трубившимъ въ рогъ; шумъ этотъ навелъ такой паническій страхъ на войско хана, что оно бѣжало въ безпорядкѣ. Второй походъ свой Даянъ-ханъ предпринялъ съ большими предосторожностями, собравъ предварительно всѣ войска, которыми могъ располагать. Битва произошла на возвышенности Далань-теригунь. Послѣ упорнаго сопротивленія, войско Ибири-тайшія и его товарища было разбито, и ханъ преслѣдовалъ ихъ до самаго Кукэ-нора[3]). Въ Ал-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 16 л.
2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 16 цз., 9—12 лл.
3) Schmidt, op. cit., стр. 188—192.

танъ-тобчи говорится лишь объ одномъ походѣ Даянъ-хана противъ Ибарая (такъ именуется Ибири въ этомъ источникѣ) послѣ убіенія симъ послѣднимъ Улусъ-болода[1]). Объ этой враждѣ между Даянъ-ханомъ и отдѣлившимся отъ него Ибири историкъ Минъ-ши не даетъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Въ видѣ намека на это событіе онъ упоминаетъ лишь объ отдѣленіи отъ Сяо-ванъ-цзы въ 1515 году племеннаго начальника по имени Бу-эрръ-хай, который бѣжалъ на Кукэ-норъ (Си-хай), поселился тамъ и затѣмъ весьма часто производилъ набѣги на сѣверо-западныя области Китая[2]). Изъ этого факта можно вывести заключеніе, что откочевавшій нѣсколькими годами раньше въ Си-хай И-бу-ла (Ибири) успѣлъ къ тому времени окончательно утвердиться на своихъ новыхъ кочевьяхъ, и недовольные властью Сяо-ванъ-цзы (Даянъ-хана) присоединялись къ нему, надѣясь найти на далекомъ Кукэ-норѣ полную свободу и самостоятельность. Какъ у Сананъ-сэцэн'а, такъ и въ Алтанъ-тобчи мы находимъ упоминаніе о двухъ Бурхаяхъ; одинъ Бурхай (у Сан. сэц. Бурахай) былъ сводным братомъ Даянъ-хана отъ брака матери послѣдняго Шикэръ-тайго съ Исама-тайшіемъ, а второй — хорчинскій князь[3]). В. М. Успенскій называетъ этого Бурхая старшиною Фань'скаго рода[4]). Не знаю, на чемъ основано такое предположеніе, но мнѣ оно представляется несостоятельнымъ, такъ какъ въ Минъ-ши мы находимъ совершенно опредѣленное извѣстіе, что вѣрный союзникъ И-бу-ла, Бу-эрръ-хай, отдѣлился отъ Сяо-ванъ-цзы. Въ Алтанъ-тобчи есть упоминаніе еще объ одномъ походѣ Даянъ-хана, предпринятомъ приблизительно въ тоже время противъ Бэгэрсунь-тайшія Оннигутскаго[5]). Этого Бэгэрсуня я склоненъ отожествлять съ упоминаемымъ въ Минъ-ши Ба-эрръ-сун'емъ (把 兒 孫), главаремъ монголовъ, вошед-

---

1) Алтанъ-тобчи, стр. 103—105 (Монг. текстъ).
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.
3) Schmidt, op. cit., стр. 178 и 190; Алтанъ-тобчи, стр. 98 и 103.
4) Op. cit., стр. 102.
5) Алтанъ-тобчи, стр. 98 (монг. текстъ).

шихъ въ составъ трехъ военныхъ поселеній, образованныхъ на сѣверо-восточной границѣ Китая. Еще въ 1505 году Сяо-ванъ-цзы хотѣлъ заключить прочный союзъ съ этими монголами и отправилъ къ До-янь'скому главарю А-эрръ-ци-ман'ю (阿兒乞蠻) посланца съ предложеніемъ взять себѣ въ жены его дочь. Въ случаѣ несогласія онъ угрожалъ ему нападеніемъ. А-эрръ-ци-мань не согласился, однако, на это предложеніе, за что удостоился одобренія изъ Пекина[1]). Вообще въ это время урянхайцы (т. е. монголы, кочевавшіе на сѣверо-восточной границѣ Китая) дружили съ пекинскимъ правительствомъ, и многіе изъ ихъ главарей прибѣгали къ посредничеству китайцевъ даже при возникновеніи внутреннихъ неурядицъ. Такъ, въ 1507 году Ху-лу-ай'скій (忽魯愛) (Хорлосскій?) главарь, Гу-чу-на (苦出納), повздорилъ съ У-чжэ'скимъ (兀者) (У-чжу-му-цинь?) главаремъ Шань-гу (尙古) и убилъ его. Боясь мести со стороны его рода, Гу-чу-на прибѣгъ къ защитѣ китайцевъ[2]). Въ Минъ-ши находимъ упоминаніе, что Сяо-ванъ-цзы неоднократно нападалъ на урянхайцевъ, которые каждый разъ обращались за защитой къ Китаю. Эти дружескія отношенія не мѣшали, однако, кочевникамъ, при случаѣ, нападать на своихъ покровителей. Въ 1515 году одинъ изъ урянхайскихъ главарей Ба-эрръ-сунь съ значительнымъ отрядомъ прошелъ черезъ Нянь-юй-гуань (鮎魚關) и вторгся въ Ма-лань-гу (馬蘭谷)[3]). Китайское войско потерпѣло при этомъ полнѣйшее пораженіе. Вскорѣ нападеніе было повторено и монголы отступили только послѣ упорной борьбы. Въ 1518 году императоръ самъ осматривалъ пограничныя крѣпости на сѣверо-восточной границѣ; по этому случаю разосланы были главарямъ сосѣднихъ монгольскихъ племенъ приглашенія явиться для угощенія въ ставку Сына Неба. Приглашеніе это осталось, однако, безъ всякаго отвѣта, а Ба-эрръ-сунь

1) У. Б. Д. Ц., 2 цз., 30 л.
2) Ibid., 31 л.
3) Обѣ эти мѣстности лежатъ къ сѣв. отъ Цзунь-хуа-чжоу. Карта Ц.Б.Ю.Т.

даже сдѣлалъ въ томъ-же году набѣгъ на пограничныя области, за что̀ императоръ лишилъ его пожалованнаго ему ранѣе почетнаго званья. Вскорѣ послѣ того Ба-эрръ-сунь умеръ [1]).

Глава XI.

Царствованіе императора Цзя-цзин'а (嘉 靖) (1522—1567 гг.).

Спокойствіе въ пограничныхъ областяхъ продолжалось не долго;—съ первыхъ же годовъ правленія императора Цзя-цзин'а снова начинается рядъ монгольскихъ набѣговъ. Подъ 1523 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о нападеніи, которое произвелъ на Да-тунъ Ань-да (答俺) [2]). Въ этомъ мѣстѣ впервые упоминается въ Минъ-ши имя этого монгольскаго князя; это несомнѣнно Алтанъ-ханъ, второй сынъ Барса-болодъ-сайнь-алака и внукъ Даянъ-хана [3]). Въ то-же время Сяо-ванъ-цзы дѣлалъ нападенія на ближайшія окрестности столицы, а именно на область Сюань-хуа. Набѣги его повторялись непрерывно до 1526 года. На сѣверозападной границѣ также дѣйствовали въ то время безпокойные Хай-коу, причемъ Минъ-ши сообщаетъ, что И-бу-ла (Ибири) снова переселился въ болѣе восточныя страны и сталъ кочевать у горъ Хэ-лань-шань (недалеко отъ Нинъ-ся) [4]). Союзникъ-же И-бу-ла, Бу-эрръ-хай, производилъ опустошительные набѣги на провинцію Гань-су [5]). Такъ продолжалось до 1532 года,

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 12 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 17 цз., 3 л.

3) Schmidt, op. cit. стр. 204.

4) Это извѣстіе не сходится со свѣдѣніями, сообщаемыми В. М. Успенскимъ, см. Кукэ-норъ, стр. 103. Впрочемъ, подтвержденіе приводимаго мною факта мы находимъ въ У-бянь-дянь-цзэ, гдѣ помѣщенъ докладъ Шэнь-си'скаго губернатора Фань-ан'я (范安), изъ котораго явствуетъ, что какъ разъ около этого времени, т. е. въ 1530 году, Сяо-ванъ-цзы, сошелся съ И-бу-ла (op. cit., 17 цз., 35 л.); этимъ примиреніемъ и объясняется, конечно, перекочевка этого послѣдняго главаря на востокъ.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 16 л.

когда Сяо-ванъ-цзы отправилъ къ пекинскому двору посланца съ предложеніемъ завязать мирныя сношенія и выражая желаніе представлять дань. Китайское правительство не пожелало, однако, принять этихъ посланцевъ, и разгнѣванные этимъ отказомъ монголы со сто-тысячнымъ войскомъ вторглись въ предѣлы имперіи [1]). Время для большаго вторженія было какъ нельзя болѣе благопріятное, такъ какъ въ пограничныхъ областяхъ царилъ голодъ. Императоръ поручилъ завѣдываніе всѣми дѣлами обороны Танъ-лун'у (唐龍), которому предписано было также озаботиться продовольствованіемъ голодавшихъ пограничныхъ жителей. На всѣ расходы ему было дано 300 тысячъ ланъ серебра (около 600 тыс. рублей). Войску Танъ-лун'а пришлось столкнуться съ отрядами Цзи-нан'а (吉 囊) и Ань-да, которые, переправившись на лодкахъ изъ бычачьихъ кожъ чрезъ Хуанъ-хэ, вторглись въ Хэ-тао и производили оттуда набѣги на китайскія области. Танъ-лун'у удавалось, однако, довольно успѣшно отражать ихъ [2]). Объ этомъ-же походѣ упоминаетъ и Сананъ-сэцэнъ, который говоритъ объ экспедиціи, предпринятой въ 1532 году противъ китайцевъ Гунъ-биликъ-мэргэнь-чжинонгомъ (Цзи-нанъ Мин-ши) совмѣстно съ его младшимъ братомъ Алтанъ-хаганомъ [3]). Ко времени этого похода, говоритъ Минъ-ши, Сяо-ванъ-цзы былъ весьма богатъ и силенъ, управляя многими десятками тысячъ войска и обладая огромнымъ количествомъ скота и другого имущества. Онъ сталъ воздерживаться отъ военныхъ дѣйствій и, отдѣлившись отъ многочисленныхъ племенъ, пребывавшихъ на сѣверо-западной границѣ, откочевалъ на востокъ, гдѣ и далъ своему народу названіе Ту-мань (土 蠻). Изъ другихъ же начальниковъ Цзи-нанъ и Ань-да относились къ Сяо-ванъ-цзы какъ племянники къ дядѣ. Они поселились въ Хэ-тао, были весьма сильны и воинственны и, помогая другъ другу, производили постоянныя смуты на гра-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.
2) М. Ш. біогр. Танъ-лун'а, 202 цз., 5 л.
3) Schmidt, op. cit., стр. 206.

ницѣ[1]). Свѣдѣнія китайскихъ источниковъ совершенно согласуются съ тѣмъ, что говоритъ Сананъ-сэцэнъ о Даянъ-ханѣ, послѣ того какъ онъ, покончивъ съ внутренними раздорами среди «великаго народа Шести Тумэнь», торжественно принялъ ханскій титулъ[2]). Достойно замѣчанія то обстоятельство, что у Сананъ-сэцэна здѣсь впервые упоминается о «великомъ народѣ Шести Тумэнь» и въ тоже самое время это слово «ту-мань» попадается и въ исторіи Минъ-ши. Все вниманіе китайскаго лѣтописца было отнынѣ устремлено на Хэ-тао, гдѣ кочевали сильные и воинственные Цзи-нанъ и Ань-да. Въ первое время Цзи-нанъ (т. е. Гунъ-биликъ-мэргэнь-чжинонгъ Сананъ-сэцэна), какъ старшій братъ, игралъ болѣе выдающуюся роль. Въ 12 годъ правленія Цзяцзин'а (1533 г.), говоритъ историкъ Минъ-ши, Цзи-нанъ собралъ большое войско и, кочуя въ Хэ-тао, выказывалъ желаніе напасть на Янь-суй. Пограничные чиновники стали готовиться къ отраженію его, какъ вдругъ совершенно неожиданно монгольскій предводитель съ 50-ю тысячами войскъ переправился на западный берегъ Хуанъ-хэ, напалъ на соединенныя силы И-бу-ла и Бу-эрръ-хай'я и разбилъ ихъ[3]). Объ этой борьбѣ между ордосскими (Хэ-тао'скими) и кукэнорскими монголами монгольскіе историки не говорятъ намъ ни слова. Какъ Алтанъ-тобчи, такъ и лѣтопись Сананъ-сэцэна, впрочемъ уже давно похоронили Ибиритайшія (кит. И-бу-ла); по свѣдѣніямъ перваго источника, съ нимъ покончилъ его же союзникъ Лэхуши-ахалаху Ордосскій[4]). По Сананъ-сэцэну-же онъ погибъ отъ руки неизвѣстнаго убійцы въ Хами, куда бѣжалъ послѣ пораженія нанесеннаго ему Даянъ-ханомъ[5]). Дѣло здѣсь, впрочемъ, не въ именахъ предводителей, а въ самомъ фактѣ столкновенія между двумя отдѣлами монголовъ. Вызвано оно было поведеніемъ Бу-эрръ-хай'я, который черезъ посредство покоренныхъ имъ мѣстныхъ инородцевъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.
2) Schmidt, op. cit., стр. 192.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 12 л.
4) Алтанъ-тобчи, стр. 106 (монг. текстъ).
5) Schmidt, op. cit., стр. 182.

(Фан'ей) завязалъ сношенія съ пекинскимъ дворомъ[1]). Это должно было естественно возбудить неудовольствіе и подозрѣніе ордосскихъ монголовъ. О пораженіи, понесенномъ Бу-эрръ-хай'емъ одинъ изъ пограничныхъ начальниковъ, Танъ-лунъ, поспѣшилъ донести въ Пекинъ и, выставляя на видъ полное ослабленіе его, просилъ императора не входить съ нимъ въ какіе либо переговоры[2]). Борьба ордосскихъ монголовъ съ И-бу-ла и Бу-эрръ-хай'емъ продолжалась, очевидно, очень недолго; не далѣе какъ осенью того-же 1533 года Цзи-нанъ со своими полчищами вторгся въ Сюань-фу, при чемъ разгромилъ крѣпости Сянь-шуй-пу[3]) и Юнъ-нинъ[4]). Походъ этотъ окончился, однако, неудачно. — Китайцы выступили противъ кочевниковъ съ довольно значительными силами; по степному обычаю, монголы не рѣшились встрѣтиться съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ и поспѣшили ретироваться, но во время этого бѣгства многіе изъ нихъ потонули въ Хуанъ-хэ[5]). Эта неудача произвела, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе на монголовъ. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующіе затѣмъ два года они не рѣшались дѣлать глубокія вторженія въ китайскіе предѣлы, ограничиваясь незначительными экскурсіями въ сосѣднюю съ Хэ-тао область Да-тунъ-фу. За то въ 1536 году Цзи-нанъ собралъ у горъ Хэ-лань-шань сто-тысячную армію и, раздѣливъ ее на нѣсколько отрядовъ, составилъ цѣлый планъ кампаніи на Китай. Одинъ изъ этихъ отрядовъ пошелъ на Лянъ-чжоу и Чжуанъ-ланъ, но дѣйствовалъ неудачно;—китайцы успѣли отразить кочевниковъ. Нападенія произведены были одновременно на Нинъ-ся, Да-тунъ и Сюань-хуа[6]). Въ борьбѣ съ ними особенно отличился Ши-лань Лю-тянь-хэ (劉天和), который прибѣгалъ

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.
2) Ibid.
3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 17 цз., 10 л.; Сянь-шуй-пу лежало къ юго-востоку отъ Сюань-хуа-фу. См. карту Ц. Б. Ю. Т.
4) Юнъ-нинъ лежалъ въ 40 ли къ востоку отъ Янь-цинъ-чжоу (延慶), области Сюань-хуа-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.
5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.
6) Ibid.

въ военныхъ дѣйствіяхъ къ разнымъ хитростямъ, предпринимая обходныя движенія и искусно устраивая засады. Благодаря его распорядительности и принятымъ имъ энергичнымъ мѣрамъ окончились неудачно нападенія Цзи-нан'а на Пинъ-лу-чэнъ и Гу-юань. Лю-тянь-хэ съумѣлъ ободрить трусившихъ китайскихъ начальниковъ, и непріятель отступилъ съ большимъ урономъ; въ одной изъ стычекъ, происшедшей въ мѣстности Хѣй-шуй-юань (黑水苑) [1]), былъ, между прочимъ, убитъ сынъ Цзи-нан'а, Сяо-ши-ванъ (小十王) [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, неспокойно было и на сѣверо-восточной границѣ. Разсказывая о набѣгахъ кочевавшихъ тамъ монголовъ, историкъ Минъ-ши даетъ намъ, между прочимъ, цѣлую родословную ихъ главарей. О дѣятельности Баэрръ-сун'я, сына Хуа-дан'а, мнѣ уже пришлось говорить выше [3]). Послѣ его смерти, сынъ его Бо-гэ (伯革) явился съ данью и въ 1530 году получилъ званіе своего отца (вѣроятно званье Ду-ду, которое было даровано еще дѣду его, Хуа-дан'у—花當). На это разгнѣвался дядя его (второй сынъ Хуа-дан'а) Да-ха (打哈), и началъ производить набѣги на китайскую границу, вторгаясь въ предѣлы имперіи чрезъ Лэнъ-коу (冷口) и Си-фынъ-коу [4]). Пограничные начальники не съумѣли справиться съ нимъ и были, по повелѣнію изъ Пекина, строго наказаны. Въ 1538 году Чжи-хуй Сюй-хао измѣнническимъ образомъ захватилъ и убилъ 9 человѣкъ изъ племени Тай-нинъ. Это вызвало справедливое негодованіе монголовъ, которые немедленно-же произвели нападеніе на пограничную область и захватили крѣпость Да-цинъ-пу (大清) [5]).

Сравнительный успѣхъ, достигнутый китайскими войсками въ борьбѣ съ Цзи-нан'омъ, объясняется «изнѣженностью» этого мон-

---

1) Хѣй-шуй-юань нах. въ пров. Шэнь-си, области Янь-ань-фу, уѣздъ Ань-динъ-сянь. Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. біогр. Лю-тянь-хэ, 200 цз., 17 л.

3) См. стр. 88.

4) Въ У-бянь-дянь-цзэ объ этомъ неудовольствіи Да-ха упоминается подъ 1539 г.; см. 2 цз., 68 л.

5) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 12 л.

гольскаго предводителя[1]), которому, повидимому, надоѣли постоянные походы. Дѣла правленія также начали тяготить его, и съ этого времени выдающуюся политическую роль игралъ его младшій братъ Ань-да (Алтанъ-ханъ). Осенью 1541 года отъ этого князя явился къ Да-тун'скому губернатору посланецъ Ши-тянь-цзіо (石天爵) съ предложеніемъ начать мирныя сношенія и платить ежегодную дань[2]). Въ письмѣ своемъ Ань-да упоминалъ о дружественныхъ сношеніяхъ съ китайскимъ правительствомъ, происходившихъ при отцѣ его, Си-а-лан'ѣ (Сайнь-алакѣ) (謝阿郎), который аккуратно представлялъ дань, за что получалъ награды, а также пользовался разрѣшеніемъ приводить въ опредѣленныя мѣстности на продажу лошадей. Ань-да просилъ о возстановленіи этихъ старыхъ порядковъ[3]). Домогательства монголовъ остались, однако, безъ удовлетворенія[4]). Китайское правительство не только не удовлетворило этого ходатайства, но непосредственно вслѣдъ затѣмъ отправило въ качествѣ главнокомандующаго на границу Фанъ-цзи-цзу (樊繼祖), который началъ свою административную дѣятельность съ того, что оцѣнилъ голову Ань-да. Такая крутая мѣра не замедлила, конечно, возмутить кочевниковъ, которые тотчасъ-же въ большомъ числѣ предприняли походъ на китайскіе предѣлы[5]). Въ этомъ походѣ принялъ даже участіе и Цзи-нанъ, который вторгся въ Ланьчжоу[6]), а затѣмъ пошелъ съ войскомъ въ Шань-си на соединеніе съ Ань-да[7]). Этотъ послѣдній прошелъ черезъ Ши-линъ-гуань (石嶺關) въ Тай-юань-фу и Ши-чжоу. Китайскія войска всюду терпѣли пораженія и многіе изъ ихъ предводителей были убиты[8]). Послѣ этого удачнаго похода, монголы снова попробовали завя-

---

1) М. Ш. біогр. Лю-тянь-хэ, 200 цз., 17 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.
3) У. Б. Д. Ц. 7 цз., 73 л.
4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.
5) Ibid.
6) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 17 цз., 14 л.
7) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.
8) Ibid.

зать мирныя сношенія съ Пекиномъ. Лѣтомъ 1542 года къ пограничному губернатору Лунъ-да-ю (龍大有) былъ присланъ опять тотъ же Тянь-цзіо съ просьбою о разрѣшеніи представлять дань. Лунъ-да-ю воспользовался этимъ случаемъ, дабы загладить свое недавнее пораженіе, связалъ Тянь-цзіо и членовъ его свиты и отправилъ ихъ въ Пекинъ при донесеніи, что онъ взялъ ихъ въ плѣнъ въ бою. Императоръ чрезвычайно обрадовался такой «побѣдѣ»; пограничные начальники были щедро награждены, а несчастные посланцы казнены [1]) на торговой площади [2]). Китайцы были жестоко наказаны за этотъ предательскій поступокъ. Узнавъ объ измѣнническомъ убіеніи своихъ посланцевъ, монголы тотчасъ-же вторглись въ Шань-си [3]). Пройдя черезъ Янь-мынь-гуань [4]), они проникли въ Шо-чжоу и достигли Гуанъ-у (廣武) [5]). Отсюда монгольская армія двинулась въ Тай-юань-фу и далѣе на югъ. Высланный противъ кочевниковъ китайскій отрядъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Китайцы извели всѣ свои стрѣлы и погибли почти всѣ до одного человѣка. Разгромивъ, такимъ образомъ, почти всю провинцію Шань-си, монголы ушли обратно на сѣверъ тѣмъ-же путемъ черезъ Янь-мынь-гуань [6]).

Подъ 1543 годомъ отмѣчена въ Минъ-ши смерть Цзи-нан'а. Это извѣстіе не совсѣмъ сходно съ данными, сообщаемыми Сананъ-сэцэномъ, по свѣдѣніямъ котораго Мэргэнь-чжиновгъ умеръ лишь въ 1550 году [7]). Дѣти Цзи-нан'а, Ланъ-тай-цзи (狼台吉) [8]) и другіе, кочевали въ мѣстностяхъ къ западу отъ Хуанъ-хэ, при чемъ силы ихъ были раздѣлены [9]). Одинъ только

---

1) Въ подлинникѣ здѣсь употреблено выраженіе (磔) «чжэ», что означаетъ вспарывать, жестоко казнить.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

3) Ibid.

4) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 17 цз., 14 л.

5) Гуанъ-у лежало въ провинціи Шань-си, округа Дай-чжоу Л. Д. Д. Л. Ч.

6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

7) Schmidt, op. cit, 206 стр.

8) Несомнѣнно Байсангоръ-лань-тайчжи Сананъ-сэцэна, см. Schmidt, op. cit. 206 стр.

9) Эти свѣдѣнія совершенно сходны съ данными, сообщаемыми монгольскимъ лѣтописцемъ, см. Schmidt, op. cit., стр. 206—208.

Ань-да сохранилъ прежній авторитетъ и еще усиливался[1]). У Cананъ-сэцэна мы находимъ упоминаніе о томъ, что внукъ Даянъ-хана, Боди-тайчжи, восшедшій на ханскій престолъ въ 1544 году, собирался идти войною на сыновей Мэргэнь-чжинонга; но отъ этой междоусобной войны его отговорила мать его Цагачинъ-асанъ-тайго[2]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Минъ-ши, размолвка эта произошла нѣсколько позже. Въ 1544 же году всѣ кочевники сдѣлали совмѣстный набѣгъ на Сюань-хуа-фу; при этомъ Сяо-ванъ-цзы[3]) вторгся въ Юй-чжоу (蔚州) и дошелъ до Вань-сян'я (完縣)[4]), а Ань-да разгромилъ Да-шуй-гу и Лунъ-мынь-сянь[5]). Движенія кочевниковъ въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ столицы навели сильный страхъ на китайцевъ, и въ Пекинѣ были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности. На этотъ разъ они оказались, однако, излишними, такъ какъ монгольскія полчища скоро удалились. Въ 1545 году Ань-да произвелъ уже самостоятельный набѣгъ на Янь-суй, откуда проникъ въ Да-тунъ[6]). Здѣсь кочевники разгромили нѣсколько крѣпостей, но встрѣтили сильный отпоръ отъ генералъ-губернатора Вэнъ-вань-да (翁萬達), который ожидалъ монголовъ въ Янъ-хэ, разославъ оттуда во всѣ стороны нѣсколько конныхъ отрядовъ, которымъ удалось захватить и убить не мало монголовъ. Заручившись послѣ этого успѣха довѣріемъ императора, Вэнъ-вань-да настоялъ на томъ, чтобы въ областяхъ Сюань-фу и Да-тун'ѣ были проведены стѣны на протяженіи около 85—90 верстъ. Замѣчательна та быстрота, съ которою окончены были эти работы — стѣны воздвигнуты были въ какіе-нибудь 50 дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вэнъ-вань-да въ весьма длинномъ и не лишеннымъ интереса докладѣ высказалъ свой взглядъ на положеніе пограничныхъ дѣлъ. Разсуждая о сравнительной стратегической важности различныхъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.
2) Schmidt, op. cit., стр. 196—198.
3) Несомнѣнно Боди-тайчжи Сананъ-сэцэна.
4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.
5) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 1 л.
6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

пограничныхъ областей, сановникъ этотъ находилъ, что самыми доступными для нападенія мѣстностями были Да-тунъ и Сюань-фу. Черезъ первую область, проходя по сѣверному пути (Бэй-лу) на Дай-чжоу [1]), монголы вторгались въ южныя части провинціи Шань-си, а черезъ Сюань-фу проникали въ проходъ Цзы-цзинъ-гуань, лежащій всего въ двухъ дняхъ пути отъ столицы. По мнѣнію Вэнъ-вань-да, пекинское правительство, не дѣлая достаточно различія между областями по стратегическому ихъ значенію, обращало слишкомъ много вниманія на защиту второй оборонительной линіи, проходившей между укрѣпленіями Цзы-цзинъ-гуань, Нинъ-у-гуань и Янь-мынь, оставляя мѣстности, лежащія къ сѣверу отъ нихъ, совершенно на произволъ судьбы. Кромѣ того, войска не состояли постоянно на границѣ для охраны, а созывались туда лишь въ осенніе сроки, причемъ на эти временные сборы тратились весьма почтенныя суммы, тогда какъ пользы отъ нихъ было всегда весьма мало. Кочевники умѣли выбирать удобные моменты для нападенія и скрывались раньше, чѣмъ могли собраться войска для отраженія ихъ. Признавая ненормальность такого порядка вещей, Вэнъ-вань-да настаивалъ на необходимости учредить на границѣ постоянные караульные посты съ достаточными гарнизонами и отвести каждому отряду для охраны свой спеціальный участокъ. Этимъ отрядамъ слѣдовало-бы вмѣнить въ обязанность имѣть строжайшее наблюденіе за всѣми лицами, переходящими границу. Императоръ согласился съ мнѣніемъ Вэнъ-вань-да и приказалъ отпустить въ его распоряженіе 600 тысячъ ланъ. Деньги эти генералъ-губернаторъ употребилъ главнымъ образомъ на исправленіе стѣнъ и укрѣпленій, при чемъ старался, по возможности, обезопасить пограничное населеніе, дать ему возможность спокойно заняться земледѣліемъ и скотоводствомъ и тѣмъ поднять его матеріальное благосостояніе. Мѣры, принятыя Вэнъ-вань-да, имѣвшія общій характеръ и направлен-

1) Это названіе «Бэй-лу» сѣвернаго пути сохранилось и до сихъ поръ за этой дорогой.

ныя къ улучшенію положенія дѣлъ на всей сѣверной границѣ имперіи, не всегда отвѣчали видамъ отдѣльныхъ пограничныхъ губернаторовъ, которые нерѣдко старались проводить свои взгляды, но Вэнъ-вань-да удавалось, въ первое по крайней мѣрѣ время, выходить побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ интригъ. Только въ одномъ вопросѣ императоръ не соглашался съ мнѣніемъ этого дѣятельнаго генералъ-губернатора — это въ вопросѣ о разрѣшеніи Ань-да присылать въ Пекинъ періодическія посольства съ данью. Вэнъ-вань-да, желая обезпечить спокойствіе пограничнаго населенія, стоялъ за разрѣшеніе такихъ посольствъ, при чемъ энергично выражалъ свое порицаніе измѣнническому образу дѣйствій пограничныхъ и столичныхъ властей, позволявшихъ себѣ захватывать монгольскихъ посланцевъ и даже осуждать ихъ на позорную казнь. По его мнѣнію, слѣдовало казнить виновныхъ въ этомъ дѣлѣ и послать объ этомъ объявленіе на границу. Императоръ-же, уступая настояніямъ придворныхъ совѣтниковъ, никакъ не хотѣлъ на это согласиться [1]).

Потерпѣвъ въ 1545 году пораженіе у Янъ-хэ и слыша объ энергичныхъ мѣрахъ, принятыхъ для охраны границы по распоряженію Вэнъ-вань-да, Ань-да благоразумно воздерживался отъ набѣговъ, но рѣшилъ добиться почетнаго мира съ пекинскимъ правительствомъ съ правомъ присылать въ столицу періодическія посольства и получать отъ императора отвѣтныя награды. Съ такимъ предложеніемъ явилось въ Да-тунъ отъ Ань-да посольство въ 1546 году, но посланцы эти были убиты на границѣ [2]). Въ отвѣтъ на это оскорбленіе Ань-да вторгся въ Нинъ-ся и разгромилъ Цинь-пинъ-пу (清平堡) [3]). Думая, что онъ достаточно устрашилъ упрямыхъ китайцевъ, Ань-да осенью того-же года снова отправилъ посольство съ запросомъ относительно разрѣшенія ему приходить съ данью. На этотъ разъ онъ обратился къ

1) М. Ш. біографія Вэнъ-вань-да, 198 цз., 24—25 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 2 л. укрѣпленіе Цинъ-пинъ-пу находилось въ окресностяхъ Нинъ-ся.

самому Вэнъ-вань-да, прося его ходатайства передъ пекинскимъ правительствомъ [1]). Этотъ генералъ-губернаторъ, бывшій, какъ мы видѣли выше, сторонникомъ установленія мирныхъ сношеній съ монголами, препроводилъ полученную имъ отъ Ань-да грамоту на монгольскомъ языкѣ въ Пекинъ, причемъ высказался за принятіе его предложеній. При этомъ онъ выражалъ опасеніе, что, въ случаѣ отказа, монголы, пользуясь благопріятнымъ осеннимъ временемъ, могутъ легко сдѣлать набѣгъ. Въ Пекинѣ отнеслись съ недовѣріемъ къ предложенію Ань-да и требовали фактическихъ доказательствъ ихъ искренности. Дѣло, такимъ образомъ, затянулось; монгольскіе посланцы ушли и переговоры были прерваны. Снова начались военныя дѣйствія. На этотъ разъ монголы вторглись въ Шэнь-си [2]). Противъ нихъ выступилъ пограничный губернаторъ Цзэнъ-сянь (曾銑), который пустилъ при этомъ въ ходъ обычный китайскій маневръ, а именно отправилъ Цань-цзян'а (參將) (воен. чинъ) Ли-чжэн'а (李珍) съ небольшимъ отрядомъ къ ставкѣ монголовъ, находившейся къ сѣверу отъ горъ Ма-лянъ-шань (馬梁山), гдѣ были оставлены ими старики, женщины и дѣти. Услыхавъ объ этомъ обходномъ движеніи, испуганные монголы поспѣшили отступить [3]). Этого незначительнаго успѣха было достаточно, чтобы заставить китайцевъ питать самые радужныя надежды. Честолюбивый Цзэнъ-сянь составилъ цѣлый планъ возвращенія Хэ-тао (Ордоса) и представилъ по этому предмету весьма обстоятельный докладъ: упомянувъ о неудачныхъ попыткахъ прежнихъ императоровъ вернуть эту богатую пастбищами и соляными озерами область, онъ говоритъ, что со временъ Цзи-нан'а она сдѣлалась любимымъ кочевьемъ монголовъ, подчиненныхъ этому главарю, откуда они производили постоянныя вторженія въ Да-тунъ и Сюань-фу. Стратегическая важность этой области, по мнѣнію докладчика, была очевидна, а потому необходимо было серьезно подумать о возвращеніи ея. Для

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.

2) Ibid.

3) М. Ш. біогр. Цзэнъ-сян'я, 204 цз., 9 л.

нападенія онъ предлагалъ избрать зимнюю или весеннюю пору, когда лошади кочевниковъ не откормлены. Каждую весну онъ просилъ предоставлять въ его распоряженіе небольшой отрядъ и снабжать его продовольствіемъ на 50 дней. Съ этими отрядами Цзэнъ-сянь намѣревался нападать прямо на ставки монголовъ, надѣясь этимъ путемъ устрашить кочевниковъ и отвадить ихъ отъ нападеній на китайскіе предѣлы. Докладъ этотъ переданъ былъ на обсужденіе столичнымъ чиновникамъ, которые рѣшили, для осуществленія плана Цзэнъ-сян'я, снаряжать ежегодно въ теченіи 3-хъ лѣтъ 60-ти тысячный отрядъ [1]). Проектъ этотъ былъ разосланъ на обсужденіе всѣмъ пограничнымъ начальникамъ. Вэнъ-вань-да въ своемъ отзывѣ обращалъ вниманіе китайскаго двора на неудобство для китайцевъ вести наступательную войну въ степяхъ, гдѣ кочевники со своею легкою кавалеріею имѣютъ несомнѣнный перевѣсъ надъ непривычными китайскими войсками, которыхъ необходимо должны сопровождать огромные обозы съ провіантомъ. Съ своей стороны, предусмотрительный губернаторъ предлагалъ скорѣе позаботиться о лучшемъ укрѣпленіи пограничныхъ областей, чѣмъ надежнѣе гарантировалась-бы безопасность населенія окраинъ. Не смотря на разумность доклада Вэнъ-вань-да, императоръ, увлеченный заманчивымъ предложеніемъ Цзэнъ-сян'я, не обратилъ на него никакого вниманія [2]). Это воинственное настроеніе продолжалось, впрочемъ, недолго; въ 1547 г. императоръ внезапно перемѣнилъ образъ мыслей, а Цзэнъ-сянь, ратовавшій за наступательную войну съ монголами, былъ осужденъ и казненъ на торговой площади [3]). Между тѣмъ, Ань-да продолжалъ домогаться мира съ пекинскимъ правительствомъ. Вѣроятно именно изъ за этого у него произошла размолвка съ Сяо-ванъ-цзы, который, не сочувствуя мирнымъ наклонностямъ своего сосѣда, собирался сдѣлать

1) М. Ш. біогр. Цзэнъ-сян'я, 204 цз., 9—10 лл.
2) М. Ш. біогр. Вэнъ-вань-да, 198 цз., 27 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.

набѣгъ на Ляо-дунъ. Ань-да не захотѣлъ упустить столь удобнаго случая подслужиться китайцамъ. Онъ поспѣшилъ сообщить въ Пекинъ о намѣреніяхъ Сяо-ванъ-цзы, предлагая даже свои услуги для отраженія его нападенія съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы затѣмъ ему было дано разрѣшеніе являться періодически съ данью. Съ такимъ предложеніемъ приходило отъ Ань-да въ концѣ 1547 г. и въ началѣ 1548 г. не менѣе трехъ посланцевъ. Желаніе Ань-да придти во чтобы то ни стало къ мирному соглашенію съ китайцами объясняется начавшимся уже въ то время вліяніемъ на этого монгольскаго князя проповѣдниковъ буддизма. Въ одной изъ грамотъ, присланныхъ имъ въ 1547 г. къ китайскимъ пограничнымъ властямъ, говорится, что въ то время среди монголовъ находился великій святитель, который говорилъ, что годъ «овцы» (1547 г.) должно проводить въ мирѣ безъ кровопролитія. Склоняясь на его увѣщанія, четыре великихъ главаря, Ань-да, Бао-чжи (保只), Цзи-нанъ-тай-цзи и Ба-ду-тай-цзи (把都), желая завязать мирныя сношенія, просили разрѣшить представлять дань. Если-бы имъ это было позволено, то они собирались представить одну бѣлую лошадь съ черною головою и 3.000 головъ разныхъ лошадей. Себѣ-же они просили атласу на кафтаны главарямъ. При существованіи такихъ мирныхъ сношеній, внутри предѣловъ имперіи происходило-бы невозбранно обработка земли, а за границею кочевники занимались-бы скотоводствомъ, причемъ монголы не приходили-бы въ столкновеніе съ китайцами. Въ случаѣ принятія ихъ предложеній, монгольскіе князья обѣщали, что на всемъ протяженіи границы они не будутъ производить вторженій. Въ случаѣ-же нарушенія мира съ чьей-либо стороны, виновные должны были выдаваться для наказанья своимъ начальникамъ. Этими мѣрами, по мнѣнію монгольскаго князя, можно было обезпечить полную дружбу между кочевниками и китайцами и постоянное спокойствіе на границѣ[1]). Въ виду такой настойчивости со стороны монголовъ, Вэнъ-вань-да,

1) У. Б. Д. Ц., 8 цз., 66 л.

черезъ коего велись всѣ эти переговоры, рѣшилъ еще разъ сдѣлать представленіе о необходимости удовлетворить ходатайство кочевниковъ, выставляя при томъ на видъ возможность серьезныхъ осложненій. Но императоръ, не смотря на всѣ доводы, все-таки не внялъ совѣтамъ генералъ-губернатора и даже выразилъ ему свое порицаніе. Послѣ этого пришлось поневолѣ прекратить обсужденіе мирныхъ предложеній [1]). Убѣдившись въ полной безполезности своихъ домогательствъ, Ань-да предпринялъ цѣлый рядъ походовъ на китайскія пограничныя области. Перечисленіемъ этихъ набѣговъ переполнены лѣтописи непосредственно слѣдовавшихъ за симъ годовъ. Началъ онъ свои набѣги съ осени того-же 1548 года, произведя въ 8 лунѣ набѣги на Да-тунъ. Китайскія войска встрѣтились съ нимъ при Ми-то-шан'ѣ (彌陀) и удержали отъ движенія впередъ. Черезъ мѣсяцъ монгольскія полчища появились въ Сюань-фу, разграбили Юнъ-пинъ, Лунь-цинъ и Хуай-лай. Во время этого похода перебито было множество войскъ и населенія [2]).

Весною 1549 года Ань-да повторилъ свой прошлогодній набѣгъ; монголы ворвались въ Сюань-фу и разгромили Ди-шуй-яй (滴水崖). Китайскія войска всюду терпѣли пораженія. Между тѣмъ, полчища кочевниковъ вторглись далѣе въ Да-тунъ и Юнъ-пинъ. Отступили они только, прослышавъ о приближеніи значительнаго отряда подъ начальствомъ Вэнъ-вань-да изъ Хуай-лай'я. Въ то-же время монголы дѣлали нападенія и на западную границу, на провинціи Шэнь-си и Гань-су. Особенною настойчивостью и гибельными для китайцевъ послѣдствіями отличались набѣги, предпринятые монголами въ 1550 году. Весною этого года Ань-да со своими полчищами сталъ кочевать въ мѣстности Вэй-нинъ-хай-цзы [3]). Отсюда онъ вмѣстѣ съ главаремъ То-то-

1) М. Ш. біогр. Вэнъ-вань-да, 198 цз., 27 л.

2) Ibid.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л. Мѣстность Вэй-нинъ-хай-цзы лежитъ въ предѣлахъ Чахарскаго желтаго знамени въ 40 верстахъ къ ю-з. отъ ставки его. Л. Д. Д. Л. Ч.

синь-ай'емъ (脫脫辛愛) и слишкомъ 100 тысячнымъ войскомъ перешелъ въ Дуань-тоу-шань (斷頭)[1]. Лѣтомъ монголы вторглись въ Да-тунъ. Выступившіе противъ нихъ цзунъ-бин'ы Чжанъ-да (張達) и Линь-чунь (林椿) потерпѣли сильныя пораженія и пали на полѣ битвы. Ободренный этимъ успѣхомъ Ань-да задумалъ осуществить въ томъ-же году грандіозное предпріятіе—походъ на самую столицу Китая. При этомъ онъ постарался прежде всего заручиться содѣйствіемъ всѣхъ монгольскихъ племенъ, для чего ко всѣмъ начальникамъ родовъ имъ были разосланы «циркулярныя стрѣлы» съ приглашеніемъ явиться для совмѣстнаго нападенія на Китай[2]). Особенно дѣятельными и полезными помощниками въ этомъ дѣлѣ ему явились урянхайцы. Уже съ 1548 года, т. е. со времени окончательнаго разрыва между Ань-да и китайцами, монголы ежегодно производили набѣги на восточную границу Китая. Въ 1548 году урянхайскій главарь Ба-ту-эрръ разгромилъ Гуанъ-нинъ, а въ 1549 году монголы эти сдѣлали общее нападеніе на Ляо-дунъ[3]). Подстрекателями урянхайцевъ къ этимъ набѣгамъ являлись, главнымъ образомъ, китайцы, Ха-чжоу-эрръ (哈舟兒) и другіе, состоявшіе на службѣ у монголовъ и, какъ истые ренегаты, старавшіеся, по возможности, вредить своимъ соотечественникамъ. Когда въ 1550 году Ань-да задумалъ предпринять большой походъ на Срединную имперію, Ха-чжоу-эрръ явился къ нему съ совѣтами и указалъ на сѣверный путь, какъ на наиболѣе безопасный и удобный. Ань-да послушался его и провелъ свои войска чрезъ Чао-хэ-чуань (潮河川), Бай-мяо (白廟) и вторгся въ Гу-бэй-коу[4]). Отсюда онъ предпринялъ обходное движеніе, неожиданно вторгся въ Хуай-жоу (懷柔)[5], осадилъ Шунь-и (順義)[6] и достигъ Тунъ-

---

1) У. Б. Д. Ц. 9 цз., 3 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.
3) М. Ш. Бэнь-цзи, 18 цз., 3 л.
4) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 13 л.
5) Мѣстность эта лежитъ къ с.-в. отъ Пекина см. карту Матусовскаго.
6) Городокъ этотъ лежитъ къ ю.-в. отъ Хуай-жоу, ibid.

чжоу (通 州). Здѣсь Ань-да раздѣлилъ свою армію на отдѣльные летучіе отряды и всюду производилъ опустошительные грабежи[1]). Монголы простояли здѣсь, однако, не долго и вскорѣ двинулись къ столицѣ. Ставъ лагеремъ у сѣверныхъ воротъ, они опустошили и выжгли всѣ селенія, расположенныя къ западу и сѣверу отъ Пекина. Окрестные поселяне были въ большомъ замѣшательствѣ;—монголы хозяйничали здѣсь цѣлыхъ восемь дней и навели на китайцевъ паническій страхъ. Императоръ требовалъ, чтобы дано было сраженіе непріятелю. Одинъ изъ китайскихъ генераловъ, Динъ-жу-куй (丁 汝 夔), обратился за совѣтомъ, какъ поступить, къ министру (Да-сё-ши) Янъ-сун'у. Послѣдній далъ ему совѣтъ замѣчательный по своему благоразумію и осторожности: «если вы проиграете сраженіе въ пограничныхъ мѣстностяхъ, то это еще можно скрыть отъ императора; здѣсь-же по сосѣдству скрыть пораженіе невозможно, а такъ какъ, въ этомъ случаѣ, васъ ждетъ неизбѣжное строгое наказаніе, то лучше вовсе не сражаться. Враги, пресытившись грабежомъ, непремѣнно уйдутъ, а поэтому не стоитъ вступать съ ними въ битву». Послѣдовавъ этому совѣту, Динъ-жу-куй и прочіе китайскіе генералы оставались въ полномъ бездѣйствіи, запершись въ своихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ[2]). Предсказаніе Янъ-сун'а сбылось: вдоволь награбивъ въ окрестностяхъ столицы, монголы не осмѣлились, однако, предпринять сколько нибудь рѣшительныя дѣйствія противъ столичныхъ укрѣпленій и начали отступать. За уходившими кочевниками двинулся съ наблюдательнымъ отрядомъ китайскій полководецъ Чоу-луань (仇 鸞). Ань-да неожиданно направилъ на него свой арьергардъ, и китайцы, не будучи подготовленными къ этому нападенію, потеряли убитыми и ранеными до 1.000 человѣкъ. Послѣ этого Ань-да потихоньку, не торопясь, удалился чрезъ проходъ Гу-бэй-коу. Желая какъ нибудь загладить свое непростительное трусливое поведеніе, пограничные

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.
2) М. Ш. біогр. Динъ-жу-куй'я, 204 цз., 14 л.

начальники, послѣ ухода непріятеля, поотрубали головы у трупов убитыхъ монголовъ и, отправивъ до 80 такихъ трофеевъ въ Пекинъ, доложили, что они одержали блестящую побѣду. Въ бытность свою подъ Пекиномъ Ань-да велъ, между прочимъ, и переговоры съ китайскимъ дворомъ. Онъ отправилъ въ столицу захваченнаго имъ въ плѣнъ евнуха Янъ-цзэн'а (楊增) съ грамотою, въ которой снова излагалось требованіе о разрѣшеніи являться періодически съ данью, а также объ установленіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ рынковъ для торговли лошадьми [1]). Грамота эта была передана на разсмотрѣніе Янъ-сун'у и Сюй-цзѣ (徐階). Первый изъ нихъ отзывался о монголахъ съ презрѣніемъ и совѣтовалъ не обращать никакого вниманія на ихъ требованія. Съ этимъ взглядомъ не соглашался Сюй-цзѣ, который, съ своей стороны, указывалъ на опасность, могущую угрожать имперіи, въ случаѣ если-бы непріятель раздражился. Онъ предлагалъ отправить къ Ань-да искуснаго переводчика, который-бы обѣщалъ ему исполнить всѣ требованія подъ непремѣннымъ условіемъ, однако, чтобы монголы удалились изъ окрестностей столицы [2]). Маневръ этотъ, какъ мы уже видѣли выше [3]), удался, и Ань-да, обнадеженный обѣщаніями китайцевъ, ушелъ на сѣверъ чрезъ Гу-бэй-коу. Повидимому, монгольскій предводитель вполнѣ положился на завѣренія пекинскаго двора; по крайней мѣрѣ, онъ выказалъ полную вѣру въ добросовѣстность китайцевъ, приславъ весною слѣдующаго-же 1551 года въ область Сюань-фу сына своего То-то съ небольшою свитою для окончательныхъ переговоровъ [4]). Между тѣмъ, въ Пекинѣ происходили еще горячія пренія по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли завязывать мирныя сношенія съ монголами или продолжать съ ними борьбу. Во главѣ партіи мира стоялъ Чоу-луань. Съ другой стороны, энергично противился всякимъ уступкамъ чиновникъ

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.
2) М. Ш. біогр. Сюй-цзѣ, 213 цз., 5 л.
3) См. стр. 98.
4) У. Б. Д. Ц., 9 цз., 5 л.

военнаго министерства Янъ-цзи-шэнъ (楊繼盛), представившій по этому поводу обширный докладъ. «Монголы», говорилъ онъ, «раззорили наши могилы и побили массу нашего народа; мы, слѣдовательно, должны питать особенную вражду къ нимъ и поступимъ неприлично, если первые протянемъ имъ руку примиренія». Открытіе конныхъ рынковъ, по мнѣнію докладчика, совершенно не согласно съ достоинствомъ имперіи, да, кромѣ того, Ань-да вѣроятно вовсе и не собирается начинать правильныя торговыя сношенія, а будетъ несомнѣнно пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы, согласно своимъ всегдашнимъ привычкамъ, пограбить гдѣ можно. Чиновники, стоявшіе за миръ, приводили, между прочимъ, тѣ доводы, что, во время перемирія съ кочевниками, они надѣялись пріобрѣсти на нихъ нравственное вліяніе и, кромѣ того, выиграть время для того, чтобы заготовить достаточный запасъ оружія, дабы, въ случаѣ надобности, дать непріятелю энергичный отпоръ. Янъ-цзи-шэнъ находилъ, что пріобрѣсти какое-либо нравственное вліяніе на кочевниковъ немыслимо, такъ какъ они, по природѣ своей, дерзки и ненасытны и что столковаться съ ними можно только помощью оружія. Также несостоятельны были, по убѣжденію Янъ-цзи-шэн'а, и всѣ прочіе доводы сторонниковъ мира, а потому онъ просилъ императора сдѣлать распоряженіе о походѣ, причемъ ручался, что въ самое короткое время голова Ань-да будетъ торчать на палкѣ на торговой площади. Докладъ этотъ своею смѣлостью произвелъ, повидимому, сильное впечатлѣніе на императора, который сталъ даже колебаться относительно того, какъ поступить ему и не лучше-ли оставить безъ вниманія мирныя предложенія монголовъ. Но тутъ сторонники мира прибѣгли къ энергичной мѣрѣ и, дабы окончательно положить конецъ колебаніямъ императора, заявили, что гонецъ съ письменнымъ согласіемъ на предложенія монголовъ уже давно уѣхалъ по назначенію [1]). Такимъ образомъ, миръ былъ заключенъ, и въ томъ-же 1551 году, лѣ-

---

1) М. Ш. біогр. Янъ-цзи-шэн'а, 209 цз., 22 л.

томъ, были открыты конные рынки въ Да-тун'ѣ и Сюань-фу[1]). Въ пятой лунѣ завѣдывавшій рынками въ Да-тун'ѣ ши-ланъ Ши-дао (史 道) донесъ, что торгъ продолжался четыре дня съ 25 по 28 число четвертой луны, и лошадей у монголовъ оставалось еще много, но запасъ шелковыхъ матерій, которыми платили китайцы, истощился, а потому торгъ былъ прекращенъ. Во все время торга явившіеся на рынки монголы находились подъ строгимъ надзоромъ своего начальства, причемъ ни одинъ человѣкъ не осмѣлился кричать или производить безпорядки. По закрытіи рынка, монголы, повернувшись лицомъ на югъ, совершали поклоненіе предъ столомъ, покрытымъ желтою скатертью, причемъ представили особую грамоту на монгольскомъ языкѣ, въ коей выражали раскаяніе за все прошлое. Такое скромное поведеніе кочевниковъ давало поводъ пограничнымъ властямъ расчитывать, что осенью, когда предполагалось снова допустить конный торгъ, никакихъ особыхъ осложненій не произойдетъ. Вмѣстѣ съ лошадьми, присланными для продажи, явились отъ монголовъ и пять посланцевъ, приведшихъ въ качествѣ дани ко двору девять лошадей. Пекинскій-же дворъ пожаловалъ Ань-да 100 тысячъ ланъ серебра, большой халатъ изъ украшенной узорами матеріи, четыре одежды изъ разноцвѣтныхъ матерій, большую шапку съ золотымъ шарикомъ и золотой кушакъ. То-то былъ пожалованъ большой красный халатъ; посланцамъ—каждому по зеленому халату[2]).

Всѣ эти подарки китайцевъ, а также и выгоды отъ торговли, повидимому, мало прельщали монголовъ. Непосредственно вслѣдъ за закрытіемъ рынковъ, Ань-да вторгся въ китайскіе предѣлы и началъ производить грабежи. По мнѣнію историка Минъ-ши, главными виновниками такого поведенія со стороны Ань-да слѣдуетъ считать китайскихъ перебѣжчиковъ, которыхъ служило въ то время у монголовъ не мало. Всѣ они исповѣдывали какую

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 18 цз., 4 л.
2) У. Б. Д. Ц. 9 цз., 11—13 лл.

то особенную религію, Бо-лянь (白 蓮), и знали много фокусовъ, которые выдавали монголамъ за чудеса. Впрочемъ, эти кудесники не долго пользовались вліяніемъ у Ань-да; — онъ скоро понялъ ихъ обманы и нѣкоторыхъ изъ нихъ заключилъ въ тюрьму, другіе-же сами благоразумно скрылись. Послѣ этого Ань-да снова обратился въ Пекинъ съ просьбою разрѣшить ему обмѣнивать лошадей и рогатый скотъ на хлѣбъ и бобы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы ему пожалованъ былъ почетный титулъ. Обращаясь къ китайцамъ съ такими предложеніями, Ань-да не стѣснялся въ то же время производить подъ рукою нападенія на западную границу Китая и даже сломалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пограничную стѣну, объ исправномъ содержаніи которой такъ усиленно заботились за послѣднее время китайскія власти. Получивъ объ этомъ увѣдомленіе, императоръ сильно разгнѣвался, приказалъ прекратить всякіе переговоры и отозвалъ изъ Да-тун'а Ши-дао, назначеннаго туда китайскимъ комиссаромъ по завѣдыванію конными рынками[1]). Въ виду такого полнаго разрыва, монголы начали со слѣдующаго года производить безпрерывные набѣги на китайскія пограничныя области. Уже весной 1552 года въ Пекинѣ получено было извѣстіе, что предводители кочевниковъ Ань-да и Ба-яо (擺 腰) перекочевали на новыя мѣста. Такая перекочевка въ необычное время должна была служить худымъ предзнаменованіемъ[2]). Дѣйствительно, наступившій годъ оказался особенно тяжелымъ для пограничныхъ областей. Въ теченіи его монголы произвели не менѣе восьми набѣговъ на китайскіе предѣлы. Началъ свои походы Ань-да съ Да-тун'а, куда вторгся съ 2.000 всадниковъ и разгромилъ Хуай-жень-чуань (懷 仁 川)[3]). Чжи-хуй Ванъ-гунъ (王 恭) встрѣтился съ ними въ мѣстности Пинъ-чуань-дунь (平 川 墩), но потерпѣлъ сильное пораженіе и самъ палъ въ сраженіи. Лѣтомъ монголы вторг-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

2) У. Б. Д. Ц. 9 цз., 22 л.

3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 5 л.; мѣстность Хуай-жэнь-чуань лежитъ въ предѣлахъ уѣзда Хуай-жень-сянь.

лись въ Ляо-дунъ, гдѣ встрѣтили ожесточенное сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе успѣли совершенно истребить нѣсколько китайскихъ отрядовъ [1]). Осенью монголы повторяли свое нападеніе на Да-тунъ и кромѣ того разгромили Нинъ-ся [2]). Одновременно съ Ань-да производилъ набѣги, съ своей стороны, и Сяо-ванъ-цзы Да-лай-сунь(打來孫)[3]), вторгшійся съ нѣсколькими десятками тысячъ въ Ляо-дунъ, въ мѣстность Цзинь-чжоу (錦州). Противъ него дѣйствовали довольно успѣшно цзунъ-бинъ Чжао-го-чжунъ (趙國忠)[4]). Въ слѣдующую-же весну 1553 года монголы возобновили свои нападенія. Ань-да вторгся въ Сюань-фу [5]), а Цзи-нанъ разгромилъ Янь-суй [6]). Лѣтомъ монголы вторглись въ Гань-су и прошли по пограничнымъ областямъ до Да-тун'а. Все лѣто продолжались безпрерывные набѣги монголовъ по всей сѣверной границѣ: на востокѣ было произведено нападеніе на города Линь-цю (靈邱) и Гуанъ-чанъ (廣昌), лежащіе къ юго-западу отъ Пекина, въ центральной части была разгромлена мѣстность Хунь-юань (渾源), въ области Да-тунъ-фу. Западныя области Янь-ань-фу (пров. Шэнь-си) и Цинъ-янъ-фу (пров. Гань-су) также не мало пострадали отъ этихъ набѣговъ. Сяо-ванъ-цзы (Да-лай-сунь) тоже не отставалъ отъ Ань-да и производилъ грабительскіе набѣги въ ближайшихъ окрестностяхъ Пекина,—захватилъ напр. городъ Чи-чэнъ-сянь. Только сильные дожди, отличавшіеся въ 1553 году особенною продолжительностью, заставили монголовъ отступить. Лишь только окончился дождливый періодъ, Ань-да съ 10-ти тысячнымъ отрядомъ перешелъ границу Да-тун'а [7]). Начальникомъ высланныхъ противъ него китайскихъ войскъ былъ Чжао-ши-чунь (趙時春), состоявшій въ то время

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.
2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 5 л.
3) Это несомнѣнно Дарайсунь-Кудэнъ-ханъ Сананъ-сэцэна, см. Schmidt, op. cit, стр. 198.
4) У. Б. Д. Ц., 3 цз., 36 л.
5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.
6) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 6 л.
7) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

губернаторомъ провинціи Шань-си. Онъ былъ ярымъ сторонникомъ партіи войны, возмущаясь бездѣятельностью китайскихъ пограничныхъ начальниковъ и нерѣдко говаривалъ, что если бы ему дали 5.000 солдатъ, то онъ живо далъ-бы себя знать монголамъ, такъ что и духу ихъ не было-бы слышно. Получивъ важное назначеніе на границѣ, онъ еще больше возмечталъ о своихъ воинскихъ доблестяхъ и, собравъ конное и пѣшее войско, смѣло выступилъ противъ монголовъ въ мѣстность Гуанъ-у. Узнавъ отъ развѣдчиковъ, что непріятель находится невдалекѣ, Чжао-ши-чунь началъ торопливо готовиться къ нападенію, говоря: «если враги узнаютъ, что я иду на нихъ, то непремѣнно побѣгутъ, и если мы не скоро двинемся, то не въ состояніи будемъ догнать ихъ—такъ далеко они убѣгутъ». Сказавъ это, онъ ударилъ по лошади и достигъ мѣстности Да-чунь-линъ (大蟲嶺), гдѣ его неожиданно окружили сидѣвшіе въ засадѣ монголы. Храбрый губернаторъ такъ растерялся, что бросился въ испугѣ къ «сторожевой» башнѣ и его подняли туда на веревкахъ [1]). Въ 1554 году монголы произвели нападеніе на область Сюань-фу и захватили крѣпость Цзы-гоу-пу (紫溝堡); лѣтомъ они вторглись въ Нинъ-ся и Да-тунъ, причемъ Да-тун'скій цзунъ-бинъ Іо-мао (岳懋) попалъ въ засаду и былъ убитъ. Особенною настойчивостью отличался однако, какъ всегда, осенній набѣгъ монголовъ [2]). На этотъ разъ Да-лай-сунь и Ба-ту-эрръ [3]), собравъ 100 слишкомъ тысячъ коннаго войска вторглись въ Цзи-чжоу. Генералъ-губернаторомъ въ этихъ мѣстахъ былъ въ то время Янъ-бо (楊博), успѣвшій составить себѣ за послѣдніе восемь лѣтъ почетную извѣстность въ качествѣ отличнаго администратора. Въ 1546 г. онъ получилъ назначеніе губернатора въ про-

---

1) М. Ш. біогр. Чжао-ши-чун'я, 200 цз., 25 л.; сторожевыя башни, построенныя въ пограничныхъ мѣстностяхъ, описаны мною въ дневникѣ поѣздки изъ Пекина на У-тай и обратно, напечатан. въ запискахъ Географ. Общества. т. XXII, вып. II, стр. 130.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

3) Вѣроятно Багатуръ-Молоцзай Санан-сэцэна. См. Schmidt, op. cit., 196 стр.

винціи Гань-су и тотчасъ-же началъ заботиться о колонизаціи ввѣреннаго ему края, испросивъ у императора льготы для могущихъ явиться новыхъ поселенцевъ. Съ своей стороны, губернаторъ прилагалъ возможныя старанья для облегченія тамъ земледѣлія, для чего проводилъ каналы, исправлялъ пограничныя укрѣпленія и заботился о водвореніи мира и спокойствія среди населенія. Такимъ образомъ, Янъ-бо удалось переселить въ подвѣдомственныя ему пограничныя области слишкомъ 700 семействъ. Переведенный на новый постъ на востокъ, въ болѣе важныя въ стратегическомъ отношеніи области, Янъ-бо показалъ себя не менѣе энергичнымъ правителемъ и военачальникомъ. Когда до Пекина дошла вѣсть о вторженіи монголовъ въ Цзи-чжоу, правительство страшно перепугалось, и въ столицѣ были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности; къ Янъ-бо чуть не ежечасно летѣли гонцы съ запросами о положеніи дѣлъ. Благодаря распорядительности генералъ-губернатора монголы были отбиты отъ Губэй-коу, гдѣ они пытались прорваться, и стали лагеремъ невдалекѣ. Янъ-бо, собравъ горсть храбрыхъ солдатъ, ночью ворвался въ ихъ лагерь и до такой степени перепугалъ монголовъ, что на разсвѣтѣ они скрылись. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ областей Сюань-фу, Да-тун'а и Шань-си, и ему пришлось немедленно-же вслѣдъ за симъ выдержать упорное нападеніе монголовъ. Справившись съ ними, Янъбо тотчасъ-же принялся за быстрое исправленіе пограничныхъ укрѣпленій. Всего въ Да-тун'ѣ было возведено 9 укрѣпленій и 92 сторожевыхъ башни, прорыто 2 рва, каждый по 9 верстъ длины и маленькихъ рвовъ 64. Все это было сдѣлано съ невѣроятною быстротою, занявъ всего не болѣе 50 дней[1]). За послѣдній годъ мы вовсе не встрѣчаемъ извѣстій о личныхъ набѣгахъ со стороны Ань-да; во главѣ монголовъ, дѣлавшихъ вторженія въ китайскіе предѣлы, стояли Да-лай-сунь и окружавшіе его князья. Изъ Минъ-ши мы узнаемъ, что Ань-да въ

---

1) М. Ш. біогр. Янъ-бо, 214 цз., 3 л.

то время былъ лично занятъ совсѣмъ другимъ дѣломъ. Въ свитѣ этого монгольскаго князя въ то время находилось много выходцевъ изъ Китая, отчаянныхъ головорѣзовъ, среди которыхъ выдающуюся роль игралъ Цю-фу (邱富) и Чжоу-юань (周原). Имъ, вѣроятно, надоѣла скитальческая жизнь, которую они должны были вести, пребывая среди монголовъ, и они уговорили Ань-да построить себѣ городъ для постояннаго жительства. Мѣсто для него было выбрано въ округѣ Фынъ-чжоу (豐)[1], тамъ, гдѣ стоитъ теперь Гуй-хуа-чэнъ (歸化城) (монг. Куку-хото). Здѣсь возведены были палаты для князя и дома для лицъ, окружавшихъ его. Сдѣлана была даже попытка пріучить кочевниковъ къ осѣдлой жизни, и окрестности города были воздѣланы.

Китайскіе перебѣжчики были во многихъ отношеніяхъ полезны монголамъ,—старательно обучали ихъ китайской стратегіи и знакомили со всѣми хитростями и уловками, къ которымъ имѣли обыкновеніе прибѣгать китайцы во время войны. Ань-да сознавалъ, повидимому, пользу ихъ указаній и не предпринималъ ни одного набѣга, не посовѣтовавшись предварительно съ однимъ изъ этихъ китайцевъ. Пребываніе такихъ совѣтниковъ въ свитѣ монгольскаго князя очень не нравилось пекинскому правительству, и въ 1555 году были объявлены довольно крупныя награды за головы этихъ китайцевъ[2]). Ань-да, повидимому, пришлась по вкусу спокойная жизнь во вновь построенномъ имъ городкѣ. Заключить объ этомъ можно изъ того, что, непосредственно вслѣдъ за основаніемъ Гуй-хуа-чэн'а, мы, какъ видѣли выше, не встрѣчаемъ упоминаній о немъ въ разсказахъ китайскихъ историковъ о набѣгахъ, произведенныхъ монголами въ ближайшіе за симъ годы на китайскіе предѣлы. Между тѣмъ, набѣги эти продолжались непрерывно.— Въ 1556 году лѣтомъ монголы вторглись съ 30.000 войскомъ въ Сюань-фу. Ю-цзи (遊擊) (оф. чинъ) Чжанъ-хунъ (張紘) вышелъ къ нимъ на встрѣчу и палъ въ

1) По Юань-ди-ли-чжи округъ этотъ находился въ провинціи Чжунъ-шушэнъ, въ области Да-тунъ.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.

битвѣ[1]). Въ то же время на Юнъ-пинъ сдѣлалъ нападеніе Далай-сунь. Онъ вторгся съ 100.000 войскомъ и взялъ, между прочимъ, городъ Гуанъ-нинъ[2]). Выступившій противъ него цзунъбинъ Инь-шань-чжи палъ въ сраженіи[3]). Зимою произведено было нападеніе на Да-тунъ и Шэнь-си, но менѣе удачно для монголовъ;—начальникъ китайскихъ войскъ Сунь-чао (孫朝) успѣлъ отразить ихъ. Въ числѣ монгольскихъ начальниковъ, дѣлавшихъ въ этомъ году нападенія на китайскіе предѣлы впервые встрѣчаемъ упоминаніе о Ту-ман'ѣ (土蠻)[4]). Въ началѣ 1557 года монголы въ числѣ 20 тысячъ разгромили Да-тунъ, причемъ погибло много китайскихъ военачальниковъ; осенью набѣгъ на эту область былъ повторенъ, причемъ было взято и разрушено не менѣе семидесяти укрѣпленныхъ мѣстъ.

Особенною настойчивостью отличались набѣги, предпринятые монголами въ этомъ году противъ сѣверо-восточныхъ областей имперіи.—Младшій братъ Ань-да, Лао-ба-ду (老把都)[5]), прошелъ съ большимъ войскомъ черезъ Хэ-лю-коу (河流口) и разгромилъ уѣздъ Цянь-ань-сянь (遷安) области Юнъ-пинъ фу[6]). Вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовалъ и Ба-ту-эрръ [7]). Лѣтомъ эти-же монголы вторглись въ Сюань-фу, въ мѣстность Ма-вэй-лянъ (馬尾梁). Зимою того-же 1557 года случился на границѣ инцидентъ, довольно характерно рисующій существовавшія въ то время отношенія между кочевниками и начальниками пограничныхъ областей. У сына Ань-да, Синь-ай'я (辛愛), была наложница по имени Тао-сунъ-чжай (桃松寨), находившаяся въ связи съ однимъ монгольскимъ главаремъ, Шоу-линъ-гэ (收令哥). Боясь казни за свою невѣрность, она бѣжала къ китайцамъ, прося у нихъ за-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.
2) У. Б. Д. Ц., 3 цз., 41 л.
3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 7 л.
4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.; Ту-мань — это несомнѣнно Тумэнь-тайчжи старшій сынъ Дарайсуня. См. Schmidt, op. cit., стр. 200.
5) Вѣроятно Лабукъ-тайчжи Сананъ-сэцэна. См. Schmidt, op. cit, стр. 204.
6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.
7) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 7 л.

щиты. Пограничный генералъ-губернаторъ Янъ-шунь (楊 順), думая заслужить одобреніе императора, отправилъ ее въ Пекинъ. Между тѣмъ, Синь-ай обратился по этому поводу съ энергическимъ протестомъ къ китайцамъ, требуя немедленной выдачи своей наложницы, и, не получивъ удовлетворенія, произвелъ жестокій разгромъ въ Да-тун'ѣ. Боясь какъ бы дѣло не приняло слишкомъ серьезный оборотъ, Янъ-шунь прибѣгъ къ слѣдующей уверткѣ: онъ отправилъ въ Пекинъ донесеніе, въ которомъ заявлялъ, что монголы хотятъ обмѣнить Тао-сунъ-чжай на двухъ китайскихъ перебѣжчиковъ, служившихъ у Ань-да. Въ Пекинѣ повѣрили этой баснѣ, и монголка была прислана въ лагерь къ генералъ-губернатору, который, войдя предварительно въ соглашеніе съ Синь-ай'емъ, выпустилъ ее тайкомъ ночью и велѣлъ идти на западъ; несчастная попала, конечно, въ руки къ поджидавшимъ ее монголамъ и была ими казнена. Въ Пекинъ-же Янъ-шунь донесъ, что Тао-сунъ-чжай бѣжала. Расчетъ генералъ-губернатора, что такимъ путемъ ему удастся умилостивить непріятеля оказался, однако, несостоятельнымъ. Видя чрезмѣрную трусость Янъ-шун'я и убѣдившись въ полномъ его безсиліи, монголы, напротивъ, съ тѣмъ бо́льшею настойчивостью продолжали свои наступательныя дѣйствія, причемъ главныя силы ихъ были сосредоточены противъ западныхъ округовъ области Да-тунъ и укрѣпленія Ю-вэй (右衛). Положеніе становилось до такой степени критическимъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ императора подумывали уже о необходимости совершенно оставить на произволъ судьбы эти мѣста и не думать о сохраненіи ихъ. Императоръ не соглашался, однако, съ мнѣніемъ этихъ малодушныхъ совѣтниковъ и настаивалъ на необходимости удержать Ю-вэй. Крѣпость эта, между тѣмъ, едва держалась;—припасы истощились, и жители ѣли своихъ коровъ и лошадей и ломали дома на дрова. Но гарнизонъ держалъ себя храбро и не помышлялъ о сдачѣ. Одинъ изъ засѣвшихъ въ городѣ военачальниковъ, Шань-бяо (尚表), сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ вылазокъ, причемъ захвачены были въ плѣнъ внукъ Ань-да и его зять, а также

одинъ изъ предводителей родовъ. Между тѣмъ, на помощь къ осажденнымъ подоспѣли отправленныя изъ Пекина войска подъ начальствомъ губернатора Янъ-сюан'я (楊 選) и цзунъ-бин'а Чжанъ-ченъ-сюн'я (張 承 勳). Узнавъ о приближеніи этого отряда, монголы немедленно сняли осаду. Независимо отъ Да-тун'а, монголы дѣлали вторженія еще и въ провинцію Гань-су (уѣздъ Юнъ-чанъ-сянь), а также и на ближайшія окрестности Пекина, причемъ ими захваченъ былъ городъ Чи-чэнъ-сянь. Ту-мань, съ своей стороны, неоднократно нападалъ на Ляо-дунъ. Такіе мелкіе разрозненные набѣги мало удовлетворяли монголовъ. Желая предпринять набѣгъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, два монгольскихъ главаря, братъ Ань-да, Лао-ба-ду, и сынъ его, Синь-ай, заключили между собою условіе произвести совмѣстно большое нападеніе. Самый фактъ союза между двумя монгольскими главарями, упоминаемый въ Минъ-ши [1]), подтверждается также свѣдѣніями, сообщаемыми У-бянь-дянь-цзэ, гдѣ приведенъ докладъ генералъ-губернатора Янъ-бо, въ которомъ онъ доноситъ, что Синь-ай заключилъ союзъ съ Хэ-тао'скими монголами (Лао-ба-ду, вѣроятно, кочевалъ именно въ Ордосѣ) и что оба эти князя переходятъ съ мѣста на мѣсто у самой границы [2]). Свѣдѣніе это представляется интереснымъ въ томъ смыслѣ, что оно даетъ намъ представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ между начальниками отдѣльныхъ монгольскихъ родовъ, которые, повидимому, пользовались почти полною самостоятельностью, кочуя въ извѣстныхъ предѣлахъ совершенно изолированно отъ прочихъ племенъ. Если такою самостоятельностью пользовались братъ (Лао-ба-ду) и сынъ (Синь-ай) могущественнаго и энергичнаго Ань-да, который болѣе другихъ монгольскихъ князей имѣлъ возможность проявлять свою власть, то нечего и говорить, что никакой централизаціи власти не могло быть среди племенъ, номинальнымъ главою которыхъ считался Сяо-ванъ-цзы Да-лай-сунь. Выбравъ своимъ мѣстопре-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 22 л.
2) У. Б. Д. Ц. 3 цз., 59 л.

бываніемъ округъ Хуй-чжоу (會)[1], Лао-ба-ду и Синь-ай начали высматривать, гдѣ и когда удобнѣе сдѣлать вторженіе. Въ пограничныя мѣстности были посланы ихъ агенты, которымъ приказано было слѣдить за положеніемъ дѣлъ и распускать слухи, что монголы собираются идти на востокъ. Пограничные начальники повѣрили этимъ слухамъ и отправили свои войска на границу Ляо-дун'а. Между тѣмъ, монголы прошли чрезъ Пань-цзя-коу (潘家) и вторглись въ Цзи-чжоу. Въ томъ же году они сдѣлали нападеніе на Да-тунъ, откуда прошли въ Сюань-фу, гдѣ ими были взяты два города. Только сильные дожди заставили монголовъ удалиться[2]).

Подъ этимъ же годомъ встрѣчаемъ упоминаніе о нападеніи на мѣстность Ту-му самого Ань-да[3]), который поспѣшилъ воспользоваться общимъ замѣшательствомъ, произведеннымъ на границѣ набѣгами его брата и сына. Слѣдующій 1560 годъ былъ также очень неспокойнымъ. Монголы съ большимъ войскомъ стали лагеремъ у Хуй-хэ (灰), недалеко отъ прохода Си-фынъ-коу и выжидали удобнаго времени для нападенія.

Этою нерѣшительностью кочевниковъ воспользовался цзунъбинъ Лю-хань (劉漢);—онъ вышелъ съ небольшимъ отрядомъ изъ Си-фынъ-коу и самъ первый напалъ на ставку монголовъ, заставивъ ихъ нѣсколько отступить. Ободренный этимъ успѣхомъ, Лю-хань осенью того-же года смѣло напалъ на самую резиденцію Ань-да, недавно построенную имъ въ мѣстности Фынъчжоу, убилъ 150 монголовъ и сжегъ нѣкоторые изъ домовъ. Удачныя дѣйствія этого Лю-хан'я противъ Ань-да произвели, однако, весьма малое впечатлѣніе на остальныхъ монголовъ, продолжавшихъ производить свои опустошительные набѣги на китайскіе предѣлы, какъ въ западной, такъ и въ восточной части границы. На западѣ были разгромлены области Да-тунъ и Янь-

1) Округъ Хуй-чжоу наход. въ предѣлахъ праваго крыла Харачинскаго аймака. Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 22 л.

3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 19 цз., 9 л.

суй, а на востокѣ Цзи-чжоу [1]). Тѣ же безпрерывныя вторженія продолжались и въ 1561 году. Еще раннею весною, до вскрытія Хуанъ-хэ, монголы поспѣшили сдѣлать нападеніе, переправившись по льду замерзшей рѣки. Китайцы потерпѣли рѣшительное пораженіе и потеряли убитыми многихъ изъ своихъ командировъ. Осенью монголы, по обыкновенію, произвели генеральное вторженіе по всей пограничной линіи: на востокѣ Ба-ту-эрръ разгромилъ Гай-чжоу (蓋州) въ Ляо-дун'ѣ [2]); у самыхъ стѣнъ Пекина монголы вторглись въ Сюань-фу и Цзюй-юнъ; на крайнемъ же западѣ пострадали области Шэнь-си и Нинъ-ся. Въ 1562 году особенно частыя нападенія производилъ Ту-мань, кочевавшій на востокѣ, на границѣ Ляо-дун'а; онъ вторгся въ Фу-шунь (撫順), но былъ отбитъ цзунъ-бин'омъ Хѣй-чун'емъ (黑春). Зимою онъ повторилъ свое нападеніе, причемъ осадилъ городъ Фынъ-хуанъ (鳳凰). Хѣй-чунь снова выступилъ противъ него, но былъ убитъ въ сраженіи при Хай-цзин'ѣ (海金), продолжавшемся двое сутокъ. Въ это-же время Ань-да дѣлалъ нападенія на Шань-си и Нинъ-ся. Съ китайской стороны, противъ него дѣйствовалъ Янь-суй'скій цзунъ-бинъ Чжао-гэ (趙哥), который раздѣлилъ свое войско на нѣсколько отрядовъ и дѣйствовалъ довольно удачно противъ кочевниковъ. Тѣмъ не менѣе весною слѣдующаго-же 1563 года монголы снова вторглись въ Сюань-фу, въ мѣстность Ди-шуй-яй, гдѣ съ ними встрѣтился Лю-хань и далъ имъ энергичный отпоръ. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, кочевники повернули на востокъ и разгромили Ляо-дунъ [3]). Между тѣмъ, здѣсь, въ этой восточной части границы происходили довольно серьезныя осложненія въ отношеніяхъ между китайскими властями и главарями трехъ военныхъ поселеній. Китайскіе военачальники вздумали перейти здѣсь въ наступленіе, и въ 1563 г. выступили со своими войсками за Гу-бэй-коу, но были жестоко

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 22 л.
2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 10 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.

побиты До-янь'цами и вынуждены были отступить. Ободренный этимъ успѣхомъ одинъ изъ главарей До-янь'скихъ, Тунъ-хань (通罕), непосредственно вслѣдъ за симъ явился съ небольшою свитою къ одному изъ пограничныхъ укрѣпленій и сталъ настойчиво требовать себѣ подарковъ отъ пекинскаго двора. Цзунъ-бинъ Ху-чжэнь (胡鎮), къ которому онъ явился, захотѣлъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, дабы отличится предъ начальствомъ, захватилъ довѣрчиваго монгола и отправилъ его къ генералъ-губернатору Янъ-сюан'ю (楊選). Этотъ Тунъ-хань приходился тестемъ сыну Ань-да, Синь-ай'ю, а потому генералъ-губернатору пришло на умъ воспользоваться его захватомъ для обузданія Синь-ай'я. Несмотря на требованія До-янь'цевъ, онъ не отпускалъ ихъ главаря и велѣлъ передать его сыновьямъ, чтобы они, если желаютъ облегчить положеніе отца, явились сидѣть вмѣсто него въ качествѣ заложниковъ. Такая мѣра могла, конечно, лишь раздражить урянхайцевъ (къ каковому племени принадлежали, какъ извѣстно и До-янь'цы) и заставила ихъ тѣснѣе сблизиться съ монголами, находившимися подъ главенствомъ Ань-да. Съ тѣхъ поръ, говоритъ историкъ Минъ-ши, урянхайцы сильно разгнѣвались и стали служить проводниками у Ань-да при его нападеніяхъ на китайскіе предѣлы [1]). Месть монголовъ за измѣнническій захватъ одного изъ ихъ главарей была жестокая. Зимою тогоже 1563 года Ба-ту-эрръ и Синь-ай вторглись чрезъ Цянъ-цзы-линъ (牆子嶺) [2]) и разгромили области Сань-хэ и Шунь-и. Китайскіе войска терпѣли пораженіе за пораженіемъ, такъ что въ столицѣ принуждены были принять чрезвычайныя мѣры предосторожности. Остановить наступленіе монголовъ китайцамъ удалось лишь въ Ми-юн'ѣ (密雲). гдѣ кочевниковъ встрѣтилъ Да-тун'скій цзунъ-бинъ Цзянъ-инъ-сюнь (姜應熊). Въ Пекинѣ поняли тогда неблагоразуміе поступка Янъ-сюан'я, и

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 13 л.
2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 11 л.

онъ былъ казненъ[1]). Въ 1564 году два предводителя восточнаго отдѣла монголовъ, Ту-мань и Хѣй-ши-тань (黑石炭) произвели нападенія на мѣстности, лежащія къ востоку отъ Цзичжоу, но безуспѣшно. Случился, повидимому, очень сильный приливъ, залившій на большомъ протяженіи низменные берега Печилійскаго залива, что затрудняло движеніе непріятельскихъ войскъ. Одинъ изъ китайскихъ военачальниковъ, Лю-тао (劉濤), донесъ по этому поводу въ Пекинъ: «при отраженіи враговъ, всѣ китайскіе офицеры выказали храбрость, но главнымъ помощникомъ явилось море, которое поднялось и погубило массу конныхъ непріятелей». Въ благодарность за это императоръ предписалъ мѣстнымъ чиновникамъ принести жертву морю[2]). Зимою того-же года монголы произвели нападеніе на Шэнь-си, разгромивъ мѣстности Бань-цяо (板橋) и Сянъ-чжаэрръ (響閘兒). Весною слѣдующаго 1565 года было повторено нападеніе на Ляо-дунъ, а именно на мѣстности Нинъ-цянь (寧前) и Сяо-туань-шань (小團山), причемъ выступившіе противъ монголовъ китайскіе офицеры были всѣ перебиты. Осенью того же года сынъ (?) Ань-да Хуанъ-тай-цзи (黃台吉) съ отборными всадниками вторгся въ Сюань-фу. Противъ него довольно удачно дѣйствовалъ ба-цзунъ (把總) (офиц. чин.) Цзянъ-жу-дунъ (姜汝棟) который ловко устроилъ засаду и и чуть было не захватилъ самаго Хуанъ-тай-цзи. Князь этотъ былъ тяжело раненъ, но вскорѣ оправился. Набѣги эти безпрерывно продолжались и въ 1566 году. Въ Минъ-ши отмѣчена подъ этимъ годомъ смерть нѣкоего Цю-фу, китайскаго измѣнника, служившаго у Ань-да[3]). Видимъ изъ самаго факта упоминанія о смерти Цю-фу, что подобные ему перебѣжчики дѣйствительно сильно досаждали своимъ соотечественникамъ, давая монголамъ разные коварные совѣты и указанія. Послѣ смерти Цю-фу, въ ка-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.
2) У. Б. Д. Ц. 4 цз., 32 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.

чествѣ такого совѣтника у монголовъ оставался еще Чжао-цюань, который продолжалъ пользоваться большимъ авторитетомъ среди кочевниковъ. Китаецъ этотъ не чуждъ былъ честолюбивыхъ замысловъ, собирался даже объявить Ань-да императоромъ и принялся энергично за возобновленіе недавно сожженныхъ китайцами палатъ въ Гуй-хуа-чэн'ѣ, думая соорудить тамъ еще болѣе великолѣпную резиденцію для своего покровителя. Судьба, однако, не благопріятствовала осуществленію этой затѣи; — были уже заготовлены матеріялы и даже назначенъ день для закладки дворца (положенія стропилъ), какъ вдругъ балки были снесены сильнымъ вѣтромъ, причемъ ранено нѣсколько человѣкъ. Обстоятельство это такъ сильно подѣйствовало на Ань-да, что онъ не посмѣлъ поселиться въ этомъ дворцѣ. Чжао-цюань былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ личностями всѣхъ пограничныхъ китайскихъ дѣятелей; ему, напримѣръ, было извѣстно, что ши-ланъ Танъ-лунь, сидѣвшій въ то время правителемъ въ Цзи-чжоу, энергично заботится о содержаніи въ порядкѣ ввѣренныхъ ему укрѣпленій, и потому онъ совѣтовалъ монгольскимъ начальникамъ не трогать этой мѣстности, а лучше направлять нападенія на слабо защищенный Да-тунъ. Ань-да послушался его совѣта и нанесъ китайцамъ нѣсколько серьезныхъ пораженій.[1])

Глава XII.

Царствованіе императора Лунъ-цин'а (隆慶) (1567—1573).

Ань-да поспѣшилъ воспользоваться перемѣною царствованія, происшедшаго въ Китаѣ со смертью императора Ши-цзун'а (世宗) и произвелъ грандіозное вторженіе въ предѣлы провинціи Шань-си. Подойдя къ границѣ съ большимъ войскомъ, онъ раздѣлилъ его на три отряда, по нѣскольку десятковъ тысячъ въ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 24 л.

каждомъ, и вторгся одновременно въ Цзинъ-пинъ (井坪) [1], Шочжоу, Лао-инь (老營) и Пянь-тоу-гуань [2]). Пограничные начальники не имѣли возможности остановить монголовъ, которые безпрепятственно захватили Фынъ-чжоу (汾) и Ши-чжоу (石) [3]), причемъ было перебито не мало народа. Кочевники не дѣлали при этомъ никакого различія между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми и безчеловѣчно вырѣзали поголовно всѣхъ. Этимъ удобнымъ временемъ поспѣшили воспользоваться урянхайцы; — они заключили союзъ съ Ту-ман'емъ и вмѣстѣ съ нимъ производили нападенія на китайскіе предѣлы. Такимъ образомъ, ими были захвачены Цзи-чжэнь (薊鎮), Фу-нинъ (撫寧), Лоутинъ (樓亭) и Лу-лунъ (盧龍), причемъ весь этотъ округъ былъ совершенно раззоренъ. Во время этого похода непріятельская конница, выѣхавшая для рекогносцировокъ, подошла почти вплотную къ самому Пекину, чтó породило панику въ столицѣ. Не смотря на удачу, кочевники не осмѣлились, однако, сдѣлать нападеніе на самый Пекинъ, и, разграбивъ нѣсколько деревушекъ въ ближайшихъ окрестностяхъ его, черезъ три дня начали отступленіе. Китайскія войска слѣдовали за ними по пятамъ. Во время этого отступленія, случился большой туманъ, вслѣдствіе чего монголы заблудились и попадали въ пропасть. Китайцы поспѣшили, конечно, воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, живо спустились въ пропасть и поотрѣзали у мертвыхъ и раненыхъ монголовъ головы. Собравъ, такимъ образомъ, достаточно трофеевъ славной побѣды, китайскій полководецъ не постѣснился отправить блестящую реляцію въ Пекинъ [5]). Въ 1568 году главнозавѣдующимъ дѣлами на западной границѣ былъ назначенъ вице-президентъ военнаго министерства Ванъ-чунъ-гу (王崇古), отличавшійся недюжинными способностями и большою опытно-

---

1) Находится въ провинціи Шань-си, области Шо-пинъ-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

2) Всѣ эти мѣстности приходятся въ Шань-си.

3) Id.

4) Всѣ эти мѣста лежатъ въ Юнъ-пинъ-фу.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.

стью въ пограничныхъ дѣлахъ. Этотъ энергичный администраторъ приложилъ всевозможныя старанія для упорядоченія пограничныхъ дѣлъ, которыя дѣйствительно находились въ самомъ плачевномъ положеніи. Начальники китайскихъ гарнизоновъ старались откупаться отъ монголовъ помощью подарковъ и денежныхъ подношеній, а иногда просто заявляли о своей покорности, предоставляя на произволъ буйныхъ кочевниковъ ввѣренныя имъ области и рѣшительно ничего не предпринимая для ихъ защиты. Единственной, всепоглощающей заботою этихъ ревностныхъ администраторовъ и доблестныхъ офицеровъ было полученіе въ возможно широкихъ размѣрахъ наградъ и поощреній изъ Пекина, для достиженія чего пограничные начальники прибѣгали подчасъ къ самымъ возмутительнымъ пріемамъ, не останавливаясь даже передъ преступленіями. Такъ, напримѣръ, они убивали китайцевъ, возвращавшихся изъ монгольскаго плѣна и доносили въ Пекинъ, что имъ удалось захватить и казнить китайскихъ измѣнниковъ, проживавшихъ у кочевниковъ. Искорененіемъ подобныхъ безобразій ревностно занялся Ванъ-чунъ-гу; слухи объ его энергичной дѣятельности проникли къ монголамъ и такъ повліяли на нихъ, что въ теченіи 2—3-хъ лѣтъ они не отваживались нападать на границу. Ванъ-чунъ-гу старался по возможности, обезпечивать благосостояніе всѣхъ перебѣжчиковъ отъ кочевниковъ; благодаря этому, въ короткое время къ китайцамъ явилось до 1.000 человѣкъ разныхъ монголовъ; всѣ они были разселены въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Въ ту-же зиму явился къ китайцамъ весьма важный перебѣжчикъ, Бахань-на-цзи (把漢那吉), приходившійся внукомъ Ань-да, (онъ былъ сыномъ Тѣ-бай-тай-цзи (鐵背台吉)[1], третьяго сына Ань-да). Въ младенчествѣ этотъ Ба-хань-на-цзи осиротѣлъ и былъ воспитанъ въ домѣ своего дѣда, Ань-да, женою послѣдняго.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 29 л. Въ У. Б. Д. Ц. князь этотъ названъ Тѣ-цзѣ-тай-цзи (鐵背台吉), 10 цз., 45 л.

Когда онъ выросъ, то женился на Би-цзи (比吉), но не поладилъ съ нею и взялъ себѣ другую жену, дочь Ао-эрръ-ду-сы (襖兒都司) (ордосскаго князя?). Престарѣлый Ань-да прельстился ея красотою и отнялъ ее у внука. Ба-хань-на-цзи сильно на это разгнѣвался и, прослышавъ, что китайскій генералъ-губернаторъ охотно принимаетъ монгольскихъ перебѣжчиковъ, явился въ пограничный постъ съ изъявленіемъ покорности, взявъ съ собою около десяти приближенныхъ людей[1]). Принявшій Ба-хань-на-цзи губернаторъ Фанъ-фынъ-ши (方逢時) доложилъ объ его приходѣ своему начальнику Ванъ-чунъ-гу, причемъ, съ своей стороны, высказалъ мнѣніе, что слѣдовало-бы пріютить этого перебѣжчика. Ба-хань-на-цзи былъ отправленъ къ генералъ-губернатору съ эскортомъ въ 500 человѣкъ[2]). Обласкавъ монгольскаго князька, Ванъ-чунь-гу представилъ въ Пекинъ, по поводу его прихода, докладъ слѣдующаго содержанія: «Ань-да въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ свирѣпствуетъ въ пограничныхъ областяхъ и, злоупотребляя собственной силою, притѣсняетъ всѣхъ прочихъ монголовъ. Само небо прогнѣвалось на его беззаконія и даже родственники отдѣляются отъ него. Одинъ изъ нихъ явился къ намъ издалека съ изъявленіемъ покорности. По моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ дать ему хорошее жилище, ублаготворить его прекраснымъ содержаніемъ, но все время строго слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ какъ нибудь не убѣжалъ. Если Ань-да, узнавъ о переходѣ своего внука къ намъ, подойдетъ къ границѣ и будетъ требовать выдачи его, то намъ слѣдуетъ предложить ему произвести обмѣнъ, а именно обмѣнять Ба-хань-на-цзи на китайскихъ измѣнниковъ, проживавшихъ въ Куку-хото (Бань-шэнъ (板升)—какъ тогда этотъ городъ назывался). Если Ань-да согласится на это предложеніе, то можно будетъ честь-честью отпустить Ба-хань-на-цзи, и это будетъ, конечно, самый лучшій исходъ дѣла. Въ случаѣ же непокорности со стороны враговъ и нежеланія подчиниться

1) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-чу, 222 цз., 8 л.
2) М. Ш. біогр. Фанъ-фынъ-ши, 222 цз.

этимъ предложеніямъ, имъ можно будетъ пригрозить, что мы убьемъ его внука. Этимъ путемъ намъ удастся конечно запугать монгольскаго владыку, который, изъ опасенія за жизнь Ба-хань-на-цзи, будетъ держать себя смирно и не осмѣлится производить на границѣ большихъ безпорядковъ. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть время для передышки и получимъ возможность нѣсколько оправиться. Если предположить, наконецъ, что Ань-да будетъ совершенно игнорировать своего внука, то и въ этомъ случаѣ мы можемъ эксплуатировать его переходъ на нашу сторону въ свою пользу. Намъ слѣдуетъ только всячески ублаготворить Ба-хань-на-цзи и сдѣлать его своимъ преданнымъ другомъ и союзникомъ. При этомъ мы непремѣнно добьемся того, что многіе изъ людей его племени перейдутъ къ намъ. Всѣхъ этихъ новыхъ пришлецовъ слѣдуетъ отдать подъ начальство Ба-хань-на-цзи, образуя такимъ образомъ цѣлое поколѣніе преданныхъ намъ монголовъ. Затѣмъ должно ожидать удобнаго момента, напримѣръ, смерти Ань-да и вступленія въ управленіе его сына и наслѣдника Синь-ай'я. Тогда слѣдуетъ дать Ба-хань-на-цзи почетный титулъ и внушить ему мысль возвратить себѣ остальныхъ изъ бывшихъ подданныхъ его. Изъ за этого у него съ Синь-ай'емъ непремѣнно произойдутъ недоразумѣнія и споры, отъ чего намъ можетъ быть одна лишь польза, такъ какъ монголы будутъ заняты домашними дѣлами и не будутъ имѣть времени производить на наши предѣлы нападенія. Если-же мы поступимъ въ данномъ случаѣ по древнимъ примѣрамъ и казнимъ Ба-хань-на-цзи или отдадимъ его въ рабство кому-нибудь изъ военачальниковъ, то этимъ мы только разгнѣваемъ Ань-да и доставимъ ему удобный поводъ для постоянныхъ нападеній на наши предѣлы.» Обсужденіе этого доклада въ совѣтѣ пекинскихъ министровъ было очень бурнымъ; кончилось оно, однако, тѣмъ, что предложеніе Ванъ-чунъ-гу, поддержанное двумя Да-сё-ши (министрами) одержало верхъ [1]). Императоръ пожаловалъ Ба-хань-на-цзи чиновное званія.

1) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 8 л.

Какъ разъ въ это время Ань-да былъ въ походѣ противъ Турфана[1]), но, услышавъ объ измѣнѣ своего внука, быстро вернулся на востокъ и тотчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе начать экспедицію противъ Китая. Ванъ-чунъ-гу принялъ мѣры къ встрѣчѣ его и на границѣ было выставлено нѣсколько отборныхъ отрядовъ[2]). Походъ монголовъ, впрочемъ, не оказался столь грознымъ, какимъ представлялся сначала. Среди самихъ кочевниковъ произошли недоразумѣнія и сынъ Ань-да, Синь-ай, доставившій по обязанности свой контингентъ для совмѣстнаго нападенія на Китай, только показывалъ видъ, что помогаетъ отцу, а на самомъ дѣлѣ думалъ о собственныхъ выгодахъ. Это разномысліе между отцомъ и сыномъ можетъ служить яркою иллюстраціею той децентрализаціи власти, которая господствовала въ то время среди монголовъ. Дѣйствовали они дружно только когда представлялся общій интересъ и возможность легко и быстро пограбить, но когда являлась необходимость вступаться въ интересы какого нибудь отдѣльнаго князя и рисковать встрѣтить при этомъ сильный отпоръ, то всякая солидарность даже между ближайшими родственниками немедленно исчезала. Не надѣясь добиться немедленной выдачи Ба-хань-на-цзи помощью насилія, Ань-да рѣшился прибѣгнуть къ мирнымъ переговорамъ. Принуждали его къ этому, между прочимъ, постоянныя сѣтованія жены его, воспитавшей Ба-хань-на-цзи и страстно желавшей свидѣться съ любимымъ внукомъ[3]).

На мирныя предложенія Ань-да Ванъ-чунъ-гу отвѣтилъ съ величайшею готовностью, и къ Ань-да былъ отправленъ для переговоровъ переводчикъ Бао-чунъ-дэ (鮑崇德). Монгольскій владыка встрѣтилъ его сурово и въ сильномъ гнѣвѣ спросилъ: «Мало-ли я еще поубивалъ вашихъ начальниковъ и офицеровъ

---

1) Объ этомъ походѣ монголовъ на Турфанъ говорится лишь въ одномъ этомъ мѣстѣ; мы не находимъ упоминанія о немъ ни въ китайской исторіи Турфана, ни у Сананъ-сэцэна.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 25 л.

3) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 9 л.

съ тѣхъ поръ какъ началъ воевать съ вами». Чунъ-дэ на это отвѣтилъ: «а всетаки наши офицеры и начальники не могутъ быть приравнены къ твоему внуку; мы теперь именно сильны тѣмъ, что держимъ твоего внука и если ты станешь угрожать намъ, то ускоришь лишь этимъ его смерть». Эта угроза китайскаго посланца подѣйствовала скорѣе успокоительнымъ образомъ на Ань-да, который до того времени находился подъ сомнѣніемъ, живъ-ли Ба-хань-на-цзи. Узнавъ, что онъ цѣлъ и невредимъ, монгольскій князь совсѣмъ измѣнился въ обращеніи съ Бао-чунъ-дэ, но, не довѣряя китайскому посланцу, послалъ отъ себя человѣка въ резиденцію генералъ-губернатора Ванъ-чунъ-гу посмотрѣть на Ба-хан'я. Ванъ-чунъ-гу велѣлъ одѣть плѣннаго князька въ цвѣтное платье, опоясалъ его золотымъ кушакомъ и въ такомъ облаченіи вывелъ къ монгольскимъ посланцамъ. Вернувшись къ Ань-да, эти посланные разсказали своему повелителю, какъ хорошо обращаются китайцы съ его внукомъ. Ань-да чрезвычайно обрадовался этому, такъ какъ никакъ не ожидалъ такого великодушія отъ своихъ враговъ. Ловкій Чунъ-дэ поспѣшилъ воспользоваться этой благопріятной минутой и намекнулъ хану, что Пекинское правительство готово-бы съ радостью произвести обмѣнъ Ба-хан'я на китайскихъ измѣнниковъ, проживавшихъ въ недавно построенномъ по ихъ-же совѣтамъ городѣ Куку-хото. «Если», сказалъ Чунъ-дэ, «Чжао-цюань и прочіе измѣнники утромъ будутъ выданы намъ, то Ба-хань-на-цзи въ тотъ-же день вечеромъ вернется къ вамъ». Услышавъ такое предложеніе, Ань-да выпроводилъ всѣхъ своихъ приближенныхъ и, оставшись съ глазу на глазъ съ Чунъ-дэ, сказалъ ему: «Я вовсе не затѣваю ссоръ, а всѣ наши раздоры являлись плодомъ интригъ Чжао-цюан'я и другихъ китайскихъ измѣнниковъ. То обстоятельство, что внукъ мой перешелъ на вашу сторону, можетъ служить удобнымъ предлогомъ для нашего примиренія. Если теперь Сыну Неба угодно будетъ наградить меня княжескимъ титуломъ и сдѣлать меня начальникомъ надъ всѣми сѣверными племенами, то кто изъ нихъ осмѣлится производить смуты? Когда-же я

умру, то внукъ мой долженъ унаслѣдовать мое достоинство. Получивши отъ китайскаго правительства столь великія милости, онъ, конечно, не осмѣлится впослѣдствіи производить смуты». Отвѣтъ Ань-да былъ сообщенъ чрезъ Ванъ-чунъ-гу въ Пекинъ императору. Разговоръ монгольскаго хана съ китайскимъ переводчикомъ, выписанный мною цѣликомъ изъ біографіи Ванъ-чунъ-гу (см. М. Ш. 222 цз., 9 л.), конечно, значительно украшенъ фантазіею историка-китайца, желавшаго обрисовать возможно ярче обаяніе, которымъ пользовался Сынъ Неба даже среди кочевниковъ.

Одновременно съ этимъ въ столицу былъ отправленъ монгольскій посланецъ, который передавалъ китайцамъ о мирныхъ стремленіяхъ Ань-да, просилъ отъ его имени наградъ своему повелителю и разрѣшенія открыть конные рынки, на которыхъ монголы могли-бы вымѣнивать своихъ лошадей на китайскій шелкъ и холстъ. Немедленно вслѣдъ затѣмъ Ань-да, нежелавшій затягивать дѣло о выдачѣ своего внука, прислалъ къ китайцамъ связанными Чжао-цюан'я и другихъ китайскихъ измѣнниковъ, долго служившихъ у него въ качествѣ искуссныхъ совѣтниковъ по всѣмъ китайскимъ дѣламъ [1]). Всѣ они были немедленно же казнены на торговой площади [2]). Послѣ выдачи Чжао-цюан'я и другихъ измѣнниковъ, Чунъ-гу немедленно отправилъ къ Ань-да Ба-хан'я, который по словамъ историка Минъ-ши, никакъ не хотѣлъ уходить отъ китайцевъ, много плакалъ и затѣмъ только откланялся и ушелъ [3]). Когда Ба-ханъ вернулся, Ань-да съ женою приняли его съ великою радостью и прослезились, похлопавъ укоризненно и любовно по плечу.

Ань-да отправилъ по этому поводу въ Пекинъ благодарственный адресъ, обѣщая не производить набѣговъ на пограничныя области. Ванъ-чунъ-гу было, впрочемъ, извѣстно, что обѣ-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 827 цз., 15 л.
2) М. Ш. біогр. Ванъ-гунъ-гу, 223 цз., 9 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 330 цз., 27 л.

щаніе одного Ань-да еще не могло служить полною гарантіею мира, а потому онъ послалъ къ монгольскому хану предложеніе, чтобы и другіе главари, а именно Цзи-нынъ (吉能) и Ту-мань также прислали къ нему съ изъявленіемъ покорности. Ань-да обѣщалъ устроить все согласно желанію генералъ-губернатора, но Ту-мань, несмотря на это, всетаки не представилъ никакихъ завѣреній своей покорности[1]). Это обстоятельство не смутило, однако, Ванъ-чунъ-гу, который продолжалъ настаивать на необходимости завязать правильныя мирныя сношенія съ кочевниками и представилъ по этому поводу въ Пекинъ докладъ слѣдующаго содержанія: «Если императоръ согласится наградить Ань-да и допуститъ, чтобы онъ приходилъ съ данью, то во всѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ будетъ, впродолженіе нѣкотораго времени, царить миръ и спокойствіе. Я воспользуюсь этимъ спокойствіемъ для того, чтобы подготовиться и отдохнуть. Въ эти нѣсколько лѣтъ я успѣю накопить денегъ и откормить солдатъ и тогда, въ случаѣ возникновенія новыхъ ссоръ съ монголами, намъ будетъ не трудно сражаться и оберегать пограничныя земли отъ вражескихъ вторженій. Теперь-же, когда намъ приходится цѣлый годъ сражаться, мы не можемъ достаточно позаботиться о собственной безопасности»[2]). Обсужденіе этого доклада вызвало весьма бурныя пренія, причемъ многіе изъ министровъ особенно сильно возставали противъ требуемаго монголами, въ случаѣ начатія мирныхъ сношеній, открытія конныхъ рынковъ. По мнѣнію противниковъ мира, купленное такою цѣною кратковременное спокойствіе должно было самымъ жестокимъ образомъ отозваться впослѣдствіи. Прослышавъ объ оппозиціи со стороны пекинскихъ министровъ своимъ планамъ, Ванъ-чунъ-гу не замедлилъ представить снова въ подробномъ докладѣ свои соображенія: «Прежніе императоры», говорится въ этомъ документѣ, «издавали указы, по которымъ долженъ былъ строго

---

1) М. Ш. біогр, Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 9 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 25 л.

наказываться всякій, кто-бы осмѣлился только заговорить объ открытіи конныхъ рынковъ. Понятно поэтому, что пограничные чиновники не осмѣливались дѣлать представленій по этому предмету. Дѣло въ томъ, однако, что теперешнія силы враговъ не походятъ на прежнія, также какъ и мощь нашихъ войскъ не можетъ быть сравниваема съ прежнею. Поэтому нельзя дѣлать ссылокъ на повелѣнія прежнихъ государей, къ чему прибѣгаютъ противники мирныхъ переговоровъ. Но даже и прежніе государи, если и запрещали открывать конные рынки, то не дѣлали никакихъ ограниченій по вопросу о дозволеніи кочевникамъ приходить съ данью. Въ настоящее время, монголы именно просятъ даровать имъ это разрѣшеніе, а также домогаются открытія конныхъ рынковъ на подобіе тѣхъ, что существуютъ въ Кайюан'и и Гуанъ-нин'ѣ, исключительно для устройства мѣновой торговли лошадьми. Положеніе дѣлъ на границѣ представляется дѣйствительно угрожающимъ. Отецъ Ань-да, онъ самъ, его братья и сыновья въ теченіе 40—50 лѣтъ производятъ смуты на границѣ, которыя иногда достигаютъ такихъ размѣровъ, что угрожаютъ спокойствію самой столицы. Прекратить эти нападенія нѣтъ возможности, главнымъ образомъ, потому, что есть очень много людей, любящихъ болтать и представлять при всякомъ удобномъ случаѣ доклады, что мѣшаетъ дѣйствовать пограничнымъ чиновникамъ. Недавно только Ань-да двинулся на востокъ; въ Пекинѣ этого до такой степени испугались, что городскія ворота были завалены камнями. Это было совсѣмъ недавно, а между тѣмъ теперь многіе уже выражаютъ желаніе, чтобы спокойствіе было непремѣнно гарантировано на 100 лѣтъ. Конечно, это очень трудно, и поручиться за это я не могу. Если же мнѣ не удастся устроить столь продолжительный миръ, то всю вину въ этомъ свалятъ на меня. Между тѣмъ, самъ Ань-да не можетъ поручиться за то, что случится послѣ его смерти. Конечно, весьма легко отказать Монголамъ въ исполненіи ихъ просьбы. Но что мы будемъ дѣлать, когда кочевники, не получивъ удовлетворенія, уйдутъ недовольные. Положимъ, Ань-да

изъ за Ба-хань-на-цзи въ настоящее время будетъ еще держать себя спокойно, но, во всякомъ случаѣ, Ту-мань и урянхайцы продолжаютъ воровскимъ образомъ шпіонить въ Цзи-чжоу и Ляо-дун'ѣ, а Цзи-нынъ и Бинъ-ту (賓兎) (?) производятъ волненія на западной границѣ, и пограничнымъ жителямъ и властямъ рѣшительно нѣтъ времени отдохнуть. На борьбу не хватаетъ ни силъ, ни денегъ. Найдись даже и способный человѣкъ для этого дѣла, и онъ не будетъ въ состояніи привести все въ порядокъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, склониться на сторону мира. Въ случаѣ-же возникновенія пререканій по этому вопросу, можно поставить на видъ членамъ оппозиціи, что это вовсе не новое какое-нибудь предложеніе и что нашему правительству никоимъ образомъ не слѣдуетъ уклоняться отъ пріема выраженій покорности, которую желали бы принести иностранныя государства, а напротивъ Сыну Неба слѣдуетъ показать, что онъ великодушенъ и забываетъ прошлыя вины своихъ непокорныхъ данниковъ. Я лично не понимаю, чего собственно добиваются совѣтники правительства [1])». Свои соображенія о томъ, какъ именно слѣдуетъ поступить при данныхъ обстоятельствахъ, Ванъ-чунъ-гу изложилъ въ особой докладной запискѣ, раздѣленной на восемь отдѣльныхъ пунктовъ. Докладъ этотъ привожу здѣсь in extenso: «1) Въ дѣлѣ о награжденіи монголовъ почетными званіями и чиновными степенями должно придерживаться слѣдующаго порядка: начальникъ надъ всѣми родами и племенами, Ань-да, долженъ быть пожалованъ въ ван'ы (князья), и ему слѣдуетъ даровать особую печать. Ближайшихъ его родственниковъ, какъ-то Лао-ба-ду, Хуанъ-тай-цзи, а также старшаго сына Цзи-нан'а (吉囊), Цзи-нын'а, слѣдуетъ наградить титуломъ Ду-ду, ихъ же младшимъ братьямъ, племянникамъ, сыновьямъ и внукамъ, какъ-то — У-чжэнь-даэрръ-хан'ю (兀慎打兒漢) и другимъ, всего 46 человѣкамъ, слѣдуетъ пожаловать званіе Чжи-хуй'я. Зятей Ань-да слѣдуетъ

1) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 9—10 лл.

наградить чиномъ Цянь-ху (千戶). 2) Должно урегулировать приносимую монголами дань;—имъ слѣдуетъ дозволить являться съ данью лишь одинъ разъ въ годъ, причемъ Ань-да долженъ представлять 10 лошадей и присылать съ ними 10 человѣкъ; Лао-ба-ду, Цзи-нынъ и Хуанъ-тай-цзи по восьми лошадей и четыре человѣка, а начальники другихъ родовъ, смотря по величинѣ рода: большіе представляютъ четыре лошади, а малые двѣ, причемъ каждый присылаетъ по два человѣка. Всего-же число лошадей, представляемыхъ въ годъ, не можетъ нревышать 500 головъ, число же людей, приходящихъ съ данью, 150 человѣкъ. Лошади подраздѣляются на три сорта, причемъ лошади перваго сорта, въ количествѣ 30 головъ, представляются императору, за прочихъ же назначается цѣна, смотря по ихъ достоинству, старыя же и худыя вовсе не пропускаются чрезъ границу. Изъ посланцовъ могутъ быгь пропускаемы въ столицу всего 60 человѣкъ, всѣ-же прочіе останавливаются въ мѣстахъ пограничныхъ. На деньги, полученныя ими за лошадей, посланцы могутъ, по своей волѣ, покупать всякаго рода вещи. При отдариваніи посланцовъ слѣдуетъ руководствоваться правилами существовавшими при отдариваніи инородцевъ, входящихъ въ составъ трехъ военныхъ поселеній, а также Си-фан'ей. 3) Сроки явки посольствъ съ данью слѣдуетъ пріурочивать ко дню новаго года или-же ко дню рожденія императора, именно къ тѣмъ днямъ, когда со всѣхъ сторонъ являются ко двору люди съ данью. Пунктомъ сборища посланцовъ должно назначить мѣстность Цзо-вэй (左衛) въ области Да-тунъ-фу; здѣсь ихъ слѣдуетъ досматривать и только по осмотру пропускать. Тѣхъ изъ нихъ, которые останавливаются на границѣ, должно раздѣлять по городамъ, кормить и наблюдать за ними; прочихъ же, идущихъ въ столицу, должно направлять чрезъ Цзюй-юнъ-гуань. 4) Мѣновая торговля съ инородцами установлена на основаніи закона, изданнаго въ первый годъ правленія Хунъ-чжи (1488 г.). По этому закону въ пограничныхъ мѣстностяхъ трижды въ годъ устраивались рынки для таковой торговли. При этомъ инородцы доставляли на эти торжища золото

серебро, коровъ и лошадей, шкуры, лошадиные хвосты и т. п. Китайскіе же торговцы привозили, съ своей стороны, разные шелка, холсты, котлы. Въ настоящее время для этой торговли должно установить слѣдующія правила: При открытіи рынковъ, на каждой изъ нихъ со стороны монголовъ должно являться не болѣе 300 человѣкъ и останавливаться они должны внѣ границы; въ каждомъ мѣстѣ торговли нашихъ войскъ должно стоять 500 человѣкъ; торгъ не можетъ продолжаться долѣе одного мѣсяца. Пункты для рынковъ слѣдуетъ установить слѣдующіе: на 3-хъ границахъ Шэнь-си—тамъ, гдѣ раньше были установлены три мѣста съ крѣпостями[1]); для мѣстности Да-тунъ слѣдуетъ открыть пунктъ «Лѣвый вэй» (цзо-вэй), у границы Вэй-юань-пу (威遠堡)[2]), а для мѣстности Сюань-фу въ Вань-цюань-ю-вэй (萬全右衞), у границы Чжанъ-цзя-коу. 5) Солдаты, которые будутъ назначены со стороны монгольской для охраны рынковъ, могутъ быть награждаемы: имъ должно отпускать по два куска холста, а начальникамъ родовъ по два куска атласу и шелка. Если-бы отъ монголовъ явились на границу какіе нибудь посланцы съ добрыми намѣреніями, то слѣдуетъ разсмотрѣть большіе-ли то или малые чиновники и только по выясненію этого вопроса можно награждать и угощать ихъ. 6) Людей, приходящихъ съ намѣреніемъ поддаться, вслѣдствіе дружескихъ отношеній съ монголами, не должно принимать, не дѣлая различія, преступны они или нѣтъ. О плѣнныхъ китайцахъ, которые вернулись бы теперь, должно произвести дознаніе, нѣтъ-ли за ними какихъ либо преступленій, и если нѣтъ, то принимать и оставлять ихъ. 7) Во всемъ, касающемся пограничныхъ дѣлъ, должно твердо установить, что можетъ быть принято за постоянное правило и что за исключеніе. 8) Во всѣхъ этихъ

---

1) Здѣсь подъ тремя границами Шэнь-си слѣдуетъ несомнѣнно разумѣть всю западную часть сѣверной границы Китая; пункты гдѣ раньше были установлены рынки мнѣ неизвѣстны.

2) Вэй-юань-пу лежитъ въ области Да-тунъ-фу, въ уѣздѣ Тянь-чжэнь-сянь (天鎮).

дѣлахъ должно подавлять и оскоренять ложь[1])». По императорскому повелѣнію, докладъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе совѣта. Здѣсь мнѣнія раздѣлились, но большинство совѣта (22 человѣка) были за проектъ, а меньшинство (17 человѣкъ) высказывались противъ него; наконецъ, 5 человѣкъ были за то, что можно разрѣшить монголамъ приходить съ данью, но отъ мѣновой торговли должно непремѣнно отказаться. Послѣ продолжительныхъ преній, совѣтъ, въ полномъ составѣ, согласился съ цѣлесообразностью предложенныхъ Ванъ-чунъ-гу мѣръ, но рѣшено было все таки поступить по наружности такъ, будто пекинское правительство можетъ по своей волѣ распоряжаться Ань-да, на самомъ же дѣлѣ должно постараться поладить съ нимъ[2]). Согласно съ этимъ постановленіемъ издано было императорское повелѣніе, которымъ Ань-да возводился въ степень Шунь-и-ван'а; ему было пожаловано красное парадное платье, расшитое четырехъ-палыми драконами. Кунь-ду-ли-ха (昆都力哈)[3]), Синь-ай[4]) и Хуанъ-тай-цзи были возведены въ степени Ду-ду-тунъ-чжи (都督同知); каждому изъ нихъ было еще пожаловано по красному платью, расшитому львами. Бинъ-ту-тай-цзи и другіе 10 человѣкъ были возведены въ званіе Чжи-хуй'евъ; Да-эрръ-хань-тай-цзи и съ нимъ 18 человѣкъ получили званіе Чжэнъ-цянь-ху, А-бай-тай-цзи и съ нимъ 12 человѣкъ степень Фу-цянь-ху, Ця-тай-цзи и съ нимъ 2 человѣка степень Бо-ху[5]). Ань-да выслушалъ императорскій указъ весьма почтительно и тотчасъ-же отправилъ въ Пекинъ посланцевъ съ данью, состоявшею изъ лошадей. Императоръ обрадовался такому образу дѣйствій, похвалилъ Ань-да за искренность и пожаловалъ ему еще не мало подарковъ, состоявшихъ изъ золота и шелка; вмѣстѣ съ

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 26 л.

2) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 10 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.; Кунь-ду-ли-ха, по объясненію автора Минъ-ши, есть Лао-ба-ду.

4) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 10 л.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

тѣмъ ему была послана печать ван'ская[1]). При обсужденіи вопроса о томъ, въ какое время должно устроивать рынки, самымъ благопріятнымъ временемъ была признана осень; — и въ томъ же году рынки были открыты. Когда торгъ былъ оконченъ, оказалось, что куплено было всего 500 съ небольшимъ лошадей. Послѣ закрытія торга, прошедшаго, повидимому, въ полномъ порядкѣ, Ань-да и его родственникамъ было пожаловано по нѣсколько кусковъ шелковыхъ матерій, каждому смотря по званію. Надо предполагать, что китайцы простерли свою любезность по отношенію къ Ань-да и его родичамъ до крайности, такъ какъ выгодности мира, заключеннаго этимъ монгольскимъ княземъ, позавидовали его западные сосѣди. Кочевавшій въ мѣстностяхъ Хэ-тао и Хэ-си, у сѣверныхъ границъ нынѣшнихъ провинцій Шэнь-си и Гань-су, Цзи-нынъ, приходившійся родственникомъ Ань-да, просилъ о разрѣшеніи и ему торговать въ пограничныхъ мѣстностяхъ[2]). Въ виду того, что дѣло это касалось провинціи Шэнь-си, обсужденіе его было поручено генералъ-губернатору Вань-чжи-гао (王之誥), который въ отзывѣ своемъ заявилъ, что, по его мнѣнію, можно согласиться удовлетворить просьбу Цзи-нын'а только въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе года или двухъ лѣтъ будетъ воздерживаться отъ грабительскихъ набѣговъ. Ванъ-чунъ-гу также поспѣшилъ представить по этому поводу свои соображенія. Онъ доказывалъ необходимость поступить съ Цзи-нын'омъ не иначе, какъ было поступлено съ Ань-да, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣло представлялось бы оконченнымъ лишь на половину: «была бы поймана голова, а руки оставались бы свободными», и если-бы Цзи-нынъ вздумалъ производить грабежи въ Шэнь-си, то бѣдствія, которыя пришлось-бы испытать жителямъ тамошнихъ пограничныхъ областей, были-бы весьма велики. Императоръ согласился съ доводами Ванъ-чунъ-гу, который поспѣшилъ призвать со всѣхъ концовъ имперіи купцовъ, для сбыта товаровъ на вновь

1) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 10 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

открывшійся рынокъ. На сѣверо-западную границу потянулись, такимъ образомъ, купцы изъ очень отдаленныхъ провинцій: Цзянъ-си, Цзянъ-су, Ху-бэй и Ху-нань въ весьма значительномъ числѣ. Главными товарами, привозившимися изъ Китая, были: холстъ, шелкъ, разныя хлѣбныя зерна, мѣха и котлы. Китайское правительство не замедлило, конечно, установить пошлину за провозъ товаровъ къ границѣ и выручаемыя такимъ образомъ деньги дарились монголамъ въ видѣ откупа за спокойствіе [1]). Когда торги были окончены, Цзи-нын'у было пожаловано званіе Ду-ду-тунъ-чжи [2]). Подъ 1571 годомъ мы находимъ въ У. Б. Д. Ц. интересное донесеніе Ванъ-чунъ-гу о томъ, въ какомъ порядкѣ прошла торговля на различныхъ пунктахъ границы въ этомъ году.—Въ Да-тун'ѣ, въ мѣстности Дэ-шэнъ-пу (得勝堡), торгъ происходилъ начиная съ 28 числа 5-й луны по 14 число 6-й луны; за это время въ казенную продажу отъ племени Шунь-и-вана Ань-да поступило 1.370 лошадей, оцѣненныхъ въ 10.545 ланъ; частнымъ же образомъ продано лошадей, муловъ, ословъ, рогатаго скота и барановъ — 6.000 штукъ. На расходы (по награжденію кочевниковъ) пожаловано 981 лана. Въ мѣстности Синь-пинъ (新平) происходилъ торгъ, начиная съ 5 до 14 числа 7-й луны, причемъ въ казенную продажу отъ племенъ Хуанъ-тай-цзи и Ба-яо-у-чжэнь (擺腰兀愼) поступило 726 лошадей, оцѣненныхъ въ 4.253 ланы, и въ частной продажѣ — лошадей, муловъ, рогатаго скота и барановъ — 3.000 штукъ. На расходъ (по награжденію монголовъ) пожаловано было 560 ланъ. Въ области Сюань-фу, въ мѣстности Чжанъ-цзя-коу (нынѣшній Калганъ), торгъ производился съ 13 до 26 числа 6-й луны, причемъ отъ племенъ Кунь-ду-ли-ха, Юнъ-шао-бу (永邵卜) и Да-чэнъ (大成) поступило въ казенную продажу 1.913 лошадей, цѣною въ 15.277 ланъ; въ частной же продажѣ лошадей, муловъ, скота рогатаго и барановъ было 9.000; на расходы было

---

1) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 11 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

пожаловано 800 ланъ. Въ Шань-си, въ мѣстечкѣ Шуй-цюань-инъ (水泉營) въ 8-й лунѣ происходила торговля до 19 числа, причемъ отъ племенъ Ань-да, До-ло (多羅), Ту-мань и Вэй-у-чжэнь (委兀愼) поступило 2.941 лошадь, цѣною въ 16.400 ланъ. Въ частную же продажу поступило разнаго скота 4.000 головъ. На расходы по награжденію монголовъ было пожаловано 1.500 ланъ. Вся торговля прошла безо всякихъ безпорядковъ[1]).

Ванъ-чунъ-гу живо принималъ къ сердцу все дѣло сношеній съ монголами. Благодаря лишь его иниціативѣ они начались, и онъ принималъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, дабы упорядочить и развить ихъ. Онъ лично ѣздилъ на границу, объявлялъ тамъ во всеобщее свѣдѣніе императорскіе указы, сулилъ монгольскимъ князьямъ награды за послушаніе и грозилъ наказаніемъ за неповиновеніе. Такой въ своемъ родѣ «дурбаръ» былъ устроенъ энергичнымъ генералъ-губернаторомъ въ мѣстечкѣ Хунъ-цзы-пу (弘賜堡). Всѣ начальники племенъ кланялись и спѣшили выражать свою преданность. Съ этого времени воцарилось спокойствіе на всей сѣверной границѣ[2]).

О мирѣ, заключенномъ Алтанъ-ханомъ (Ань-да) съ китайскимъ императоромъ, мы встрѣчаемъ упоминаніе и у Сананъ-сэцэна[3]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мѣры, принятыя Ванъ-чунъ-гу, сами по себѣ много способствовали водворенію на границѣ спокойствія. Введеніемъ мѣновой торговли и урегулированіемъ вопроса о наградахъ администраторъ этотъ достигъ того, что, какъ князья монгольскіе, такъ и подданные ихъ оставались удовлетворенными. Миръ этотъ покупался китайцами очень недешево, такъ какъ имъ приходилось пріобрѣтать по довольно высокимъ цѣнамъ лошадей, вѣроятно, плохаго качества, да кромѣ того щедро задаривать князей, ихъ посланцевъ, даже монголь-

---

1) У. Б. Д. Ц. 10 цз., 77 л.
2) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 11 л.
3) См. Schmidt, op. cit., 210 стр.

скихъ солдатъ, являвшихся на торжище. Трудно, однако, предположить, чтобы однѣми этими мѣрами китайцамъ удалось такъ сильно подѣйствовать на кочевниковъ и сдѣлать изъ этихъ буйныхъ грабителей кроткихъ и мирныхъ сосѣдей. Причину такой рѣзкой перемѣны слѣдуетъ искать во внутренней, духовной жизни самихъ кочевниковъ. Здѣсь несомнѣнно сказывается все усиливавшееся вліяніе буддизма, который исподоволь проникалъ въ Монголію. Уже подъ 1547 годомъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о постепенномъ распространеніи вліянія буддизма среди кочевниковъ. О томъ какъ дѣйствовали проповѣдники этой религіи, откуда они являлись и гдѣ сосредоточивали преимущественно свою дѣятельность мы, къ сожалѣнію, ничего не узнаемъ ни изъ монгольскихъ, ни изъ китайскихъ источниковъ. Первое упоминаніе о проникновеніи буддизма въ Монголію встрѣчается у Сананъ-сэцэна подъ 1566 годомъ. Подъ этимъ годомъ монгольскій лѣтописецъ повѣствуетъ о походѣ, предпринятомъ внучатнымъ племянникомъ Алтанъ-хана Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжіемъ [1]) (онъ былъ внукомъ Гунъ-биликъ-мэргэнь-чжинонга, брата Алтанъ-хана) въ Тибетъ. Изъ разсказа монгольскаго лѣтописца видно, что тибетцы покорились вслѣдствіе одного лишь страха предъ монголами. Возвращаясь въ Монголію, князь этотъ захватилъ съ собою вмѣстѣ съ другими плѣнными и нѣсколько духовныхъ лицъ, которыя и были, конечно, первыми распространителями ученія Цзонхавы среди монголовъ [2]). Какъ видно изъ этого разсказа, тибетскіе проповѣдники не слишкомъ охотно шли къ монголамъ, не ожидая встрѣтить среди этихъ воинственныхъ кочевниковъ и безпощадныхъ грабителей охочихъ послѣдователей своей религіи мира и милосердія. Понятіе о монголахъ они составляли себѣ, конечно, по ближайшимъ своимъ сосѣдямъ, разбойничьи шайки которыхъ, свирѣпствовавшія незадолго предъ тѣмъ подъ начальствомъ И-бу-

1) Этого Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжія я склоненъ отожествлять съ Цѣцзин'омъ (Сэцэномъ), о которомъ упоминается въ Минъ-ши, какъ о племянникѣ Цзи-нын'а (Нояндара-чжинонга).

2) Schmidt, op. cit., 210—212 стр.

ла на берегахъ Кукэ-нора, наводили ужасъ на все окрестное населеніе. Между тѣмъ, тѣ немногіе проповѣдники, которымъ, благодаря тѣмъ или инымъ случайностямъ, пришлось попасть къ монголамъ, нашли, повидимому, среди нихъ (особенно представителей высшаго сословія) благодарную почву для воспріятія своего ученія. Тѣмъ не менѣе, монгольскимъ князьямъ не удавалось залучить къ себѣ тибетскихъ ламъ въ достаточномъ количествѣ. Судить объ этомъ можно потому, что тотчасъ же по заключеніи мира съ Китаемъ, Ань-да обращается въ Пекинъ съ ходатайствомъ о присылкѣ ему тибетскаго монаха и священныхъ буддійскихъ книгъ на тибетскомъ языкѣ, писанныхъ золотыми буквами [1]). Дальновидный генералъ-губернаторъ Ванъ-чунъ-гу не преминулъ обратить вниманіе пекинскаго правительства на религіозныя стремленія монгольскаго князя. Въ своемъ докладѣ по этому предмету онъ упоминаетъ, что буддизмъ какъ религія предписываетъ воздержаніе отъ кровопролитія, раскаяніе въ грѣхахъ и вообще добродѣтельное поведеніе. «Поэтому», заканчиваетъ свое представленіе генералъ-губернаторъ, «мы должны способствовать распространенію буддизма среди кочевниковъ и всячески помогать этому». Съ годами Ань-да, по словамъ Минъ-ши, сталъ все больше и больше питать пристрастіе къ буддизму [2]). Вскорѣ послѣ просьбы о присылкѣ ламы и тибетскихъ священныхъ книгъ, онъ началъ хлопотать о разрѣшеніи построить кумирни въ мѣстности Хай-нань (海南) (къ югу отъ озера, не отъ Кукэ-нора-ли?). Императоръ далъ просимое разрѣшеніе и даже пожаловалъ кумирнѣ особое почетное наименованіе.

Ань-да въ это время сталъ по долгу живать у западной части границы, въ мѣстности Цинъ-шань (青山). Двое его сыновей, Бинь-ту (賓兔) и Бинъ-ту (丙兔), поселились въ западной части провинціи Гань-су; первый въ мѣстности Сунъ-шань (松山), къ сѣверу отъ Лань-чжоу, а второй на Кукэ-норѣ, къ западу отъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.
2) У. Б. Д. Ц. 10 цз., 80 л.

Хэ-чжоу[1]). Князьки эти отличались гордостью и высокомѣріемъ и позволяли себѣ въ сношеніяхъ съ китайскими пограничными властями грубыя и дерзкія выходки. Ань-да, однако, удавалось безъ особаго труда обуздывать подчиненныхъ ему главарей, и вообще, вся западная часть сѣверной границы, гдѣ авторитетъ его былъ довольно значителенъ, была спокойна[2]). Не то замѣчается на востокѣ; — тамошніе монголы держались совершенно особнякомъ отъ миролюбиваго движенія, охватившаго ихъ собратьевъ. Главари этихъ кочевниковъ, повидимому, недовольные миромъ, заключеннымъ Ань-да, собрались подъ знамена Ту-ман'я (несомнѣнно Тумэнь-тайчжи или Цзасакту-ханъ Сананъ-сэцэна см. Schmidt, op. cit., стр. 200) котораго Минъ-ши называетъ начальникомъ Чахарскаго племени. Выше (стр. 189) мы уже видѣли, что этотъ Ту-мань не захотѣлъ подчиниться требованію Ванъ-чунъ-гу и не прислалъ посланцевъ въ отвѣтъ на приглашеніе пограничнаго генералъ-губернатора. Вокругъ этого главаря сгруппировалось еще не мало недовольныхъ. Такимъ образомъ, собралась цѣлая коалиція, состоявшая подъ главенствомъ Ту-ман'я изъ дяди его Хѣй-ши-тан'я (黑石炭), младшаго брата Вэй-чжэнъ-да (委正大), двоюродныхъ братей сего послѣдняго Нуань-ту (煖兔) и Гунъ-ту (拱兔), сына Ту-ман'я, Бу-янь-тай'я (卜言台) и племянника его Хуанъ-тай-цзи. Къ этой родственной лигѣ присоединились еще главари сосѣднихъ монгольскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ трехъ военныхъ поселеній, а именно, главари Тай-нин'скаго племени Су-ба-хай (速把亥) и Чао-хуа (炒花) и До-янь'скіе Дунъ-ху-ли и Чанъ-анъ (長昂)[3]). Понятно, что союзъ этотъ располагалъ не шуточными силами, съ которыми приходилось считаться китайскимъ пограничнымъ властямъ. Эти монгольскіе князья высматривали на границѣ гдѣ что̀ плохо лежитъ и держали въъ постоянномъ страхѣ пограничныхъ чиновниковъ и населеніе. Осо-

1) Хэ-чжоу лежитъ въ области Лань-чжоу.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.
3) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 4—6 лл.

бенно досаждалъ въ этомъ отношеніи китайцамъ Ту-мань, неоднократно вторгавшійся въ сѣверо-восточныя области имперіи [1]). Китайскіе пограничные начальники старались, по возможности, удерживать непріятеля и это имъ иногда удавалось. Такъ цзунъбинъ Ли-чэнъ-лянъ (李成梁) разбилъ Ту-ман'я у горы Чэшань (車山), причемъ было убито до 580 человѣкъ монголовъ; Шоу-бэй (воен. чин.) Цао (曹) разбилъ враговъ у Чанъ-шэнъпу (長勝堡) [2]), но, вообще говоря, побѣдителями все-таки оставались монголы и за время царствованія императора Лунъ-цин'а, а также въ первые годы правленія Вань-ли китайцы потеряли въ этой борьбѣ трехъ главнокомандующихъ (Цзянъ-цзюн'ей) [3]).

Глава XIII.

Царствованіе императора Вань-ли (萬曆) (1573—1620 гг.)

Частыя, но сравнительно незначительныя нападенія кочевниковъ на границу продолжались во всѣ первые годы правленія Вань-ли. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1577—78 гг.), однако, положеніе дѣлъ нѣсколько обострилось, и набѣги монголовъ стали принимать болѣе серьезный и опасный характеръ. Раннею весною 1578 года двое изъ членовъ коалиціи, о которой упомянуто выше, Ту-мань и Су-ба-хай приготовились произвести большое вторженіе и стали лагеремъ въ мѣстности Пи-шань. Противъ кочевниковъ выступилъ пограничный начальникъ Ли-чэнъ-лянъ, который быстрыми переходами, неожиданно подкрался къ лагерю непріятеля, разгромилъ его и убилъ до 430 монголовъ. Въ третьей лунѣ Ли-чэнъ-лянъ снова разбилъ непріятеля при Чанъ-динъ-пу, причемъ захвачено было еще 470 человѣкъ монголовъ. Не менѣе удачно

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.
2) Ibid.
3) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 3 л.

отраженъ былъ и третій набѣгъ, предпринятый монголами лѣтомъ того же 1578 года. На этотъ разъ, къ китайской границѣ подступило значительное войско въ 30 слишкомъ тысячъ человѣкъ. Они укрѣпились на Ляо-хэ, захватили Дунъ-чанъ-пу (東昌堡) и проникли въ предѣлы имперіи до Іо-чжоу (燿). Ли-чэнъ-лянъ предпринялъ при этомъ обходное движеніе и напалъ на непріятельскія силы, стоявшія у Юань-шан'я (圜); въ этомъ сраженіи монголы потеряли убитыми 840 человѣкъ, захвачено было въ плѣнъ девять предводителей и до 1.100 головъ лошадей. Монголы, стоявшіе подъ Іо-чжоу, услышавъ о такомъ пораженіи, нанесенномъ ихъ сородичамъ, поспѣшно отступили отъ осажденнаго ими города [1]).

Несмотря на періодическіе успѣхи китайскаго оружія, набѣги Ту-ман'я и его союзниковъ были, повидимому, очень чувствительны для пограничныхъ областей имперіи; судить объ этомъ можно потому, съ какою радостью было встрѣчено въ Пекинѣ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Ли-чэнъ-лян'омъ. Императоръ совершилъ по этому случаю поклоненіе въ храмахъ неба и предковъ и лично объявилъ народу о столь радостномъ событіи [2]). Пораженіе, понесенное монголами, нѣсколько ослабило ихъ воинственный пылъ, и Ту-мань желалъ послѣдовать примѣру своихъ западныхъ сосѣдей (Ань-да и другихъ князей) и заключить миръ, но китайцы не хотѣли согласиться на такой компромисъ и оставили домогательство Ту-ман'я безъ удовлетворенія. Такой образъ дѣйствій китайцевъ долженъ былъ естественно раздражить монголовъ, которые начиная съ 1579 года предпринимаютъ цѣлый рядъ походовъ на восточную половину сѣверной китайской границы [3]). Дѣятельными помощниками Ту-ман'я при этихъ набѣгахъ являлись главари урянхайскіе, изъ которыхъ выдающуюся роль игралъ До-янь'скій начальникъ Дунъ-ху-ли и племянники его, которые предъявляли пекинскому двору требованіе

---

1) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 3 л.
2) М. Ш. отд. Да-дань, 328 цз., 29—30 лл.
3) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 3—4 лл.

о наградахъ и, не получая просимаго, грабили пограничныя области. Въ 1579 году Ту-мань собралъ вмѣстѣ со своими союзниками до 40 тысячъ войска и произвелъ глубокое вторженіе, проникнувъ въ Цзинъ-чуань-инь (錦川營). Противъ него выступилъ китайскій отрядъ подъ начальствомъ Ли-чэнъ-лян'а, Мэнъ-лун'а (夢龍) и Ци-цзи-гуан'а (戚繼光). Монголы не выдержали натиска китайцевъ и повернули обратно[1]). Этотъ набѣгъ былъ только первымъ изъ цѣлаго ряда вторженій, предпринятыхъ восточными племенами монголовъ на китайскія пограничныя области. Очень скоро послѣ понесеннаго имъ пораженія, Ту-мань вмѣстѣ съ урянхайскимъ главаремъ Су-ба-хай'емъ, снова подошелъ къ границѣ и укрѣпился въ мѣстности Хунъ-ту-чэнъ (紅土城), распространяя слухъ, что собирается идти на Хай-чжоу; вмѣсто того, онъ вторгся въ Цинъ-чжоу и И-чжоу. На этотъ разъ Ли-чэнъ-лянъ снова пустилъ въ ходъ уже испытанный имъ маневръ, — захватилъ небольшой отрядъ отборнаго войска, вышелъ за предѣлы и напалъ на укрѣпленный лагерь непріятеля, причемъ захватилъ 470 слишкомъ человѣкъ монголовъ[2]). Всѣ набѣги монголовъ, произведенные за это время въ восточной части сѣверной границы, носили скорѣе разбойничій характеръ и брали своею неожиданностью, а никакъ не правильностью и систематичностью; лишь только монголы узнавали о приближеніи китайскихъ правительственныхъ войскъ, они спѣшили отступать передъ ними и появлялись на какомъ-нибудь другомъ, слабо защищенномъ пунктѣ границы. Въ Минъ-ши, въ біографіи Ли-чэнъ-лян'а мы находимъ подробное, чуть не помѣсячное перечисленіе всѣхъ этихъ вторженій, передавать каковыя здѣсь было-бы конечно излишне. Достаточно упомянуть, что въ этихъ набѣгахъ принимали участіе какъ племена, непосредственно подчиненныя Ту-ман'ю, такъ и монголы, входившіе въ составъ трехъ военныхъ поселеній (урянхайцы). Надо думать, что китайское правитель-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

2) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 4 л.

ство оставалось довольно поведеніемъ своихъ пограничныхъ начальниковъ въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ главному изъ нихъ Личэнъ-лян'у былъ пожалованъ въ награду титулъ Нинъ-юань-бо (寧遠伯)[1].

Между тѣмъ, Ань-да, въ прямую противуположность своимъ восточнымъ сосѣдямъ, со времени заключенія мира, строго придерживался условій его, спокойно велъ свою торговлю съ Китаемъ и относился съ величайшимъ почтеніемъ къ китайскому правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за всѣми своими подчиненными и, при малѣйшей попыткѣ съ ихъ стороны нарушить миръ, строго расправлялся съ ними, отправляя каждый разъ въ Пекинъ посланцевъ съ извиненіями.

Престарѣлому монгольскому князю было въ то время не до войнъ; онъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжіемъ, занятъ былъ благочестивыми паломничествами къ Кукэ-нору для торжественной встрѣчи выѣхавшаго къ нему туда буддійскаго первосвященника и распространеніемъ «желтой» вѣры среди своихъ подданныхъ. Подробное описаніе этихъ событій мы находимъ у монгольскаго лѣтописца (см. Schmidt, op. cit., стр. 224 и слѣд.). Китайское правительство, въ лицѣ своихъ пограничныхъ администраторовъ, прекрасно понимало всю выгодность религіознаго увлеченія монгольскаго князя и всячески поощряло всѣ начинанія его въ этомъ направленіи. Въ отвѣтъ на посольства, присылавшіяся монголами въ Пекинъ, и Китайцы часто слали къ монгольскому хану гонцовъ съ щедрыми подарками.

Неудивительно поэтому, что въ Пекинѣ произвело непріятное впечатлѣніе извѣстіе о смерти Алтанъ-хана, послѣдовавшей весною 1582 года[2]). Китайское правительство приложило особыя старанія къ тому, чтобы оффиціальныя поминки по умершемъ князѣ были справлены возможно торжественнѣе. Императоръ отправлялъ семь разъ спеціальныхъ чиновниковъ для принесенія по-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 28 л.
2) У Сананъ-сэцэна смерть Алтанъ-хана пріурочена къ 1583 году.

койному посмертныхъ жертвъ; не поскупился пекинскій дворъ и на посмертные подарки, которыхъ нарочно было отправлено большое количество, дабы всѣ знали о примѣрномъ награжденіи вѣрнаго союзника императора. Вдова покойнаго и сынъ ея Хуанъ-тай-цзи[1]) составили, по этому случаю, благодарственную грамоту и отправили ее ко двору вмѣстѣ съ данью, состоявшею изъ лошадей. За это обоимъ имъ были пожалованы шелковыя и холщевыя матеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ былъ указъ, коимъ Хуанъ-тай-цзи жаловался титулъ покойнаго Ань-да, Шунь-и-ван'а. При этомъ, говоритъ историкъ Минъ-ши, князь этотъ перемѣнилъ свое имя и сталъ называться Ци-цинъ-ха (乞慶哈). Чрезъ три года по вступленіи въ управленіе онъ умеръ, при чемъ, по повелѣнію императора, ему были принесены слѣдовавшія по обычаю жертвы[2]). Сананъ-сэцэнъ говоритъ, что Алтанъ-хану наслѣдовалъ сынъ его, Сэнгэ-дугурэнъ-тэмуръ, но китайцы утвердили дарованный ими Ань-да титулъ Шунь-и-ван'а не за нимъ, а за племянникомъ умершаго князя, Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжіемъ. Объясняется это распоряженіе несомнѣнно тѣмъ, что послѣдній князь пользовался среди монголовъ бо́льшими извѣстностью и авторитетомъ, а также былъ болѣе ярымъ приверженцемъ вновь введенной религіи Цзонхавы, о распространеніи и утвержденіи коей среди кочевниковъ такъ усиленно хлопотало пекинское правительство.

Изъ разсказа Сананъ-сэцэна мы узнаемъ, что, одновременно съ обращеніемъ въ буддизмъ Алтанъ-хана, принялъ ученіе Цзонхавы въ 1576 году и Тумэнь-тайчжи. Новая религія не успѣла, однако, пустить еще здѣсь глубокихъ корней и ничуть не мѣшала восточнымъ монгольскимъ князьямъ продолжать постоянные набѣги на китайскую территорію. Правда, Тумэнь-тайчжи и его союзники неоднократно выражали желаніе заключить миръ съ ки-

1) Это очевидно, ошибка, такъ какъ Хуанъ-тай-цзи (т. е. Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжи) не былъ сыномъ, а племянникомъ Ань-да.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 28 л.

тайцами, но въ Пекинѣ къ этимъ предложеніямъ относились несочувственно изъ опасенія, что условія мира окажутся, пожалуй, тяжелѣе тѣхъ расходовъ, которые несла казна отъ содержанія на границѣ усиленнаго комплекта войскъ. На сѣверо-восточной границѣ имперіи, война такимъ образомъ не прекращалась, причемъ во главѣ нападавшихъ монголовъ продолжали стоять, кромѣ Ту-ман'я, еще Тай-нин'скій главарь Су-ба-хай и До-янь'скій начальникъ Чанъ-анъ.

Преемникомъ Ци-цинъ-хан'а, т. е. Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжія Минъ-ши называетъ сына его Шу-ли-кэ(撦力克), который вступилъ въ управленіе чрезъ годъ по смерти отца, весною 1587 года[1]). Транскрибированное на китайскій ладъ имя Шу-ли-кэ весьма трудно отожествить съ именами какого-либо изъ монгольскихъ князей того времени. Сына Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжія Cананъ-сэцэнъ называетъ Улчжэй-илдучи-дарханъ-багатуромъ, каковое имя не имѣетъ, конечно, и отдаленнаго сходства съ Шу-ли-кэ. Выдающуюся роль въ правленіи Шу-ли-кэ играла жена его, Сань-нянъ-цзы (三娘子), приходившаяся внучкою Ань-да съ женской стороны. По словамъ Минъ-ши, эту Санъ-нянъ-цзы Ань-да отнялъ у Ба-хань-на-цзи и сдѣлалъ своей любовницей. Такимъ образомъ, она жила съ тремя князьями. Княгиня эта отличалась недюжиннымъ умомъ и несла на себѣ почти всѣ тяготы правленія: она завѣдывала всѣми войсками и усиленно заботилась о соблюденіи порядка въ пограничныхъ мѣстностяхъ имперіи, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы монгольскіе военачальники не производили никакихъ грабежей. Всѣ ее боялись и слушались. Въ благодарность за такую дѣятельность китайцы пожаловали энергичной ханьшѣ титулъ Чжунъ-шунь-фу-жэнь.

При Шу-ли-кэ среди подчиненныхъ ему монголовъ снова стали пробуждаться прежняя воинственность и страсть къ грабежамъ. Воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ старшаго князя, отправившагося походомъ на западъ, главари монголовъ ко-

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 28 л.

чевавшихъ въ Хэ-тао, Чжуанъ-ту-лай (莊秃賴) и другіе, захватили Шуй-танъ (水塘). Въ то же время Бу-ши-ту (卜失土) и Хо-ло-чи (火落赤) осѣли на рѣкахъ Мань-ла (莽剌) и Нѣ-гунъ (捏工) и неоднократно производили вторженія въ округа Гань-чжоу, Лянъ-чжоу, Тао-чжоу, Минь-чжоу и въ Си-нинъ. Происходило это въ 1589—90 гг. Вслѣдствіе такого нарушенія мирнаго договора со стороны монголовъ, пекинское правительство приняло, съ своей стороны, репрессивныя мѣры.—Въ 1591 году былъ изданъ указъ, которымъ приказано было остановить торговлю съ племенами, подчиненными Шу-ли-кэ, и прекратить награжденіе послѣдняго. Узнавъ о такомъ распоряженіи, Шу-ли-кэ явился на границу съ повинною и откочевалъ съ своими племенами на востокъ, но Чжуанъ-ту-лай, Бу-ши-ту и другіе продолжали по прежнему производить набѣги въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Къ нимъ присоединились и главари племенъ Минъ-ань (明安) и Ту-мэй (土昧), которые грабили пограничныя мѣстности области Юй-линь. Выступившіе противъ этихъ послѣднихъ китайскіе отряды дѣйствовали довольно удачно. Въ сраженіяхъ, происшедшихъ между монголами и китайцами, первые потеряли плѣнными и убитыми до 500 человѣкъ, въ числѣ коихъ находился и князь племени Минъ-ань. Въ 1592 году начальникъ области Нин-ся, Бо-бай (哱拜) передался на сторону монголовъ и призвалъ къ себѣ Бу-ши-ту, Чжуань-ту-лай'я и другихъ монгольскихъ главарей, которые и вторглись съ большимъ войскомъ, но были успѣшно отбиты китайцами, находившимися подъ начальствомъ цзунъ-бин'а Ли-жу-сун'а (李如松)[1]). Объ этомъ послѣднемъ походѣ находимъ извѣстіе и у Сананъ-сэцэна[2]). Князь, названный у китайцевъ Бу-ши-ту, несомнѣнно Бушукту-чжинонгъ монгольскаго лѣтописца. По свѣдѣніямъ Сананъ-сэцэна, Бушукту былъ сыномъ Буянъ-багатуръ-хунтайчжія и внукомъ Ноядара-чжинонга. Прочихъ именъ, встрѣчаемыхъ въ этомъ мѣстѣ въ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 28 л.
2) См. Schmidt, op. cit., 258 стр.

Минъ-ши, я не могу отожествить ни съ однимъ изъ именъ монгольскихъ князей, перечисленныхъ у Сананъ-сэцэна и дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Бушукту-чжинонгомъ. О второмъ походѣ, предпринятомъ Бушукту-чжинонгомъ на Китай въ 1594 г. и упоминаемомъ у Сананъ-сэцэна, повѣствуется также и въ Минъши. Осенью 1594 года Бу-ши-ту, по словамъ китайскаго историка, вторгся въ Гу-юань. Первые китайскіе отряды, высланные противъ кочевниковъ, терпѣли отъ нихъ пораженія и только Яньсуй'скому цзунъ-бин'у Ма-гуй'ю (麻貴) удалось остановить движеніе монголовъ и обратить ихъ въ бѣгство. Но чрезъ мѣсяцъ они уже возвратились, и вся Шэнь-си'ская пограничная страна была въ страхѣ[1]). Изъ сравненія монгольскаго разсказа объ этомъ нашествіи съ китайскимъ намъ приходится еще лишній разъ убѣдиться въ совершенной добросовѣстности китайскаго историка. Въ самомъ дѣлѣ, — Сананъ-сэцэнъ лишь съ бо́льшими подробностями передаетъ о столкновеніяхъ, происшедшихъ въ это время между непріятельскими войсками, при чемъ ни китайцы, ни монголы не имѣли никакого рѣшительнаго перевѣса[2]).

Всѣ слѣдующіе за тѣмъ годы до 1605 г. переполнены въ лѣтописи Минъ-ши перечисленіемъ безпрерывныхъ набѣговъ монголовъ по всей границѣ. Такой рѣзкій переходъ отъ полнаго миролюбія къ воинственности, на ряду съ сообщаемыми монгольскимъ лѣтописцемъ свѣдѣніями объ успѣхахъ буддійской проповѣди въ Монголіи, являются совершенно непонятными. Остается предположить, что горячими поклонниками буддизма являлись одни лишь старшіе князья, которые и приглашали проповѣдниковъ, строили храмы и сооружали кумиры; главная же масса народа оставалась равнодушною къ новой религіи и, лишь только умеръ сильный и пользовавшійся дѣйствительно авторитетомъ и значеніемъ Алтанъ-ханъ, мелкіе князья и народъ, не видѣвшіе для себя особыхъ выгодъ отъ установленныхъ въ пограничныхъ съ Ки-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 29 л.
2) Schmidt, op. cit., 258—260 стр.

таемъ областяхъ торговыхъ сношеній, стали требовать возобновленія прежнихъ войнъ и грабежей. Главные ихъ князья, какъ напримѣръ, Бушукту-чжинонгъ или Тумэнь-тайчжи, являвшіеся ревностными послѣдователями религіи мира и бывшіе щедрыми милостынедателями, не могли, конечно, противиться единодушному желанію своихъ подданныхъ, и принуждены были возобновить старыя нападенія на пограничныя области, удовлетворявшія природную удаль кочевниковъ и доставлявшія имъ значительную добычу.

Какъ ни однообразны разсказы Минъ-ши объ этихъ набѣгахъ монголовъ на китайскую границу, но прослѣдить ихъ послѣдовательно представляется тѣмъ не менѣе интереснымъ въ томъ отношеніи, что по нимъ можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ группировались въ то время монгольскія племена и которыя изъ нихъ имѣли преобладающее надъ другими значеніе. Въ 1594 году восточное племя Чао-хуа (炒花), (Чахары?) произвело вторженіе въ Чжань-у-пу (鎮武堡). Противъ нихъ выступилъ цзунъбинъ Дунъ-и-юань (董一元), поразившій на голову кочевниковъ и обратившій ихъ въ бѣгство. Въ слѣдующемъ 1595 году главарь Сун'скаго (松) племени (сунниты?) произвелъ нападенія на пограничныя области провинціи Шэнь-си. Противъ него выступилъ мѣстный генералъ-губернаторъ Ѣ-мэнъ-сюнь (葉夢熊) и остановилъ монголовъ. Осенью того же года Хай'ское (Кукэнорское?) племя Юнъ-шао-бу произвело вторженіе въ область Си-нинъ. Шэнь-си'скій губернаторъ распорядился устроить засаду, причемъ весьма полезное содѣйствіе было оказано ему мѣстными инородцами подъ начальствомъ Ма-ци-са-бу-эрръ-цзя (馬其撒卜兒加), помнившими несомнѣнно о притѣсненіяхъ, вынесенныхъ ими отъ монгольскихъ разбойничьихъ шаекъ и радовавшимися случаю отомстить своимъ недавнимъ притѣснителямъ. Засада эта оказалась какъ нельзя болѣе удачною; убито было 683 монгола. Когда императоръ узналъ объ этомъ, онъ чрезвычайно обрадовался и не поскупился на награды побѣдителямъ, причемъ выразилъ особенное удовольствіе, когда ему донесли, что инородцы

14

приняли добровольное участіе въ этомъ сраженіи. Ободренныя этимъ успѣхомъ китайскія пограничныя власти въ слѣдующемъ 1596 году предприняли уже сами походъ въ Монголію и неожиданно напали на лагерь Бу-ши-ту. Кочевники были застигнуты врасплохъ, и китайцамъ удалось захватить значительное количество лошадей, скота и оружія. Одновременно съ симъ главарь Хо-ло-чи въ другой части границы производилъ мелкіе грабежи; тамъ съ монголами сразился цанъ-цзянъ (воен. чинъ) Чжоу-го-чжу (周國柱) и одержалъ побѣду. Осенью три монгольскихъ главаря Чжо-ли-ту (著力兎), А-чи-ту (阿赤兎) и Хо-ло-чи сдѣлали нападеніе на западную границу; въ то же время Чао-хуа (Чахары) напали на Гуанъ-нинъ. Китайскій пограничный начальникъ выступилъ противъ нихъ съ отборнымъ войскомъ и остановилъ ихъ. Въ слѣдующемъ 1597 году они повторили свое нападеніе, причемъ грабили и убивали безъ счета. Въ то же время Хай'скія (Кукэ-норскія) племена грабили округъ Гань-чжэнь. Племя Чао-хуа оказывалось особенно настойчивымъ и постояннымъ въ своихъ нападеніяхъ. Въ 1598 году эти монголы произвели вторженія въ Ляо-дунъ; выступившій противъ кочевниковъ цзунъ-бинъ Ли-жу-сунъ зашелъ слишкомъ далеко, попалъ въ самое гнѣздо враговъ и былъ убитъ. Мѣстный губернаторъ поспѣшилъ снарядить экспедицію, дабы отомстить за неудачу, понесенную его подчиненными. Выбравъ удобный моментъ, онъ напалъ съ тылу на Хо-ло-чи и другихъ главарей при Сунъ-шан'ѣ (松山)[1], разбилъ ихъ и возвратилъ захваченныя ими земли. Несмотря на этотъ единичный случай успѣха, можно думать, что китайцамъ приходилось довольно жутко. Судить объ этомъ можно потому, что въ Пекинѣ постарались заключить миръ съ однимъ и притомъ, по словамъ Минъ-ши, самымъ главнымъ изъ монгольскихъ главарей, Шу-ли-кэ; ему было предоставлено торговать на границѣ и, кромѣ того, возобновилась прежняя посылка къ нему

---

1) Мѣстность Сунъ-шань лежала въ предѣлахъ Харачинскаго аймака.

подарковъ. Мѣра эта не привела, однако, къ желаемымъ результатамъ, такъ какъ другіе главари, не получившіе преимуществъ, дарованныхъ Шу-ли-кэ, стали изъявлять на это претензіи, громко выражая неудовольствіе и требуя такого же разрѣшенія и себѣ и, не получая удовлетворенія, производили опустошительные набѣги на пограничныя области. Особенно энергичными нападеніями отличались Чжо-ли-ту (если это названіе племени, а не князя, то оно походитъ на Цзалайтъ или Цзарутъ) и Ту-мань. Китайскіе пограничные чиновники, тѣснимые кочевниками, стали обращаться къ своему правительству съ представленіями о желательности открыть возможно бо̀льшее число конныхъ рынковъ. Есть основаніе предполагать, что ходатайства эти были уважены, такъ какъ непосредственно послѣ того наступаетъ довольно продолжительное затишье, изрѣдко нарушаемое единичными набѣгами отдѣльныхъ главарей. Тогдашнее положеніе дѣлъ въ Монголіи обрисовано довольно характерно въ слѣдующемъ докладѣ пограничнаго генералъ-губернатора Сюй-сань-вэй'я (徐三畏): «Племена, кочующія въ Хэ-тао, не сходны съ тѣми изъ монголовъ, которые живутъ къ востоку отъ рѣки. На востокѣ всѣ дѣла сосредоточены въ однѣхъ рукахъ [1]). Если вступить съ ихъ начальникомъ въ соглашеніе, то отношенія, разъ завязавшись, не измѣнятся и въ тридцать лѣтъ. Ордосскія же племена раздѣлились на *сорокъ два* отдѣла, изъ которыхъ каждый претендуетъ на наибо̀льшее значеніе и вѣсъ. Изъ тамошнихъ главарей Бу-ши-ту пользуется одною лишь пустою славою, будто онъ стоитъ выше другихъ. Хо-ло-чи, кочующій на западъ, очень непостояннаго характера и притомъ отличается положительно ненасытною алчностью. Кочующій въ центрѣ Ба-янь-тай (擺言太) [2]), послѣ смерти отца своего Минъ-ан'я (明安) [3]), ни одного года не пропускалъ безъ того, чтобы не пограбить.

---

1) Разумѣется, вѣроятно, въ рукахъ Ту-ман'я.

2) Несомнѣнно Буяньтай-еѣчи-нойянъ С. С., см. Schmidt, op. cit., 220 стр.

3) Несомнѣнно Минхай-еѣчи — С. с. см. Schmidt, op. cit., 220 стр.

На востокѣ Ша-цзи (沙計) свелъ дружбу съ Чао-хуа, и всѣ они почти ни одного дня не отдыхаютъ отъ грабежей. Всего народу у ордосскихъ монголовъ есть нѣсколько десятковъ тысячъ, но такъ какъ они раздѣлились на 42 отдѣла, то въ каждомъ не болѣе 2 — 3 тысячъ, а въ нѣкоторыхъ даже всего 1 — 2 тысячи. При веденіи съ ними дѣла должно раздѣлить ихъ силы и принимать приносимую ими дань, причемъ тѣхъ, которые придутъ съ изъявленіемъ покорности раньше, слѣдуетъ милостиво принимать и награждать, прочихъ-же должно прогонять. При всемъ томъ необходимо быть всегда готовыми къ войнѣ, дабы всѣ знали, что Китай силенъ».

Предложенный Сюй-сань-вэй'емъ образъ дѣйствій, повидимому, показался правительству цѣлесообразнымъ. Немедленно вслѣдъ за симъ было разрѣшено являться съ данью и производить мѣновую торговлю двумъ главарямъ Цзай-сай'ю (宰賽) и Хо-ло-чи[1]). Вскорѣ послѣ того, въ 1607 году[2]) умеръ Шу-ли-кэ бездѣтнымъ, и послѣ его смерти всѣми дѣлами стала завѣдывать его вдова Чжунъ-шунь-фу-жэнь, исполнявшая всѣ обязанности правителя. Видя то значительное вліяніе, которымъ пользовалась энергичная ханьша, наиболѣе сильный изъ монгольскихъ князей, Бу-ши-ту, выразилъ желаніе взять ее себѣ въ жены, но Чжунъ-шунь-фу-жэнь отказала ему. Между тѣмъ, подвѣдомственные ему мелкіе князья, Су-нанъ-тай-цзи (素囊) и У-лу-тай-цзи (五路), не ладили между собою[3]). Историкомъ Минъ-ши оба эти обстоятельства, выставляются какъ бы причиною того, что китайцы не утверждали за Бу-ши-ту титула Шунь-и-ван'а. Это предположеніе, впрочемъ, вполнѣ подтверждается изъ послѣдующаго изложенія. Въ 1613 году Чжунъ-шунь-фу-жэнь, наконецъ, согласилась на бракъ съ Бу-ши-ту; немедленно вслѣдъ за симъ всѣ главари, восточные и западные, обратились къ императору съ ходатайствомъ о

---

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 30 л.
2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 21 цз., 6 л.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 39 л.

назначеніи его ваномъ, и просьба ихъ была уважена. Вскорѣ послѣ того Чжунъ-шунь-фу-жэнь умерла, и вмѣстѣ съ тѣмъ силы Бу-ши-ту начали повидимому слабѣть. Вѣрными ему оставались лишь тѣ изъ монголовъ, которые кочевали у границъ Да-тун'а. Многіе же изъ подчиненныхъ ему князей, въ томъ числѣ и помянутые выше Су-нанъ-тай-цзи, У-лу-тай-цзи и другіе сравнялись съ нимъ силами и стали претендовать на самостоятельность. Пекинское правительство, котораго, повидимому, уже начинало безпокоить чрезмѣрное усиленіе Бу-ши-ту, поспѣшило воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, по совѣту генералъ-губернатора провинцій Сюань-фу и Да-тун'а, пожаловало всѣмъ этимъ главарямъ почетные титулы и награды [1]). Этими мѣропріятіями китайцамъ удалось обезпечить себѣ на нѣкоторое время спокойствіе въ западной и центральной частяхъ границы. Но на востокѣ Чао-хуа (Чахары?) не прекращали своихъ разбойническихъ нападеній на пограничныя области. Они дѣйствовали подъ начальствомъ князя Ху-дунь-ту (虎墩兔), потомка юаньскихъ императоровъ. Его предокъ, Да-лай-сунь, сначала кочевалъ у границъ области Сюань-хуа-фу; когда же усилился Ань-да, то онъ, опасаясь его могущества, откочевалъ на рѣку Ляо, захватилъ нѣсколько незначительныхъ поколѣній урянхайскаго племени Фу-юй и неоднократно производилъ набѣги на западныя части области Цзи. Ху-дунь-ту приходился праправнукомъ Да-лай-сун'я [2]). Набѣги, которые онъ производилъ совмѣстно съ Цай-сай'емъ и Нуань-ту (煖兔), были довольно удачны. Чахары достигли Пинъ-ло и Да-нин'а и потребовали у китайцевъ наградъ, обѣщая отступить только при условіи полученія ихъ. Пекинское правительство не замедлило исполнить требованіе монголовъ. Успѣхъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 30—31 лл.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 31 л.; Ху-дунь-ту — это несомнѣнно Линданъ-багатуръ-тайчжи, извѣстный также подъ именемъ Хутухту-хагана. Сананъ-сэцэнъ даетъ намъ подробную родословную этого хана: онъ былъ сыномъ Манхукъ-тайчжія, внукомъ Буянъ-тайчжія, правнукомъ Тумэнь-тайчжія и праправнукомъ Дарайсунь-кудэнъ-тайчжія. См. Schmidt, op. cit., стр. 198—202.

этотъ былъ причиною того, что и западные сосѣди Чахаръ, подъ начальствомъ князя Мэнъ-кэ-ши-ли (猛克什力) (вѣроятно одинъ изъ главарей, находившихся подъ главенствомъ Бу-ши-ту), произвелъ нападеніе на Хуай-юань (懷遠)[1], а также Бао-нинъ (保寧)[2] и Янь-суй. Набѣгъ этотъ оказался, однако, неудачнымъ, — монголы были разбиты китайскими войсками и потеряли убитыми слишкомъ 200 человѣкъ. Вообще западные монголы были довольно несчастливы въ своихъ нападеніяхъ на пограничныя области имперіи и предводитель ихъ, Мэнъ-кэ-ши-ли, терпѣлъ неоднократныя пораженія отъ китайскихъ военачальниковъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ пораженій была полная децентрализація власти среди нихъ. Бу-ши-ту, повидимому, уже успѣлъ утратить свой авторитетъ, Мэнъ-кэ-ши-ли — также не могъ достаточно усилиться, и каждый изъ племенныхъ начальниковъ входилъ въ отдѣльныя соглашенія съ китайскимъ правительствомъ. Всѣ они засылали въ Пекинъ посланцовъ съ ходатайствами о разрѣшеніи являться съ данью и производить мѣновую торговлю[3]). Пекинское правительство съ тѣмъ бо́льшею готовностью удовлетворяло всѣ такія просьбы монголовъ, что въ то время уже начинало обращать на себя вниманіе необычайно быстрое усиленіе маньчжуровъ. Въ 1618 году маньчжуры неожиданно захватили Фу-шунь и Кай-юань[4]). Этимъ моментомъ поспѣшили воспользоваться Чахары, а также племя Най-мань и другія семь поколѣній, которыя поторопились заключить на выгодныхъ для себя условіяхъ оборонительный союзъ съ китайцами, вытребовавъ для себя предварительно солидныя награды. Особенно ловко воспользовался обстоятельствами Ху-дунь-ту, который, какъ можно судить изъ разсказа историка Минъ-ши, отдавалъ въ жертву маньчжурамъ своихъ слабыхъ союзниковъ, Цзай-сай'я, Цзинь-тай-ши (金台什) и другихъ, и, ничѣмъ не рискуя, требовалъ себѣ постоянныхъ

1) Хуай-юань лежалъ въ пров. Гань-су, обл. Нинъ-ся-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.
2) Бао-нинъ — пров. Шэнь-си, обл. Юй-линь-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.
3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 31 л.
4) Ibid.

субсидій отъ пекинскаго правительства. За 1620 годъ онъ получилъ изъ Пекина не менѣе 40 тысячъ ланъ, что составляло по тому времени весьма почтенную сумму[1]).

Глава XIV.

Правленіе императора Тянь-ци (天啟) (1621—1628) и первые годы правленія императора Чунъ-чжэн'а (崇禎) (1628—1634).

Щедрыми подарками китайцамъ удалось, на время по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ спокойствіе со стороны чахаръ. Въ началѣ правленія императора Тянь-ци мы не встрѣчаемъ вовсе упоминаній о нападеніяхъ съ этой стороны. Съ 1621 по 1624 г. въ Минъ-ши повѣствуется лишь о мелкихъ набѣгахъ монголовъ на западныя области границы. Здѣсь дѣйствовали со стороны кочевниковъ Цзи-нынъ, Инь-динъ (銀定) и Гу-лю-тай-цзи (古六), производившіе нападенія на пограничные участки провинцій Шань-си, Шэнь-си и Гань-су, но китайцы безъ особаго труда отражали ихъ. Между тѣмъ добрыя отношенія, царившія между пекинскимъ дворомъ и Ху-дунь-ту (Линданъ-ханомъ) внезапно измѣнились, вслѣдствіе того, что китайцы отказались уплатить алчному монгольскому князю 13.000 ланъ за какую-то оказанную имъ услугу. Поссорившись съ китайцами, этотъ монгольскій князь въ 1628 г. напалъ прежде всего на своихъ единоплеменниковъ и ближайшихъ сосѣдей Ха-ла-чжэн'ей (哈喇嗔) (Харачинъ) и Баянь-тай-цзи, которые, вѣроятно, не хотѣли такъ рѣзко перемѣнять своихъ отношеній къ китайцамъ. Расправившись со своими бывшими союзниками, Ху-дунь-ту двинулся на западъ, напалъ на племена, подчиненныя Бу-ши-ту, нанесъ имъ сильное пораженіе и, упоенный своими побѣдами, вторгнулся въ предѣлы имперіи, а именно въ области Сюань-фу и Да-тунъ. Нападеніе это было настолько серьезно, что императоръ лично прибылъ на границу, въ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 31 л.

мѣстность Пинъ-тай (平臺), потребовалъ къ себѣ генералъ-губернатора Ванъ-сянъ-ган'я (王象乾) и приказалъ ему изложить его взгляды на современное положеніе дѣлъ. Разбирая сравнительную силу различныхъ монгольскихъ племенъ, генералъ-губернаторъ пришелъ къ тому заключенію, что, конечно, можно было-бы найти противовѣсъ для борьбы съ чахарами въ лицѣ всѣхъ другихъ монголовъ, если бы только они сплотились въ тѣсный союзъ [1]) Но такъ какъ дѣло это представлялось затруднительнымъ, то, по мнѣнію генералъ-губернатора, слѣдовало бы лучше придти къ соглашенію съ чахарами и сдѣлать изъ нихъ себѣ опору противъ нападеній какъ всѣхъ прочихъ монголовъ, такъ и маньчжуръ. Императоръ одобрилъ этотъ планъ и Сянъ-ган'ю было поручено привести его въ исполненіе. Желая во что бы то ни стало заручиться расположеніемъ Ху-дунь-ту, онъ рѣшилъ заключить съ нимъ договоръ, по которому китайцы обязывались выплачивать ему ежегодно 81.000 ланъ, а чахары обѣщали за это быть вѣрными союзниками имперіи. Въ этомъ дѣлѣ противникомъ предложеннаго Сянъ-ган'емъ образа дѣйствій явился Да-тун'скій губернаторъ Чжанъ-цзунъ-хэнъ (張宗衡), который представилъ по этому поводу докладъ слѣдующаго содержанія: «Чахары подошли къ границамъ областей Сюань-фу и Да-тунъ, къ мѣстности Синь-чэнъ (新城) [2]), отстоящей отъ Да-тун'а на разстояніи всего 200 ли. Они оставались тамъ слишкомъ 3 мѣсяца и не осмѣливались произвести вторженіе. Изъ этого можно заключить, что они, вѣроятно, голодны и бѣдны, какъ мы сами (sic) и жили на деньги, которыя получали отъ насъ. Теперь въ теченіе двухъ лѣтъ они не получаютъ ничего, и потому средства ихъ изсякли; они все пріѣли, лошади у нихъ устали и земля ихъ покрылась трупами какъ травой. Теперь Ча-

---

1) Здѣсь мы имѣемъ въ Минъ-ши интересное перечисленіе тѣхъ монгольскихъ племенъ, которыя могли-бы составить лигу противъ Чахаръ: на первомъ мѣстѣ поставлено племя Юнъ-шао-бу. затѣмъ слѣдуютъ племена, подчиненныя Бу-ши-ту, 36 родовъ До-янь и племя Ха-ла-чжэнь.

2) Леж. въ пров. Шань-си, въ округѣ Дай-чжоу. Л. Д. Д. Л. Ч.

хары смотрятъ на то, чтобъ вступить въ соглашеніе, также какъ люди ожидаютъ урожая. Если мы теперь пошлемъ имъ серебра, холста, коровъ, барановъ, чаю, плодовъ и рису, то какъ разъ исполнимъ лишь ихъ желаніе. Что же касается ихъ дурнаго и беззаконнаго поведенія, то лучше не смотрѣть на него и не слышать о немъ, и если теперь, когда они страстно желаютъ соглашенія съ нами, въ нихъ замѣчаются такія наклонности, то что-же будетъ, когда мы накормимъ ихъ самихъ и ихъ коней! Ихъ самовольство и безразсудство дойдутъ до такихъ крайностей, что и представить себѣ будетъ трудно». Сянъ-гань, между тѣмъ продолжалъ держаться своего прежняго мнѣнія и доносилъ въ Пекинъ о вредѣ, котораго можно ожидать, если переговоры затянутся или совершенно прекратятся. Въ Пекинѣ, какъ и всегда, предпочли болѣе спокойный образъ дѣйствій, рѣшено было войти въ соглашеніе съ Чахарами, и въ этомъ смыслѣ была послана инструкція на границу. По обыкновенію, эти задабриванія не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ, такъ какъ Ху-дунь-ту не удовольствовался уплачиваемою ему китайцами субсидіею и въ слѣдующемъ же 1629 году произвелъ набѣгъ на область Янь-суй и просилъ о пожалованіи ему добавочныхъ наградъ. Китайцамъ лишь съ трудомъ удалось отразить его. Всѣ эти мелкіе набѣги и нападенія монгольскихъ князей, впрочемъ, очень скоро стушевались предъ грандіознымъ нашествіемъ маньчжуровъ, которые начали сплошное движеніе на югъ въ 1633 году. Всѣ племена монгольскія, кочевавшія у восточныхъ предѣловъ Китая, спѣшили наперерывъ поддаться грознымъ завоевателямъ или бѣжать отъ нихъ возможно дальше. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Ху-дунь-ту съ своими Чахарами, которые не хотѣли подчиняться новымъ завоевателямъ. Онъ потерпѣлъ рядъ пораженій отъ маньчжуръ и умеръ въ 1634 году. Весь родъ его попалъ въ руки побѣдителей [1]).

Послѣ этого рѣшительнаго пораженія, нанесеннаго Чахарамъ, восточные монголы уже перестали играть всякую самостоятельную

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 38 л.

роль, которую сохраняютъ еще въ теченіе нѣкотораго времени ихъ западные сосѣди, монголы, кочевавшіе въ предѣлахъ Ордоса. Подробное изложеніе дальнѣйшихъ событій изъ исторіи монголовъ мы находимъ въ китайскихъ источникахъ, относящихся уже ко времени нынѣшней маньчжурской династіи, изученіе коихъ не можетъ входить въ предѣлы настоящаго изслѣдованія.

УКАЗАТЕЛЬ.

15